

ВКП (б) В БОРЬБЕ С УКЛОНАМИ

СЕРИЯ ПОСОБИЙ ДЛЯ ПАРТИЙНОГО САМООБРАЗОВАНИЯ И СОВПАРТШКОЛ

„РАБОЧАЯ ОППОЗИЦИЯ“

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ 1920—1926 г. г.

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Ем. ЯРОСЛАВСКОГО

Допущено подсекцией по работе со взрослыми Научно-Политической Секции ГУС'а

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 ★ 9 ★ 2 ★ 6

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПРОРАБОТКИ РЕШЕНИЙ XIV СЪЕЗДА ВКП (б)

Сталин, И. В. Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду Российской коммунистической партии (большевиков). Стр. 104. Ц. 35 к.

Сталин, И. В. К вопросам ленинизма. Стр. 64. Ц. 20 к.

Молотов, В. М. Организационный отчет Центрального Комитета XIV съезду Российской коммунистической партии (большевиков). Стр. 80. Ц. 25 к.

Сталин, И. В. и Молотов, В. М. Ответ оппозиции. Стр. 66. Ц. 25 к.

Бухарин, Н. И. О работе комсомола. Доклад на XIV съезде ВКП (б). Стр. 48. Ц. 15 к.

Бухарин, Н. И. Три речи. К вопросу о наших разногласиях. Стр. 72. Ц. 25 к.

Бухарин, Н. И. Доклад на XXIII чрезвычайной ленинградской конференции ВКП (б). Стр. 56. Ц. 20 к.

Рыков, А. И. О новой оппозиции. Стр. 32. Ц. 10 к.

Томский, М. Партия и профсоюзы. Доклад XIV съезду ВКП (б) 29 декабря 1925 г. Стр. 46. Ц. 15 к.

Томский, М. Партия и оппозиция. Стр. 36. Ц. 15 к.

Дзержинский, Ф. Э. О хозяйственном строительстве СССР. Доклад на XXIII чрезвычайной ленинградской губернской конференции ВКП (б). Стр. 52. Ц. 20 к.

Куйбышев, В. Центральная Контрольная Комиссия на XIV съезде ВКП (б). Стр. 70+8 таблиц. Ц. 40 к.

Резолюции и постановления XIV съезда ВКП (б). Стр. 55. Ц. 20 к., в перепл. 50 к.

Ленинградская организация и четырнадцатый съезд. Сборник материалов и документов. Стр. 190. Ц. 90 к.

Четырнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) 18—31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. Стр. 1029. Ц. 3 р. 50 к.

ВКП (б) В БОРЬБЕ С УКЛОНАМИ

СЕРИЯ ПОСОБИЙ ДЛЯ ПАРТИЙНОГО САМООБРАЗОВАНИЯ И СОВПАРТШКОЛ

„РАБОЧАЯ ОППОЗИЦИЯ“

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ
1920—1926 г.г.

составил М. ЗОРКИЙ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Ем. ЯРОСЛАВСКОГО

Допущено подсекцией по работе среди взрослых Научно-Политической Секции ГУС'а

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 68039. Гиз № 17750. Тираж 15.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“. Москва, Пименовская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время возник в широких кругах партии огромный интерес к изучению нашего партийного прошлого. В особенности этот интерес усилился после XIV съезда, когда обнаружились колебания у целого ряда товарищей, решительно боровшихся против различного рода мелкобуржуазных уклонов в нашей партии, и когда для массы членов партии стало ясно, что эти товарищи скатились на позиции, против которых они вели в течение многих лет такую решительную и временами талантливую борьбу. Вчерашний день новой оппозиции говорит против ее сегодняшнего дня. Вот почему исторический поворот, который совершает целая группа товарищей ленинской партии, кажется многим совершенно ошеломляющим,—они не могут найти ему объяснений, не могут найти ему оправданий. Поражает особенно то обстоятельство, что новая оппозиция 1926 года вынуждена брать оружие для борьбы с партией, для борьбы с подавляющим ее большинством из арсенала прежних оппозиционных группировок, осужденных партией.

Все знают, какой решительный отпор дала наша партия выступившей в 1920 г. группе «рабочей оппозиции». X и XI съезды партии специально посвятили ряд заседаний этой оппозиции. Специальная комиссия на XI съезде расследовала деятельность этой группы. И в речах и в решениях X и XI съездов наша партия твердо и точно определила свое отношение к этой группе, взгляды которой она признала несовместимыми с принадлежностью к партии, и поручила ЦК решительно с ними бороться. И действительно, партия боролась с этими взглядами группы «рабочей оппозиции». Благодаря решительному отпору, какой дала ей партия, с одной стороны, а с другой—благодаря несомненному росту благосостояния трудовых масс нашей страны, «рабочая оппозиция» потеряла почву, потеряла своих сторонников и превратилась в ничтожную группку озлобленных против партии людей, которой ничего не остается, кроме либо признания полной своей неправоты и отказа

от своих ошибочных взглядов, либо продолжения того позорного шествия в лоно врагов коммунистической партии, выражением которого является так называемое «бакинское письмо» тов. Медведева. Но кто же мог думать в 1920—1925 г.г., что многие из лидеров нынешней новой оппозиции приблизятся в значительной степени к восприятию идеи этой «рабочей оппозиции»? А между тем факт этот имеет место в наши дни, и из арсенала «рабочей оппозиции» берется оружие против нашей партии объединенным блоком оппозиционных групп, который выступает в 1926 году против ВКП (б). Вот почему безусловно необходимо каждому члену партии знать основные документы, относящиеся к истории этой группы.

При каких условиях возникла «рабочая оппозиция»? Некоторые лидеры «рабочей оппозиции» не верили в правильность пути Октября. Они были против того, чтобы партия большевиков взяла на себя ответственность за власть. В заявлении, подписанном тов. Шляпниковым, почти на другой день после Октябрьского переворота выставлено было требование организации социалистического правительства из всех советских партий. По мнению тов. Шляпникова того времени, «только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьские и ноябрьские дни». «Мы полагаем,—писал тов. Шляпников,—что вне этого есть только один путь: сохранения чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать».

Почему же тов. Шляпников не считал возможным вступить на этот путь, на который вступила наша партия после Октября? «Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем, и поэтому слагаем с себя перед ВЦИК звание народных комиссаров» [1].

Значит, на другой день после Октября один из самых видных вождей «рабочей оппозиции» считал, что путь, на который вступила в Октябре революция, ведет к разгрому и гибели пролетарской организации и самой революции.

Конечно, эти товарищи вернулись потом к работе, но часть из них осталась в полной уверенности, что наша партия и советская власть идут гибельным путем. А если это так, то, конечно, ничего не остава-

---

[1]) См. Л. Троцкий, Сочинения, т. III, ч. 2. „1917 г.“, приложение 13-е и примечание 233 на стр. 437 (там же).

лось, как постоянно отмечать факты, подтверждающие гибельность этого пути, накоплять всякого рода ошибки с целью резких нападок на партию, использовывать промахи и недочеты и использовывать даже затруднения для того, чтобы подчеркнуть неправильность того пути, по которому пошла партия. Этим в значительной степени занялись некоторые члены будущей «рабочей оппозиции». А тут гражданская война с ее величайшей, неслыханной разрухой и нуждой рабочего класса, крайняя обостренность социального недовольства тяготами и лишениями, выпавшими на долю трудящихся масс. Тут колебания в отдельных отрядах трудящихся, попытки мелкобуржуазной стихии скинуть советскую власть, колебания в отдельных отрядах пролетариата, особенно в тех деклассированных элементах, которые заполняли во время империалистической войны и в первый период после Октября наши предприятия и советские учреждения. Как объяснял тов. Ленин на X съезде, «трудности отступления» особенно вызвали в среде наших товарищей из «рабочей оппозиции» колебания.

Тов. А. Коллонтай в своих писаниях заявляла, что «рабочая оппозиция» в то время требовала «форсированного марша на коммунизм», а мы не могли итти форсированным маршем. Наша страна должна была карабкаться, ползти, маневрировать, отступать на новые позиции для того, чтобы собрать силы для нового наступления. Вот это замедление темпа революции, невозможность итти форсированным маршем вперед по пути «немедленного социализма» и порождали панику перед трудностями временного отступления. Вот это непонимание, что нельзя было прямо итти лобовой атакой, а нужно было искать обходные пути, заставило лидеров тогдашней «рабочей оппозиции» спрашивать: «Почему это произошло? Как случилось, что наша выдержанная, закаленная в боях революционная партия позволила увлечь себя с прямого классового пути и начать колесить по тропам столь ненавистного ей же и так ею же заклейменного приспособленчества?!» [1]).

Тов. Коллонтай писала тогда: «Наша партия не только замедляет свой стремительный бег в будущее, но все чаще «благоразумно» оглядывается назад: не забежали ли мы слишком вперед, не пора ли приостановиться, не разумнее ли было бы стать поосторожнее, избегая смелых, еще не виданных в истории опытов?».

Настроение каких же слоев выражала «рабочая оппозиция»? Сами о себе представители «рабочей оппозиции» говорили в весьма торжественных тонах,—что они представляют собою цвет рабочего класса.

---

[1]) Тов. Коллонтай, „Рабочая оппозиция", Москва 1921 г. Само собою разумеется, что мы говорим о взглядах тов. Коллонтай, относящихся к периоду X и XI съездов, отнюдь не имея в виду ее сегодняшних взглядов.

Эту смешную претензию высмеял жестоко Ленин на X съезде. Сами о себе вожди оппозиции писали тогда: «Рабочая оппозиция», это—передовая часть пролетариата, не порвавшая живой связи с организованными в союз рабочими массами и не расплывшаяся по учреждениям». «Рабочая оппозиция», это—прежде всего пролетариат, связанный со станком и с шахтой, плоть от плоти рабочего класса».

Тов. Коллонтай писала: «Рабочая оппозиция, это—классово спаянная, классово выдержанная и классово сознательная часть промышленного пролетариата».

Конечно, на протяжении этих лет, протекших с 1920 года, партия имела возможность убедиться, что «рабочая оппозиция» на самом деле не такова, что это вовсе не люди, которые не «расплылись» по советским учреждениям, что это вовсе не «люди от шахты и от станка» и что это вовсе не люди, которые «сохраняют неразрывной связь с рабочим классом». Партия могла убедиться, что это—в значительной степени оторвавшиеся от рабочего класса люди, из которых многие являются типичнейшими советскими бюрократами. Но в то время «рабочая оппозиция» отражала, несомненно, настроения и некоторой части рабочих. Каких? Наиболее деклассированных, наиболее подверженных влиянию мелкобуржуазной стихии, части рабочих, связанных с крестьянством и переживавших настроения недовольного тяготами военного коммунизма крестьянства. Разве не отмечал на X съезде В. И. Ленин, что кронштадтские настроения рождаются на той же самой почве, на которой рождается и настроение «рабочей оппозиции»? Разве не подчеркнул этого же самого на XI съезде тов. Троцкий? Как это ни странно покажется тем, кто считал «рабочую оппозицию» пролетарской,—и это мы отмечали и на X съезде,—и в Сибири идеи «рабочей оппозиции» привились в крестьянской среде, недовольной военным коммунизмом. И если «рабочая оппозиция» тогда самообольщалась, что ее идеи охватили рабочие массы, что «рабочая оппозиция» «стелется и стелется по всей стране», то это была иллюзия, искренний самообман вождей «рабочей оппозиции». Здоровые массы рабочих, видящие опасности и трудности пути и готовые преодолевать эти опасности, не поддавались никогда паническим идеям «рабочей оппозиции». Взгляды «рабочей оппозиции» на организацию производства, на «союзы производителей»—анархо-синдикалистские взгляды ее—отражали, конечно, вовсе не взгляды рабочего класса в целом, а были отражением цеховщины.

Как Ленин расценивал происхождение «рабочей оппозиции», об этом свидетельствует резолюция X съезда об анархо-синдикалистском уклоне,

составленная Владимиром Ильичом. По мнению Ленина и по решению X съезда, этот анархо-синдикалистский уклон «вызван отчасти вступлением в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое миросозерцание. Главным же образом уклон этот вызван воздействием на пролетариат и РКП мелкобуржуазной стихии, которая исключительно сильна в нашей стране и которая неизбежно порождает колебания в сторону анархизма, особенно в момент, когда положение масс резко ухудшилось вследствие неурожая и крайне разорительных последствий войны, и когда демобилизация армии выбрасывает сотни и сотни тысяч крестьян и рабочих, не могущих сразу найти занятий и средств к жизни». Эта чрезвычайно богатая и глубокая по своему содержанию характеристика классовой сущности «рабочей оппозиции» является верной и для сегодняшнего дня по отношению не только к «рабочей оппозиции», но и к некоторым другим оппозиционным группам, возникающим в нашей партии. Да и сейчас различного рода мелкобуржуазные уклоны в нашей партии вызываются отчасти «вступлением в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое миросозерцание»; да и сегодня эти мелкобуржуазные уклоны вызываются главным образом «воздействием на пролетариат и ВКП (б) мелкобуржуазной стихии»; да и сегодня, «когда сотни и сотни тысяч крестьян и рабочих не могут сразу найти занятий и средств к жизни», возникает недовольство в некоторой части трудовой массы политикой партии.

Отражением чьих настроений являлась «рабочая оппозиция» по отношению к партии? Тов. Троцкий указывал на XI съезде опасную позицию, которую занимает «рабочая оппозиция» по отношению к партии. В чем состояла эта опасность? Она состояла в том, что «рабочая оппозиция» противопоставляла себя партии так, как если бы у нее была в запасе какая-нибудь другая партия. «В этой позиции «мы» и «они» есть основной грех и основное преступление политической позиции тов. Шляпникова». «...Вы ставите себя по отношению к партии в положение «мы» и «они», как если бы у вас была какая-нибудь другая партия в запасе»... «Это есть политика, которая в своем логическом развитии угрожает, говоря словами резолюции Коминтерна, поставить вас «вне партии, вне Интернационала»... «Всякое заявление в этом роде: «мы» и «они», где заявляющий выступает перед лицом широких партийных и всех беспартийных масс, придает критике характер и тон такого свойства, что она неизбежно и немедленно становится материалом в руках нашего первого классового врага»... «Поставить себя в положение «мы» и

«они»: с одной стороны—ЦК, а с другой стороны вот такие факты поставить,—это уже будет значить—бедственное положение страны эксплоатировать для знамени, которое может стать знаменем Кронштадта, только Кронштадта» [1]).

Таким образом по отношению к партии «рабочая оппозиция» представляла подверженный влиянию мелкобуржуазной стихии колеблющийся ряд товарищей в нашей партии, которые стояли на пути обособления, выделения в особую фракцию, в особую группу, противопоставляющую себя партии так, как если бы в запасе у них была еще другая партия. Нетрудно видеть, что эти черты «рабочей оппозиции» проглядывают иногда слишком явно в поведении новой оппозиции 1926 г. Выступление с особым содокладом на XIV съезде партии, на апрельском и июльском пленумах ЦК 1926 года, противопоставление своей линии—линии подавляющего большинства партии, попытка организованного оформления в некоторых местах отдельных групп новой оппозиции,—все это свидетельствует о такой линии, которая в прошлом имела место в «рабочей оппозиции».

X и XI съезды не покончили с «рабочей оппозицией». Они нанесли «рабочей оппозиции» сокрушающие удары, они вскрыли перед партийными массами всю убогость идей «рабочей оппозиции», их несостоятельность, враждебность их идеологии всей линии ВКП (б). Большая часть сторонников «рабочей оппозиции» отошла от этой группы, влилась целиком в нашу партию, безоговорочно изжила те разногласия, какие у нее были с партией, и имела и имеет возможность приносить огромную пользу делу социалистического строительства нашей страны. Другая—незначительная часть лидеров «рабочей оппозиции», потерявшая почти всякую связь с рабочими массами, оторвавшаяся от практической работы в этих массах, продолжала, однако, думать, что в ее руках находится ключ к истинно пролетарскому пути нашей революции. В дискуссии 1923 года тов. Шляпников выступил на страницах «Правды» с обширной статьей, озаглавленной «Наши разногласия». Тов. Сафаров тогда указал в ответ тов. Шляпникову, что тот путь, на который советует вступить тов. Шляпников, есть путь Пауля Леви, т.-е. путь ренегатства, путь измены делу рабочего класса. Тогда не было еще известно то наиболее яркое выражение сползания «рабочей оппозиции» на путь ликвидаторства, которое стало известно в 1924 году из письма тов. Медведева к бакинским рабочим.

В мою задачу не входит здесь разбирать по существу это письмо, нашедшее достаточную отповедь на страницах нашей партийной печа-

---

[1]) Протоколы XI съезда ВКП(б). См. настоящий сборник, стр. 117.

ти [1]). Стоит отметить здесь лишь совершенно негодные попытки жалких обломков «рабочей оппозиции» доказать, что в 1926 г. Ленин был бы с «рабочей оппозицией» и с новой оппозицией по основным вопросам нашей политики, по которым эти товарищи скатились до меньшевизма, скатились до утверждения, которое встречает живейшее одобрение всей меньшевистской, эсеровской и белогвардейской печати. Достаточно лишь указать основные черты этого нового этапа «рабочей оппозиции», полные неверия в то, что рабочий класс нашей страны может своими силами, без помощи иностранного капитала, построить социалистическое хозяйство. Если в 1917 году тов. Шляпников считал, что путь Октября и путь, на который стала партия, ведет к разгрому и гибели революции, то в 1924—1926 г.г. тов. Шляпников не заявил, что он считает неправильными взгляды бакинского письма в 1924 году. «Рабочая оппозиция» прямо уже утверждает, что без помощи иностранного капитала и без больших жертв ему мы осуждены на гибель. Этакое капитулянтство, граничащее с полным отступничеством от линии Октября, конечно, является только логическим развитием взглядов «рабочей оппозиции». Если еще есть среди рабочих товарищи, которые этого не видят, то наша задача, наша обязанность разъяснить им это, показать им, откуда идут и куда развились корни «рабочей оппозиции». И в этом смысле изучение «рабочей оппозиции», изучение подлинных документов прошлого «рабочей оппозиции» имеет исключительно важное значение. Сегодня мы имеем заявление о том, что «рабочая оппозиция» в корне расходится со всей нашей внутренней политикой по отношению к крестьянству, со всей нашей международной политикой: требование ликвидации Профинтерна, требования переоценки, пересмотра наших взглядов на II Интернационал, на с.-д. партии, прямую защиту этих с.-д. партий. Дальше итти по этому пути некуда.

Есть ли в настоящее время почва для развития идей «рабочей оппозиции»? И если есть, то какова эта почва? Этот вопрос должен поставить перед собою каждый партиец. Некоторый успех идей «рабочей оппозиции», несмотря на всю их несостоятельность, могут найти в слоях рабочих, только что идущих из деревни. «Рабочая оппозиция», как и другие оппозиционные группы, демагогически обещают этим слоям трудящихся лучшие условия жизни. Планы насчет привлечения крупного иностранного капитала, который будто бы готов пойти на помощь нашей стране с тем, чтобы оживить

---

[1]) См. помещенные ниже статьи: „Правая опасность в нашей партии", статью тов. Шляпникова „О демонстративной атаке и правой опасности в нашей партии" и ответ В. Л. „Еще раз о правой опасности в нашей партии", См. также статью тов. Степкова в № 18 „Большевика" за 1926 г.

потушенные промышленные районы, могут привлечь на сторону этой оппозиции людей, которые готовы поверить, будто такие планы осуществимы; часть городского, теперь в значительной степени деклассированного, мещанства может, конечно, поверить, будто мы недостаточно используем средства для индустриализации страны, для того, чтобы придать гораздо более быстрый темп развитию нашего хозяйства. *За пределами партии* взгляды «рабочей оппозиции» могут найти поддержку мелкобуржуазной стихии,— это было ясно в 1920 г., это особенно ясно сегодня, когда почти вся меньшевистская, эсеровская и белогвардейская печать так сочувственно встречает «рабочую оппозицию». В одном из последних номеров «Социалистического Вестника» от 28 августа 1926 года, в статье «Где выход?» мы находим хвалебный гимн оппозиции: «С какой остротой оппозиция отмечает... с какой силой разоблачает... как справедливы нападки оппозиции... как правильны ее указания...». И в этих безудержных похвалах по отношению к теперешней оппозиции со стороны наших прямых и скрытых классовых врагов заключается грозное предостережение тем, кто сейчас неосторожно играет на наших трудностях, кто готов использовать эти трудности для борьбы групп, для фракционной борьбы. И каждый, кто склоняется ко взглядам «рабочей оппозиции» в прошлом и настоящем, должен глубоко продумать последствия, вытекающие из этой позиции.

Есть только один путь работать с партией, помогать ВКП (б) и рабочему классу в социалистическом строительстве для немногих уже сторонников «рабочей оппозиции»: это—пересмотреть свои ошибочные взгляды, открыто признать их несостоятельность и отказаться от них, как отказалось от них большинство сторонников этой группы, работающих в настоящее время дружно в рядах ВКП (б). А все члены партии, и в особенности ее партийный молодняк, должны внимательнейшим образом изучить прошлое «рабочей оппозиции» для того, чтобы понять, как ошибочные взгляды, которые были охарактеризованы Лениным на X съезде как мелкобуржуазный анархо-синдикалистский уклон, превратились в 1924—1926 г.г. в неприкрытый правый меньшевизм.

Ем. Ярославский.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Ознакомить новые кадры партии с историей «рабочей оппозиции»— значит существенно облегчить правильное понимание современного положения в партии. Такова цель предлагаемого сборника.

Группа Шляпникова—Медведева, обломок разгромленной Лениным и осужденной X и XI партсъездами «рабочей оппозиции», является, как известно, непременным членом новейшего оппозиционного блока. Вожди этого блока, несмотря на настойчивые требования партии, отказались отмежеваться от махрово-меньшевистской «бакинской» платформы Медведева. Более того: тов. Зиновьев на июльском пленуме ЦК и ЦКК расценил эту ультраправую платформу как выражение левого уклона.

Последние могикане «рабочей оппозиции» не зря взяты под высокое покровительство оппозиционного блока. Испытанные дезорганизаторы и раскольники, они сыграли далеко не пассивную роль во фракционных подвигах этого блока летом и осенью 1926 года. Но Шляпников и Медведев заслужили право на почетное место в воинствующем оппозиционном блоке не только своей организационной практикой в рядах этого блока. В «идейном» богатстве» новой оппозиции элементы шляпниковщины занимают отнюдь не последнее место. Достаточно просмотреть собранные ниже документы, чтобы найти один из первоисточников новейшей оппозиционной премудрости. В вопросе о нэпе, о крестьянстве, о положении рабочего класса в СССР, о борьбе с бюрократизмом, в вопросах партийного строительства—объединенная оппозиция 1926 года не мало позаимствовала из арсенала Шляпникова—Медведева—Коллонтай. Вот почему материалы, собранные в настоящем сборнике, ныне приобретают поистине злободневный интерес.

* * *

При составлении настоящего сборника напрашивались два принципа расположения материала: хронологический и тематический. Однако, последовательное проведение одного из этих двух принципов оказалось

бы нецелесообразным. В первом случае брошюра представляла бы собой бесформенную груду материалов, в которой читателю было бы нелегко разобраться. С другой стороны, сгруппировать весь материал вокруг нескольких проблем означало бы совершенно оставить в стороне самую историю развития и распада «рабочей оппозиции»; кроме того, ряд важнейших документов, обнимающих всю совокупность внутрипартийных разногласий, пришлось бы либо дробить на мельчайшие клочки, либо вовсе устранить из сборника.

Таким образом, пришлось остановиться на комбинированном расположении материала. Разумеется, и этот метод построения сборника представляет существенные неудобства; отдельные проблемы так тесно переплетаются, что материал не всегда поддается четкому разграничению. Тем не менее, избранный план пособия нам кажется наиболее пригодным с точки зрения учебной проработки материала.

Предпосылая отделам сборника небольшие введения, составитель отнюдь не имел в виду дать в этих введениях критический разбор положений «рабочей оппозиции»; эта задача достигнута тем, что в сборнике оппозиционные документы перемежаются с отрывками, посвященными разбору ошибок оппозиции. Цель введений много скромнее: облегчить для менее подготовленного читателя предварительную ориентировку в материале.

Для сборника использованы стенограммы партсъездов и партконференций, материалы ЦК и ЦКК (отчеты, постановления и циркулярные письма), стенограммы профсоюзных съездов, «Правда» за 1920—1926 г.г., «Большевик», «дискуссионные листки» и некоторые издания местных парторганизаций. Кроме того, в сборник включены существеннейшие места из брошюры А. Коллонтай «Рабочая оппозиция», которая была напечатана в 1921 году «только для членов X съезда РКП» и с тех пор ни разу не переиздавалась [1]).

Общая редакция сборника принадлежит тов. К. А. Попову

---

[1]) В сборник не включена история так называемой „Рабочей группы" Мясникова. Хотя эта группа была связана нитями персональной и идеологической преемственности с „рабочей оппозицией", но она представляла собой контр-революционную группировку, борьба с которой вышла за пределы внутрипартийной борьбы.

1920—1922 г.г.

А. Из истории „Рабочей оппозиции“
Б. Сущность разногласий между „Рабочей оппозицией“ и партией
В. „Рабочая оппозиция“, как анархо-синдикалистский уклон

А. ИЗ ИСТОРИИ „РАБОЧЕЙ ОППОЗИЦИИ“

Историю идейного развития «рабочей оппозиции» следует начинать с ноября 1917 года. Уже тогда Шляпников, подписав капитулянтское заявление о выходе из Совнаркома и высказавшись против «чисто большевистского правительства» за коалицию с меньшевиками и эсерами, заслужил комплименты меньшевистской «Новой Жизни», которая его отнесла к «наиболее трезвым людям, наиболее тесно связанным с рабочими массами, никогда не отрывавшимся от них» [1]). С тех пор меньшевистские комплименты неизменно сопутствовали тов. Шляпникову на его оппозиционном пути.

Далее нить развития будущей «рабочей оппозиции» проходит через фракцию «левых» коммунистов 1918 года; в рядах этой фракции подвизался ряд вождей «рабочей оппозиции» (Коллонтай, Мясников). В 1919 году «никогда не отрывавшиеся от масс» вожди «рабочей оппозиции» начинают выступать в привычной для них впоследствии роли—роли защитников пролетариата от советского и партийного «гнета». «Подходя к рабочей оппозиции, к оценке ее»,—говорил на X съезде РКП тов. Томский,—приходится немножко посмотреть в прошлое, посмотреть на историю развития идеологии этой «рабочей оппозиции». В этом отношении опыт развития идеологии тов. Шляпникова—явление очень интересное и опасное. Я напоминаю вам весну 1919 года, когда мы переживали приблизительно такой же тяжелый момент, как и сейчас; когда на заседании фракции ВЦСПС в этом же самом зале была внесена резолюция, которая говорила, что мы,

[1]) Газета „Новая Жизнь“ от 7 (20) ноября 1917 г.—Заявление, подписанное Шляпниковым и др., приведено в предисловии тов. Ярославского к данному сборнику (см. выше, стр. 4).

профессионалисты, *должны стать во главе растущего недовольства масс.* Осенью 1919 г. Шляпников сформулировал свою платформу, тезисы, в которых говорил, что партия и советская власть должны заниматься политикой, а профсоюзы должны заниматься областью экономики. Тогда тов. Бухарин в статье поблагодарил Шляпникова, говоря, что заниматься политикой без экономики, это значит—ничем не заниматься. И наконец, товарищи, в 1920 и 1921 г.г. формулируется еще теперешняя платформа» [1].

Эта платформа стала боевым знаменем «рабочей оппозиции», которая сложилась летом и осенью 1920 года. Мелкобуржуазная стихия, разлившаяся в стране, нашла в лице Шляпникова и его политических друзей свой рупор. Наибольшего размаха это движение достигло к X съезду РКП (весна 1921 г.).

X съезд нащупал ту правильную линию политики, которая должна была вывести страну и партию из состояния жестокого кризиса. Однако, результаты этой политики сказались не сразу. В 1921 г. советская экономика достигла крайнего предела упадка. Кривая промышленной продукции не переставала сползать вниз, транспорт ухудшался, посевная площадь попрежнему уменьшалась, совзнак продолжал свое головокружительное падение, надвинулся поволжский голод. Только в 1922 году обозначился решительный перелом к лучшему. Немудрено, что «рабочая оппозиция», питавшаяся теми настроениями, которые вытекали из тяжелого хозяйственного положения страны, не прекращала своей фракционной работы вплоть до XI съезда.

* * *

До сентябрьской (1920 г.) конференции партии «мысль рабочей оппозиции бродила еще в области отрицания, критики»,—так живописует зарождение «рабочей оппозиции» тов. Коллонтай [2].

Впервые оппозиция себя активно проявила во время дискуссии о «верхах» и «низах» (перед сентябрьской конференцией партии). На самой конференции «рабочая оппозиция» устами тов. Лутовинова сформулировала некоторые положения, которые впоследствии вошли в ее

---

[1] Речь М. Томского. „Стеногр. отч. X съезда РКП", стр. 201.

[2] А. *Коллонтай.* „Рабочая оппозиция", стр. 8.

«положительную» программу. В своем выступлении на конференции (24 сентября 1920 г.) тов. Лутовинов горячо настаивал на немедленном осуществлении широчайшей рабочей демократии, на полной отмене назначенства, на строжайшей чистке партии и—заодно—на эмансипации высших советских и профессиональных учреждений от излишнего «вмешательства» ЦК партии. Тон выступления тов. Лутовинова был необычайно резким. Таков был дебют «рабочей оппозиции» на всероссийской партийной трибуне.

После конференции участились и обострились выступления сторонников «рабочей оппозиции» на местах, при чем местные оппозиционеры шли гораздо дальше по тону и по существу, чем их московские лидеры [1]. Но и в самой Москве внутрипартийная борьба приняла крайне ожесточенный характер. На губпартконференции в конце ноября оппозиционный блок собрал чуть ли не половину голосов (124 против 154). При этом оппозиция, по словам отчета ЦК, «была настроена чрезвычайно враждебно к общей партийной линии, к МК и к ЦК» [2]. Особенно воинственно выступала «рабочая оппозиция» 29 ноября на партсобрании в Замоскворечьи, где Ленин обвинял Шляпникова в том, что тот «*высиживает из-под себя разногласия*» [3].

Наконец, разногласия были «высижены» и сформулированы. Развернувшаяся дискуссия о профсоюзах дала «рабочей оппозиции» повод выступить с развернутой программой. 30 декабря во время дискуссии на фракции РКП VIII съезда Шляпников огласил свои тезисы, которые Владимир Ильич квалифицировал как «синдикалистскую платформу» [4].

---

[1] Некоторое представление об этой деятельности на местах могут дать приведенные ниже: сообщение тов. Ярославского, сделанное на X съезде партии, о *сибирской* оппозиции (стр. 115); цитаты из *владимирских* тезисов, оглашенные на том же съезде тов. Бухариным (стр. 87); наконец, материалы *всеукраинской* партконференции (ноябрь 1920 г.), где «рабочая оппозиция» особенно распоясалась и выступила с широкой политической программой (стр. 88—89), заостренной против союза пролетариата и крестьянства.

[2] Отчет ЦК РКП в «Известиях ЦК РКП», № 29, стр. 6. Состояние Московской организации перед конференцией было таково, что, как отмечала «Правда» (передовица в № 260 от 10 ноября), провозглашенная свобода критики явственно превратилась в «нечто, напоминающее *свободу склоки*».

[3] Эта речь в Собр. соч. не вошла, а сохранилась только в хроникерской записи в «Правде» (от 30 ноября).

[4] В. И. *Ленин*. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 29.

23 января Шляпников выступил с содокладом на фракции II съезда горнорабочих и собрал за свою платформу 61 голос из 145 [1]). За несколько дней до этого, 18 января, «рабочая оппозиция» выпустила в окончательной редакции тезисы (за 38 подписями) «О задачах профсоюзов». Эти тезисы вместе с предсъездовской брошюрой А. Коллонтай «Рабочая оппозиция» являются наиболее значительными и яркими документами анархо-синдикалистского уклона в партии.

Владимир Ильич немедленно наметил тактику партии по отношению к «рабочей оппозиции»: вбирать в себя то, что в ней здорового, решительно борясь с «идейным разбродом», «с теми нездоровыми элементами оппозиции», которые договариваются до отказа «от руководящей роли партии по отношению к массе беспартийных». «Надо бороться с синдикалистским уклоном, который погубит партию, если не вылечиться от него окончательно» [2]).

В конце января Владимир Ильич снова возвращается к этой теме. «Синдикалистский уклон обнаружился во время дискуссии особенно у тов. Шляпникова и его группы, так называемой «рабочей оппозиции». Так как это очевидный уклон в сторону от партии, в сторону от коммунизма, то с этим уклоном придется особо посчитаться, о нем придется побеседовать, на пропаганду и разъяснение ошибочности этих взглядов придется обратить особое внимание» [3]).

На X съезде РКП «рабочая оппозиция» приготовилась дать генеральный бой, не сомневаясь, что «на съезде... будет, разумеется, сделан еще ряд уступок рабочей оппозиции» [4]). Но, в этих расчетах она жестоко ошиблась.

В политотчете ЦК на X съезде Владимир Ильич снова подчеркнул, что «платформы, которые назывались иногда «платформами рабочей оппозиции», иногда как-нибудь иначе, оказалось, представляли явно синдикалистский уклон. И это не мое личное мнение, а мнение боль-

---

[1]) См. «Бюлл. II съезда горнорабочих», № 1, стр. 4. Об этой дискуссии Владимир Ильич говорил: «Платформа Шляпникова, несмотря на то, что ее защищал особо авторитетный в этом союзе тов. Киселев, потерпела поражение... Синдикалистский уклон должен быть излечен и будет излечен» (Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 66).

[2]) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 35.

[3]) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 65.

[4]) А. Коллонтай. «Рабочая оппозиция», стр. 48.

шинства присутствующих»[1]. «Рабочая оппозиция» подняла перчатку и ответила программной речью Шляпникова и рядом резких выступлений. По вопросам партийного строительства и по вопросу о профсоюзах «рабочая оппозиция» выдвинула своих содокладчиков. По всем этим вопросам «рабочая оппозиция» потерпела на съезде **полное поражение**.

К концу съезда тов. Ленин выступил с особым докладом о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне. Представители «рабочей оппозиции» горячо возражали против внесенной резолюции о единстве партии и об осуждении синдикалистского уклона. Они выдвигали против партийного большинства контр-обвинение, считая, что не кто иной, как Ленин и идущее за ним большинство «уклонились» от коммунизма; «рабочая оппозиция» соглашалась на роспуск своей фракции только в том случае, если... если будут приняты ее предложения. Заявление, оглашенное от имени оппозиции Шляпниковым, заканчивалось угрозами: «В интересах внутрипартийного единства рабочая оппозиция предлагает отвергнуть недостойную резолюцию. Принятие ее вынудит всех единомышленников рабочей оппозиции отказаться от вхождения в ЦК РКП, а также может вынудить нас покинуть все занимаемые нашими единомышленниками другие ответственные места и перенести обсуждение недостойных методов борьбы с рабочей оппозицией на суд международного коммунистического пролетариата»[2]. Несмотря на эти угрозы, съезд принял резолюцию, объявившую фракцию «рабочей оппозиции» распущенной и признававшую пропаганду ее идей несовместимой с принадлежностью к РКП.

Фракционная деятельность «рабочей оппозиции» в промежуток между X и XI съездами получила яркое освещение в докладе комиссии, выделенной XI съездом для разбора дела двадцати двух[3]. Необходимо отметить, что именно в этот промежуток «рабочая оппозиция» выступила на III конгрессе Коминтерна против основ политики РКП, расценивая нэп как «поворот к капитализму». «Философию» фракционной борьбы оппозиционеры сформулировали в любопытном письме,

---

[1]) «Стенографический отчет X съезда РКП», стр. 16—17. В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 103.

[2]) «Стенографический отчет X съезда РКП», стр. 288.

[3]) Этот доклад почти полностью приведен ниже.

посланном в качестве директивы на Украину. Все это имело очень мало общего с большевизмом. Тем не менее, оппозиция пыталась всячески лавировать, чтобы остаться хотя бы формально на почве партийности. Отдельные элементы оппозиции (Мясников, Панюшкин) поставили себя вне рядов РКП.

Улучшение хозяйственного положения страны, укрепление партии, уяснение ею начал новой экономической политики—все это вырывало почву из-под ног «рабочей оппозиции». К XI съезду она представляла собой жалкую кучку растерявшихся путаников, отрицавших, с одной стороны наличие принципиальных разногласий, а с другой—подвергавших сомнению основы партийной политики. Над партией «нависает угроза раскола»,—утверждали 22 оппозиционера, подписавшие пресловутое заявление в Коминтерн. Но в то же время один из 22 воителей, Копылов, печатно заявил пред лицом партии, что их группа «объединяется исключительно на отрицании и на активной борьбе с ненормальными явлениями в жизни нашей партии... На этом фракции, а тем более новой партии не построишь, да и в этом нет ни малейшей нужды» [1]). На XI съезде руководителям оппозиции оставалось только оправдываться и лавировать, уклоняясь от ответственности за свою беспринципную раскольническую «работу».

XI съезд в резолюции по докладу ЦК отметил, что ЦК обеспечил партии «максимальное единство и сплоченность в коренных вопросах, связанных с труднейшим поворотом в русской и мировой пролетарской революции (новая экономическая политика, новые задачи профсоюзов, борьба с мелкобуржуазным анархо-синдикалистским уклоном, чистка партии и т. п.)» [2]). Резолюция по отчету ЦК, предложенная Медведевым, не собрала ни одного голоса.

Оппозиционное подполье не прекратило, однако, своего существования. «Я не хочу хвастаться, что все фракционное в нашей партии исчезло», заявил на XI съезде Ленин. Лидеры «рабочей оппозиции» остались верны своей линии, осужденной партсъездами. 1923—26 г.г.—годы почти не прекращающейся фракционной деятельности обломков «рабочей оппозиции».

---

[1]) Н. Копылов. «За единую партию». «Дискусс. Листок» к XI съезду, стр. 11.
[2]) «Стеногр. отчет XI съезда РКП».

X СЪЕЗД РКП(б)

(Март 1921 г.)

1. Появление разногласий

(Из отчета ЦК РКП к X съезду партии)

На IX съезде нашей партии наметились некоторые разногласия по вопросам о роли и задачах профсоюзов и об организации промышленности (главным образом, по вопросам о коллегиальности и единоличии в управлении). Эти разногласия, однако, не были глубоки и серьезны, и потому, несмотря на наличие довольно острой предсъездовской борьбы, партия вышла со съезда крепкой и объединенной.

К началу лета ЦК стал замечать, что в ряде местных организаций на губернских конференциях стала остро проявляться борьба различных групп. Борьба эта в одних местах носила характер склоки двух борющихся за влияние групп, в других—борьбы уездных организаций против губернского центра в защиту «интересов» мест против объединяющего и дисциплинирующего руководства губкома, в третьих—недовольства рабочей части некоторых губкомов, в четвертых—разногласия коммунистов крестьянских уездов с рабочей городской организацией губернского города и т. д. Картина в разных местах была различная, но прежней объединяющей партийной спайки в ряде губерний не было. ЦК приступил к изучению причин наметившегося в этих организациях раздвоения. Выяснился ряд причин.

На первом плане необходимо поставить страшную усталость рабочих масс от четырех лет империалистической и трех лет гражданской войны, страшной экономической разрухи, голода, холода и тех тяжелых военных и всякого рода партийных повинностей, которые падали и падают на каждого члена партии и на каждого рабочего.

В том же направлении действовало расширение нашей партии за счет искренних, преданных революции, но мало развитых политически рабочих и крестьян. Партия, отдававшая все свои силы

на войну с белогвардейцами и поляками, не могла уделить достаточно сил на политическое воспитание товарищей, вступивших в партию во время партийных недель, и поэтому они по своему политическому воспитанию и выдержанности мало отличались от непартийных рабочих и легко поддавались влиянию окружавших их беспартийных рабочих масс.

Наконец, прилив в нашу партию членов других партий, при всей искренности перешедших, не мог также не сказаться на идейных настроениях некоторых партийных организаций.

Эти три обстоятельства вместе составляют одну из двух основных причин болезни, начавшейся в нашей партии. Вторая причина заключалась в отрыве значительной части руководящих верхов нашей партии в центре и на местах, особенно той части, которая была направлена главным образом на советскую работу от широких рабочих масс. ...В том же направлении действовало неравенство в жизни и питании. ...В основе многих случаев появления оппозиции лежал часто не сознаваемый самой оппозицией протест против этих привилегий верхов.

Этот вопрос был поставлен ЦК в порядок дня всероссийской сентябрьской конференции партии. ЦК перед конференцией была образована специальная комиссия из нескольких цекистов с дополнением ее петербургскими и московскими рабочими и официальными представителями партийной оппозиции т.т. Игнатовым и Сапроновым. Эта комиссия приняла за основу своей работы предложенный членами ЦК проект, и все существенное в резолюции конференции о задачах партийного строительства (в том числе и создание контрольных комиссий в центре и на местах) взято из предложений ЦК.

---

2. Почему возникла и чего добивается «рабочая оппозиция»

(Из речи тов. Шляпникова на X съезде РКП)

Тов. Ленин нам, представителям «рабочей оппозиции», вчера бросил с этой трибуны вопрос: все ли товарищи из «рабочей оппозиции» разделяют мнение некоторых рабочих о том, что сейчас нам необходим максимум сплоченности? Я могу заявить, что среди нас нет ни одного, который отрицал бы необходимость этой сплоченности, и для того, чтобы наглядно это показать, мы именно своим примером, своей сплоченностью это доказываем. Но мало нам, товарищи, только формального признания необходимости сплоченности. Мы должны констатиро-

вать, что, несмотря на существующее по форме единство, у нас в партии нет органической связи между членами партии и руководящими органами ее. Это я могу сказать не только по личному опыту, но опираясь на положение дела на местах, и об этом каждый из нас знает прекрасно. Мы, Владимир Ильич, не имеем в нашей партии той былой спайки, которая у нас имелась в прошлые, не менее трудные моменты жизни нашей партии, в дореволюционный период. И странно, товарищи, что эта органическая оторванность имеет место в тот момент, когда партия располагает всеми техническими средствами: и радио, и почтой, и телеграфом, и тысячами партийных работников, и советским аппаратом! И все же, несмотря на эти совершенные средства, внутри-то нашей партии нет той спайки, которая наблюдалась нами, скажем еще не так давно, и в 1914 г. и в 1917 г. Помните ли вы, Владимир Ильич, когда наш руководящий центр не был даже в России, располагал ничтожными средствами, и тогда каждое слово, каждая изданная нелегальная листовка, каждая маленькая бумажка, приносимая нашими партийными организациями в рабочие центры: Питер, Москву, Донецкий бассейн, Урал,—как встречались они тогда, несмотря на то, что мы были лишены всех технических средств! Тогда и спайка и единство мысли и чувств, все было у нас налицо. Теперь этого нет. Вот это, тов. Ленин, и породило то, что вы называете здесь «рабочей оппозицией».

У нас нет расхождений в основных вопросах нашей внутренней и международной политики. Эту сторону доклада, тов. Ленин, мы принимаем. Но у нас много расхождений в тактических вопросах, в способах осуществления нашей общеполитической линии. На этой почве замечается поворот широких трудящихся масс города и деревни часто против нас. Усвоенные за время гражданской войны приемы работы не только не позволяют нам осуществить программное требование о вовлечении в советское строительство широких групп пролетариата, но определенно отталкивают их от нас и от нашей партии. Это побуждает нас, стоящих очень близко к широким кругам пролетариев фабрик и заводов, громко заявить о грозящей нам опасности отрыва от масс.

...Органическая болезнь, которая наблюдается в нашей партии, заключается в оторванности наших центров от партийных масс и всего партийного аппарата от рабочих масс. Следы этой болезни несет в себе и сам Центральный Комитет.

...Здесь Владимир Ильич говорил о трудностях перехода от военного положения к мирному и указал на необходимость лавировать во внутренней политике. «Рабочая оппозиция» прекрасно понимает все

трудности этой политики, но мы должны заявить, что когда тов. Ленин говорил об ошибках, что мы, мол, неумело распределяли наши продовольственные ресурсы, то это простое констатирование нас не удовлетворяет. Мы знаем, что в Наркомпроде у нас не все благополучно, и знали это давно. Указывали на это нашим центрам много раз, но безуспешно. Наши товарищи-профессионалисты, которые работают в Наркомпроде, кричали об этом больше года. Там, в Наркомпроде, не только неправильно распределялись наши ресурсы, но и преступно заготовлялись и гноились. Может быть, эта политика и повлекла усиление той мелкобуржуазной, анархической стихии, прикосновенность к которой так легкомысленно приписывается нам. Аналогичное катастрофическое положение создалось и с топливом. Это тоже ни для кого не секрет. Но в этих органах «рабочей оппозиции» нет. Туда мы не смогли принести своего анархизма, но мы знаем, что и впредь именно так будет, потому что эти органы больше всех других чурались рабочих организаций.

Эти органы боялись рабочего контроля, и вот мы имеем теперь плоды этой политики налицо. Если мы будем анализировать факты, то, вероятно, в оценке явлений у нас не будет тех разногласий, которые имеются сейчас.

Тов. Крестинский [1]) много раз подчеркивал данные о пролетарском составе нашей партии и за образец приводил личный состав наших губкомов. Я позволю себе усомниться в верности его выводов. Целый ряд явлений на местах показывает обратное тому, что тов. Крестинский предлагает признать бесспорным. ЦК пытается опровергнуть то, что известно всем и каждому, а именно то, что наша партия перерождается — в нашей партии замечается прилив чуждого нам элемента. Социальный состав партии резко изменяется. Это грозит нам не только усилением влияния мелкобуржуазной стихии в нашей партии, но и тем, что эта мелкобуржуазность совьет довольно прочное гнездо внутри нашей партии. А свидетельств об этом достаточно налицо. И в то же время процент коммунистов на фабриках и заводах очень невелик. На это следует обратить сугубое внимание, а не бить по «рабочей оппозиции». Надо уметь привлечь в партию рабочих, и не просто называющих себя рабочими, а тех, которые в настоящее время тесно связаны с нашими фабриками и заводами.

А наш Центральный Комитет, зная, что дело в этом отношении далеко не благополучно, не смог не только привлечь новых членов-

---

[1]) Тов. Крестинский выступал на X съезде с организационным отчетом ЦК
Сост.

пролетариев, но не смог даже удержать и тех, которые стараниями многих тысяч рабочих во всех углах нашей обширной страны были вовлечены в нашу партию. Нет, кажется, ни одного пролетарского городка, ни одной губернии, где не было бы массового выхода из партии рабочего элемента. А что предпринял ЦК, чтобы парализовать это явление? Никаких мер не было принято. Центральный Комитет как-то отмахивался от этого явления и, печатая отчеты о численном росте, старался только показать, что мы растем, растем... Но этот рост был ростом количества в ущерб качеству. Тут Центральный Комитет устами тов. Крестинского отвечает, что у нас в партии—крестьяне, служащие, но выходцев из буржуазии почти нет. Действительно, если судить по анкетам, заполняемым заинтересованными, это, пожалуй, так, но когда вы поковыряетесь подробнее в этих данных, то увидите, что в этих «крестьянах» и «служащих» числится не совсем благополучный элемент.

Методы партийной работы также нуждаются в коренном изменении. Необходимо немедленно покончить с единоличием в партийной работе, прекратить ставку на уполномоченных. ЦК все время ведет борьбу с местами при помощи назначенства и уполномоченных.

...Такая постановка дела создает положение, при котором в верхушках партии и советского аппарата мы видим очень тоненький слой людей, изношенных и перегруженных работой, которые перемещаются с одного места на другое, отдельные лица из этого слоя пересаживаются с одного стула на другой. О вовлечении низов, об использовании опыта мест и новых сил очень много говорят, но мало в этом направлении делают. Тов. Степанов говорил, что мы сильно обезлюживаем места. Это верно, но только с оговоркой: мы обезлюживаем места, но для того, чтобы сделать работников с мест канцеляристами или курьерами.

Вот часть тех болезней, которые мы предлагаем лечить. Здесь были попытки спекульнуть на партийной дисциплине. Среди нас еще не было случая ее нарушений, и, когда нам прикажет ЦК, мы отвечаем: «Слушаюсь». Мы признаем и находим необходимой эту формулу дисциплины, единства, но мы хотим, чтобы у нас существовала не только формальная связь, но и та самая идейная органическая связь, которая была в нашей партии раньше. Не подпольный романтизм говорит во мне, а этого требует простая практическая пролетарская сметка. Посещая фабрики, заводы, принимая по союзной работе делегатов из разных концов страны, я это очень часто чувствую, но вместо того, чтобы в панике бежать в кабинет для беседы с Владимиром Ильичом, как это делают многие пугливые товарищи, мы предлагаем

ряд практических мер по оздоровлению наших рядов и освежению наших взаимоотношений. Если вы хотите оторваться от широчайших масс, если хотите порвать с революционной стихией, то, пожалуйста, продолжайте действовать так, как вы действовали до сих пор. Прибавьте к этому еще травлю «рабочей оппозиции», инсинуации против нас. Мы думаем также, что отмахиваться от той пролетарской стихии, которая эксплоатируется контр-революционным элементом, это—только поиграть! Нам не подобает отмахиваться от стихии, разгуливающей по России, а изучить ее, и, может быть, мы найдем виновников ее и в наших методах, в наших центральных аппаратах.

---

3. «Рабочая оппозиция» о политике ЦК

(Проект резолюции по отчету ЦК, внесенный «рабочей оппозицией» и отвергнутый X съездом РКП)

Заслушав доклад ЦК, X съезд РКП констатирует:

1) Что со времени IX съезда ЦК не проводил указанных еще на VIII съезде мер по оздоровлению партии, путем очищения ее от чуждых ей элементов, начавших наплывать в нее, в особенности после подавления лево-эсеровского восстания и развала мелкобуржуазных партий.

2) ЦК не проводил достаточных мер и не создавал внутри партии условий, обеспечивающих действительную самодеятельность массы членов партии и их коммунистическое воспитание. ЦК не охранял и не проводил в рядах партии на деле принципов рабочей демократии, ответственности и отчетности руководящих органов перед низами партии и широкой гласности суждений по всем вопросам партийного и коммунистического строительства.

3) ЦК не проводил также действительных мер борьбы с разъедающим весь наш советский аппарат бюрократизмом, возмущающим широкие массы рабочих и беднейшие крестьянские элементы. ЦК не провел орабочивания советских руководящих органов как в центре, так и на местах.

4) ЦК не создал работоспособного и живого аппарата, даже самого ЦК, могущего обслуживать нужды партии во всех многообразных отраслях ее деятельности.

5) Политика ЦК в важнейших областях и по важнейшим вопросам коммунистического строительства имела ряд уклонов в сторону недоверия к творческим силам рабочего класса и уступок мелкой буржуазии и буржуазно-чиновничьим кастам.

6) X съезд РКП, решительно осуждая эту колеблющуюся политику ЦК, находит, что изживание указанных уклонений и победа над всеми трудностями хозяйственного и советского строительства возможны только при условии максимальной органической и неразрывной связи партии через советы и профсоюзы с широкими пролетарскими и полупролетарскими массами города и деревни.

7) X съезд считает, что только осуществление на деле указанных мер облегчит изживание внутрипартийных разногласий, позволит достигнуть взаимного доверия руководящих органов и партийной массы и обеспечит действительное и полное единство партии.

Проект резолюции внес Медведев «по поручению делегатов съезда, примыкающих к платформе рабочей оппозиции». При голосовании резолюций проект, предложенный Ярославским, собрал 514 голосов, проект «группы демократического централизма» — 47 голосов, проект «рабочей оппозиции» — 45 голосов.

---

4. «Рабочая оппозиция» об условиях единства партии

(Проект резолюции по докладу Ленина о единстве партии, внесенный «рабочей оппозицией» и отвергнутый X съездом РКП)

X съезд РКП, учитывая весь предшествующий опыт и результат партийной деятельности и подводя итог своей работы, обращает особое внимание всех членов партии на то:

1) что современный момент вновь содержит в себе угрозы пролетарской диктатуре и существованию нашей республики не в меньшей степени, чем в моменты вооруженной борьбы с Колчаком, Деникиным, Юденичем, Врангелем и др.;

2) что при колоссальной разоренности промышленности во всех отраслях народного хозяйства, при крайне тяжелом положении рабочего класса, при громадной разоренности и отсталости мелкого крестьянского хозяйства и росте на почве этого мятежей и бандитизма среди крестьянских масс—перед партией стоят труднейшие задачи борьбы с этой разоренностью в хозяйстве и опасностью от мятежей и бандитизма крестьянских масс;

3) что для выполнения указанных задач наша партия должна стать более могучей, более сплоченной, чем была до сих пор, неразрывно и органически связаться через свои коммунистически сознательные, дисциплинированные и решительные кадры коммунистов-рабочих с беспартийными массовыми пролетарскими профсоюзами, сохранить их полное к себе доверие и при помощи их стать безраздельно руководящим и признанным вождем всего рабочего класса, пролетарских масс нашей республики.

Поэтому X съезд РКП постановляет:

1. Политика уклонов руководящих партийных органов в сторону недоверия к творческим силам рабочего класса, породившая недоверие рабочих масс к партии, должна встретить решительное осуждение и отпор со стороны всех партийных органов и членов партии.

2. В кратчайший же срок ЦК должен подготовить и провести в жизнь очищение партии от всех корыстно примазавшихся к ней карьеристских, чиновничьих групп и социально чуждых ей элементов.

3. Неуклонно и решительно проводить в жизнь во всем внутреннем строе партии от низу до верху и во всех областях ее деятельности принципы рабочей демократии.

4. Точно так же должно неуклонно и решительно проводиться орабочивание руководящих советских органов и борьба с разлагающим весь наш советский аппарат бюрократизмом, возмущающим широкие рабочие и трудящиеся массы республики и вызывающим среди них недоверие к партии.

5. Всем руководящим партийным органам, членам партии вменяется в обязанность со всей решительностью бороться против всяких попыток применять какие бы то ни было прямые или прикрытые репрессии по отношению к инакомыслящим членам партии, не нарушающим в своей партийной работе принципов рабочей демократии и постановлений съездов и конференций партии.

6. Вместе с этим X съезд считает, что обязательное и действительное проведение вышеуказанных мер создает все необходимые условия для проявления творчества, инициативы, самодеятельности, активного и деятельного участия каждого члена партии в решении всех вопросов партийной жизни и способно устранить недоверчивое отношение между массой членов и руководящими партийными органами и обеспечить полное единство партии, особенно необходимое ей в настоящий тяжелый для нее момент.

7. При этих условиях съезд считает, что организационное закрепление внутри партии особых групп или фракций с образованием руководящих фракционных центров требованиями групповой или фракционной дисциплины—неминуемо поведет к ослаблению особенно необходимой теперь дружной партийной работы, к углублению расхождений по отдельным вопросам и к порождению условий для раскола партии, а вместе с ней и к гибели диктатуры пролетариата.

Поэтому съезд поручает Центральному Комитету неуклонно проводить изложенные выше условия, обеспечивающие единство партии, и решительно всеми мерами бороться с организацией таких групп и фракций—вплоть до исключения их из рядов партии целиком.

Проект резолюции внес Медведев и сопроводил его следующим заявлением: «Вот та резолюция, которую мы предлагаем взамен той, которая была внесена и защищалась тов. Лениным, и которая не говорит об условиях действительного единства партии. Наша резолюция говорит об условиях этого действительного единства. Мы вполне согласны с тов. Лениным насчет толкования слова «уклон», но мы говорим об опасности уклона в сторону недоверия в силы рабочего класса». При голосовании резолюций за проект Ленина высказалось огромное большинство, против—26, воздержалось—6.

---

5. «Рабочая оппозиция»—отражение мелкобуржуазной стихии в партии

(Заключительное слово Ленина по докладу ЦК на X съезде РКП)

Товарищи, естественно было бы ожидать, что по докладу, касавшемуся политической деятельности ЦК, и критика, и замечания, и дополнения, и поправки и т. д. направятся больше всего на политическую работу, на политические ошибки, и будут сделаны политические указания.

К сожалению, когда присматриваешься к прениям, здесь развернувшимся, когда перечитываешь еще раз главные пункты, в этих прениях выдвинутые, то не можешь удержаться, чтобы не задать себе вопрос, не потому ли съезд так быстро закрыл эти прения, что удивительно бессодержательно говорили, и почти что только одни представители «рабочей оппозиции». На самом деле, что мы слышали о политической работе ЦК и политических задачах момента? Большинство говоривших называло себя «рабочей оппозицией»,—не шуточное название. Тов. Коллонтай здесь осталась недовольна моим докладом.

Если люди выступают от имени оппозиции и называют эту оппозицию «рабочей» и говорят, что ЦК руководил политикой партии неправильно, надо таким людям сказать: нужны указания на эти неправильности по основным вопросам и указания на то, как их исправить. К сожалению, мы не слышали абсолютно ничего, ни одного звука, ни одного словечка о современном моменте и его уроках. Здесь даже не подошли к тому выводу, который я сделал. Очень может быть, что он неправилен, но для того и делается отчет на съезде, чтобы эти неправильности исправлялись. Сплочение партии, недопущение оппозиции в партии—политический вывод из современного момента, а экономический вывод—не удовлетворяться тем, что сделано в политике, искать новых путей соглашения рабочего класса с крестьянством, применять, испытывать это новое. Я указал конкретно, что надо. Может быть, это неправильно, но никто ни единого слова об этом не сказал. Кто-то из ораторов, кажется Рязанов, упрекнул меня лишь в том, что налог явился будто бы в моей речи откуда-то сразу, не подгото-

вленным обсуждением. Это неправильно. Я удивляюсь только, как перед партийным съездом ответственными товарищами делаются такие заявления. Дискуссия о налоге была открыта несколько недель тому назад в «Правде». Если в ней не пожелали принять участия товарищи, которые любят играть в оппозицию и бросать упреки в том, что мы не даем возможности широкой дискуссии,—в этом их вина. С редакцией «Правды» мы связаны не только тем, что тов. Бухарин—член Центрального Комитета, но и тем, что важнейшие темы и важнейшие линии политики всегда обсуждаются ЦК—без этого не может быть политической работы. Вопрос о налоге был поставлен ЦК на дискуссию. Статьи в «Правде» были, на них никто не отвечал. Этим не отвечавшие показали, что они не хотели работать над этим вопросом. А когда уже после этих статей на собрании Московского совета выступил член собрания—я не помню, беспартийный или меньшевик—и стал говорить о налоге, я сказал: «Вы не знаете того, что пишет «Правда». Сделать беспартийному этот упрек было более естественно, чем члену партии. Поставлена была в «Правде» дискуссия не случайно, и на съезде нам придется этим вопросом заняться. Ораторы в критике проявили абсолютную неделовитость. Вопрос на дискуссию был поставлен, и в ней следовало принять участие,—иначе вся эта критика становится беспочвенной. Точно так же по вопросу политическому. Я повторяю, все мое внимание было устремлено на то, чтобы мы сделали правильный вывод из последних событий.

Но прежде чем перейти к ответу выступавшим здесь представителям «рабочей оппозиции», скажу два слова об Осинском. Выступил товарищ, немало писавший и выступавший с собственной платформой, с критикой по отчету ЦК. Нужно было ожидать, что он на съезде даст критику основных мероприятий, очень для нас важную. Вместо этого он сказал, критикуя, что будто бы «выкинули» Сапронова, и что из этого очевидно, что слова о необходимости сплоченности расходятся с делом, и подчеркивал, что выбрали двоих от «рабочей оппозиции» в президиум. Я удивлен, как можно с такими мелочами, имеющими 10-степенное значение, выступать крайне видному партийному литератору и работнику, занимающему ответственный пост!!! Специфическая особенность Осинского—во всем усматривать политиканство. Это политиканство он видит и в том, что два места в президиуме даны «рабочей оппозиции». Неоднократно мы говорили, и в частности я,—и на этот счет не было разногласий в ЦК,—что наша задача—отсеять в оппозиции здоровое от нездорового именно потому, что она получила известное распространение. Еще в сентябре, во время партийной конференции, мы свою задачу видели в том, чтобы отсеять

здоровое от нездорового, ибо нельзя относиться к этой группе, как к здоровой группе. Когда нам говорят о недостаточном проведении демократизма, мы говорим: это абсолютно верно. Да, он проведен у нас недостаточно. Нужны помощь в этом отношении и указания, как провести. Нужно действительное проведение, а не разговоры. Мы принимаем и тех людей, которые называют себя «рабочей оппозицией».

Мы говорим себе: раз это—болезнь, затрогивающая часть рабочих, нужно на нее обратить сугубое внимание. И то, что тов. Осинский ставил почему-то нам в вину, нужно поставить нам в заслугу.

Теперь перехожу к «рабочей оппозиции». Вы признали, что остались в оппозиции. Вы на партийный съезд пришли с брошюрой тов. Коллонтай, на которой написано: «Рабочая оппозиция».

Если есть хотя что-либо здоровое в этой оппозиции, надо все силы употребить, чтобы здоровое от нездорового отсеять. Мы не можем вполне бороться с бюрократизмом и проводить последовательно демократизм потому, что мы слабы, нет сил, и тот, кто поможет в этом, того надо привлечь, а кто под видом помощи преподносит вот этакие брошюры, того надо разоблачать.

После этих предварительных замечаний я обращу ваше внимание на брошюру тов. Коллонтай, которая действительно заслуживает вашего внимания и которая подводит итог работы, в течение нескольких месяцев произведенной этой оппозицией. Здесь уже указывал, кажется, товарищ из Самары на то, что я «административно» наклеил ярлык синдикализма на «рабочую оппозицию». Упоминание об администраторстве здесь безусловно не к месту, и здесь надо посмотреть, какой вопрос требует администраторского решения. Тов. Милонов [1]) хотел этаким словечком пострашней блеснуть, а вышло нескладно, что будто я «административно» наклеиваю ярлык. Я не раз говорил, что на собраниях тов. Шляпников и другие упрекали меня, что я терроризирую словом «синдикализм». И на какой-то дискуссии, чуть ли не на съезде горнорабочих, при упоминании об этом я говорил тов. Шляпникову: кого из взрослых людей вы хотите обмануть? Ведь мы с тов. Шляпниковым знаем друг друга много лет,—много лет во время еще работы в подпольи и эмиграции,—и как же можно заявлять, что характеристикой отдельных уклонов я кого-то терроризирую? И при чем здесь администраторство, когда я говорю про положения «рабочей оппозиции»,—что это синдикализм? И почему тов. Коллонтай пишет, что я легкомысленно бросаю слово «синдикализм»? Чтобы говорить так, надо было немножко это доказать. Я готов в кредит принять, что

---

[1]) См. выдержку из речи Милонова на стр. 103—104 данного сборника.

мое доказательство неправильно, а утверждение тов. Коллонтай более солидно,—я готов этому поверить. Но нужно хотя маленькое доказательство не словами о терроризировании или администрировании (которым я, к сожалению, по должности много занят), но точным ответом в опровержение выдвигаемого мною обвинения «рабочей оппозиции» в ее уклоне в синдикализм.

Это обвинение было сделано мною перед всей партией,—сделано ответственно, и это отпечатано в брошюре, и все это читали. Очевидно, все товарищи готовились к этому съезду, и все должны знать, что синдикалистский уклон, это и есть анархический уклон, и что «рабочая оппозиция», которая укрывается за пролетарской спиной, и есть мелкобуржуазная, анархическая стихия.

Что эта стихия проникает в широкие массы, это видно, и партийный съезд осветил это. Что эта стихия проводится в жизнь—это доказано брошюрами тов. Коллонтай и тезисами тов. Шляпникова. И тут нельзя отделаться только тем, что, как всегда, тов. Шляпников говорит о своем истинно пролетарском характере. Тов. Коллонтай начинает свою брошюру так. На 1-й странице мы читаем: «В оппозицию входит передовая часть классово организованных пролетариев». На съезде горнорабочих делегат из Сибири указывал на то, что у них поднимались такие же вопросы, как и в Москве, и на это тов. Коллонтай указывает также в своей брошюре.

«У нас понятия не имели о том, что в Москве идут разногласия и дискуссии о роли профсоюзов,—говорил делегат из Сибири на съезде горнорабочих,—а нас волновали те же вопросы, что стоят перед вами». «За «рабочей оппозицией» стоят пролетарские массы или точнее: «рабочая оппозиция», это—классово спаянная, классово сознательная и классово выдержанная часть нашего промышленного пролетариата».

Ну, слава богу, так и будем знать, что тов. Коллонтай и тов. Шляпников—классово спаянные, классово сознательные. Но, товарищи, когда так говоришь и так пишешь, то нужно немножко знать и меру. На странице 25-й этой брошюры тов. Коллонтай пишет: «Организация управлением народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные и производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством»,—и это является одним из главнейших пунктов тезисов. Это тезис «рабочей оппозиции»,—тот самый тезис, который я во всех случаях дискуссии и в печати приводил. И должен сказать, что, прочитавши этот тезис, я уже других не стал читать, потому, что это значило бы терять время, так как после этих тезисов ясно, что люди

уже договорились, что это является мелкобуржуазной, анархической стихией. Я указывал на II съезде Коминтерна, летом, на резолюцию о роли коммунистической партии. Эта резолюция является резолюцией, объединяющей коммунистических рабочих в коммунистические партии всего мира. Эта резолюция объясняет все. Значит ли это, что мы партию отгораживаем от всего рабочего класса, определенно осуществляющего диктатуру? Так смотрят некоторые левые и очень многие синдикалисты, и сейчас этот взгляд распространен повсюду. Этот взгляд и есть порождение мелкобуржуазной идеологии. Ведь эти тезисы бьют в лицо решению II съезда Коминтерна о роли коммунистической партии и об осуществлении диктатуры пролетариата. Это и есть синдикализм, потому что, вы подумайте, ясно, что наш пролетариат в большей части своей деклассирован, что неслыханные кризисы, закрытие фабрик привели к тому, что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраиваться в деревне и переставали быть рабочими. Разве мы этого не знаем и не наблюдаем, как неслыханные кризисы, гражданская война, прекращение правильных взаимоотношений между городом и деревней, прекращение подвоза хлеба создавали обмен каких-нибудь мелких продуктов, изготовляемых на больших заводах, каких-нибудь зажигалок, на хлеб, когда рабочие голодают и когда хлеб не подвозят? Что же, мы не видели этого на Украине, мы этого не видели в России? Это все и есть то, что экономически порождает деклассирование пролетариата, что неизбежно вызывает это, заставляет проявляться и там буржуазно-анархические тенденции.

После того, что мы пережили, что мы все это практически видели, все эти бедствия, мы знаем, как чертовски трудно с ними бороться. Мы после двух с половиной лет советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию. И нас тогда бешено ругали анархисты и синдикалисты, которые говорили: «Вот как, они думают, что для осуществления пролетарской диктатуры необходима коммунистическая партия». Но мы это сказали перед всем Коммунистическим Интернационалом. И после этого к нам приходят люди, «классово сознательные и классово спаянные», которые говорят, что «организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей» (брошюра тов. Коллонтай). Всероссийский съезд производителей—что это такое? Будем ли мы еще терять время на такие оппозиции в партии? Мне кажется, что довольно об этом дискуссировать. Все эти рассуждения о свободе слова и свободе критики, которые во всей этой брошюре пестрят и скво-

зят во всех речах «рабочей оппозиции», составляют девять десятых смысла речей, не имеющих особого смысла,—все эти слова того же порядка. Ведь надо же, товарищи, не только говорить о словах, но и о содержании их. Нас словами, вроде «свобода критики», не проведешь. Когда сказали, что в партии есть признаки болезни, мы говорили, что это указание заслуживает тройного внимания: несомненно, эта болезнь есть. Давайте помогать эту болезнь лечить. Скажите, как вы можете ее лечить? У нас прошло довольно много времени в дискуссии.

Не надо теперь оппозиции, товарищи. И я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций.

Свободно критиковать эта группа имела право уже давно. И мы спрашиваем теперь, на партийном съезде: каковы итоги, каково содержание вашей критики, чему вы вашей критикой партию научили? Тех из вас, которые ближе к массам стоят, к массам, действительно классово спаянным и классово зрелым, мы готовы привлечь к работе. Если тов. Осинский будет усматривать в этом политиканство, то он останется один, а остальные усмотрят в этом целесообразную помощь членам партии. Мы должны действительно помочь тем, которые действительно живут в рабочей массе, ближе ее знают, имеют опыт; и они могут дать ЦК свои указания. И пусть они себя называют, как угодно,—это все равно,—если только они будут помогать работе, если они не играют в оппозицию и не отстаивают группы и фракции во что бы то ни стало, а будут лишь нам помогать.

И когда нам на той же странице своей брошюры тов. Коллонтай жирным шрифтом пишет о «недоверии к рабочему классу»,—это на тему о том, что они-де настоящая «рабочая» оппозиция. На 36-й странице той же брошюры есть еще более яркое выражение этой мысли: «Рабочая оппозиция» не должна итти, да и не может итти на уступки, это не значит звать к расколу. Нет, ее задача иная. «Даже в случае поражения на съезде—оставаться внутри партии и шаг за шагом твердо отстаивать свою точку зрения, спасая партию и выправляя ее линию». «Даже в случае поражения на съезде», скажите, пожалуйста, как предусмотрительно! Извините, но я от себя лично позволю с уверенностью заявить, что этого партийный съезд не позволит. Выпрямлять линию партии имеет право всякий. Вам дали все возможности для этого.

На партийном съезде поставили условие, чтобы не было и тени подозрения по обвинению в том, что мы хотим кого-нибудь исключить. Мы приветствуем всякую помощь в деле проведения демократизма.

Но его фразами одними не проведешь, когда народ измучен. Всякий, кто хочет помочь делу, должен быть приветствуем, а когда так говорят, что на уступки не пойдут, то съезд этого не допустит. Тут никаких двусмысленностей оставлять мы не имеем права. Работа помощи в борьбе с бюрократизмом, работа помощи в отстаивании демократизма, помощь в деле большей связи с действительно рабочими массами—безусловно необходимы. Итти в этом отношении на «уступки» мы можем и должны, и как бы нам ни говорили, что они на уступки не идут, мы будем повторять, что мы идем. Это вовсе не уступки, это помощь рабочей партии. Этим мы все, что есть здорового и пролетарского в «рабочей оппозиции», мы все получим на сторону партийную, останутся «классово сознательные» авторы синдикалистских речей. Последняя московская конференция сказала: «Мы возьмем из «рабочей оппозиции» того, кого мы хотим, а не кого они хотят»—потому, что нам нужна помощь людей, связанных с рабочими массами, которые практически научат нас бороться с бюрократизмом. Это трудная задача. Мне кажется, партийному съезду этот опыт москвичей нужно учесть и также приступить к экзамену, и не только на этом пункте, а на всех пунктах порядка дня экзамен дать. В результате людям, которые говорят, что «на уступки не идут», сказать: «а партия на уступки идет»,—нужно, чтобы работа была дружная. Этой политикой мы отсеем здоровое от нездорового в «рабочей оппозиции» и получим укрепление партии.

Посмотрите, здесь говорили, что управлять производством должен «всероссийский съезд производителей». Я затрудняюсь, какими словами следует еще эту несуразицу характеризовать, но утешаюсь тем, что здесь все партийные работники—советские, которые уже год, два, три революционную работу делают. Перед ними не стоит это и критиковать. Они потому и прения закрывают, когда такие речи слышат, что это скучно, несерьезно говорить о «всероссийском съезде производителей», который управляет народным хозяйством. Может быть, это можно было бы в стране, где никакого приступа к работе, при взятой уже политической власти, не было. У нас этот приступ есть. И любопытно, что на странице 33-й той же брошюры мы находим следующее: «Рабочая оппозиция» не настолько невежественна, чтобы не учитывать великой роли техники и технически вышколенных сил». «Рабочая оппозиция» не мыслит создать свои органы управления народным хозяйством, избранные на съезде производителей, и затем распустить совнархозы, главки, центры. Нет, она мыслит иное: подчинить эти технические и необходимые центры управления своему руководству, давать им теоретические задания, использовать их так, как в свое время фабриканты и заводчики использовали силы специалистов.

техников». Итак, тов. Коллонтай и тов. Шляпников и следующие за ними «классово спаянные» люди подчиняют своему необходимому руководству совнархозы, главки и центры,—всяких Рыковых, Ногиных и прочие «ничтожества» и будут давать им теоретические задания. И что же, товарищи, разве можно это взять всерьез? Если у вас были какие-либо теоретические задания, почему вы их не давали? Для чего мы объявляли свободу дискуссий? Мы объявляли не для одного обмена словами. Во время войны мы говорили: нам не до критики, если мы делаем ошибку—нас ждет Врангель, мы ее исправляем тем, что бьем Врангеля. Когда мы кончили войну, нам начинают кричать: «давайте свободу дискуссий». Когда мы спрашиваем: скажите, какие ошибки сделали, нам говорят: не нужно распускать совнархозы и главки, им надо давать теоретические задания. Почему тов. Киселев, который на съезде горнорабочих, как представитель классово спаянной «рабочей оппозиции» остался в ничтожном меньшинстве, почему, когда он стоял во главе Главтекстиля, он не научил нас борьбе с бюрократией, почему тов. Шляпников, когда он был наркомом, почему тов. Коллонтай, когда она также была наркомом, не научили нас борьбе с бюрократизмом? Мы сами знаем, что бюрократический налет у нас есть, и мы, которым приходится ближе всего иметь дело с этим бюрократическим аппаратом, мы от этого страдаем. Подписываем бумажку, а как дойдет она до дела? Как это проверить, когда бюрократический аппарат такой громадный? Вы знаете, как его уменьшить,—поделитесь, пожалуйста, с нами, дорогие товарищи, вашим знанием. У вас есть желание дискуссировать, но кроме общих заявлений вы ничего не даете. Вместо этого вы занимаетесь чистейшей демагогией. Прочитайте все, товарищи, эту брошюрку, убедительно вас прошу. Лучшего материала против «рабочей оппозиции», чем брошюра тов. Коллонтай «Рабочая оппозиция»—быть не может. Вы увидите, что так подходить к вопросу действительно нельзя. Что бюрократизм есть вопрос больной, это мы все признаем, это есть даже в нашей партийной программе. Критика против главков и совнархозов очень легка, но когда вы так критикуете, беспартийные рабочие массы понимают—распустить; это подхватывают и эсеры. Мне сказали товарищи украинцы, что у них на конференции левые эсеры буквально свои предложения формулировали таким же образом. «Рабочая оппозиция» говорит: мы распускать совнархозы не будем, а подчиним своему руководству всероссийский съезд производителей. Подчиним своему руководству 71 главк Совнархоза. Я спрашиваю, смеются что ли они, и можно ли таких людей брать всерьез. Это есть мелкобуржуазная анархическая стихия не только в рабочей партии, но и внутри нашей партии, и этого допустить мы ни в коем

случае не можем. Когда мне приходилось на II съезде горнорабочих спорить с т.т. Троцким и Киселевым, эти две точки зрения выступали явно. «Рабочая оппозиция» говорила: Ленин и Троцкий соединятся. Троцкий выступил и говорил: «Кто не понимает, что нужно соединиться, тот идет против партии; конечно, мы соединимся, потому что мы— люди партии». Я поддержал его. Конечно, мы с тов. Троцким расходились, и когда в ЦК образуется более или менее равная группа, партия рассудит и рассудит так, что мы объединимся согласно воле и указаниям партии. Вот с каким заявлением мы с тов. Троцким шли на съезд горнорабочих и пришли сюда, а «рабочая оппозиция» говорит: «Мы не будем делать уступок, но мы останемся в партии». Нет, этот номер не пройдет! Еще раз скажу, что нам в борьбе с бюрократизмом всякая помощь рабочего, как бы он себя ни называл, если он хочет искренно нам помогать, архижелательная помощь. В этом смысле мы на «уступки» пойдем, какие бы вызывающие нам ни делали заявления, мы на уступки пойдем, потому что мы знаем, как трудно работать. Распустить совнархоз и главки мы не можем. Когда говорят, что у нас есть недоверие к рабочему классу, что мы не пускаем, это— сплошная неправда. Всякого сколько-нибудь сносного администратора из рабочих мы ищем и рады взять, мы его испытываем. Я указывал, что противоположное утверждение—неправда, что мы изнемогаем от недостатка сил, малейшую помощь сколько-нибудь дельного человека,— а из рабочих втройне,—мы берем обеими руками. Но у нас их нет. На этой почве является анархия. Тут надо поддержать борьбу с бюрократизмом,—это сотни тысяч людей.

Что мы с ними будем делать? Легко писать об этом. Вы сами понимаете, что значит расслабить советский аппарат, когда 2 миллиона русских находятся за границей. Их выгнала гражданская война. Они нас осчастливили тем, что теперь заседают в Берлине, Париже, Лондоне и во всех столицах, кроме нашей. Они поддерживают ту же стихию, которая называется мелким производителем, мелкобуржуазной стихией.

Все, что можно сделать для того, чтобы изжить бюрократизм путем выдвигания рабочих снизу,—мы будем делать, всякое практическое указание в этом отношении примем. Если называть это даже неподходящим словом «уступок», как здесь называют, нет сомнения, что 99 процентов съезда скажет вопреки этой брошюрке: а мы пойдем вопреки этому и завоюем все, что есть здорового. Становитесь вместе с рабочими и научите, как бороться с бюрократизмом, если знаете лучше нас, а не выступайте так, как выступал Шляпников. Это такая вещь, от которой нельзя отмахнуться.

---

6. Об единстве партии

(Резолюция X съезда РКП)

1. Съезд обращает внимание всех членов партии на то, что единство и сплоченность ее рядов, обеспечение полного доверия между членами партии и работы действительно дружной, действительно воплощающей единство воли авангарда пролетариата, является особенно необходимым в настоящий момент, когда ряд обстоятельств усиливает колебание в среде мелкобуржуазного населения страны.

2. Между тем еще до общепартийной дискуссии о профсоюзах в партии обнаружились некоторые признаки фракционности, т.-е. возникновение групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину.

Необходимо, чтобы все сознательные рабочие ясно сознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности, которая неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы и к усиленным повторным попыткам примазывающихся к правительственной партии врагов ее углублять разделение и использовать его в целях контр-революции.

Использование врагами пролетариата всяких уклонений от строго выдержанной коммунистической линии с наибольшей наглядностью показало себя на примере кронштадтского мятежа, когда буржуазная контр-революция и белогвардейцы во всех странах мира сразу выявили свою готовность принять лозунги даже советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата в России, когда эсеры и вообще буржуазная контр-революция использовали в Кронштадте лозунги восстания якобы во имя советской власти против советского правительства в России. Меньшевистские листки в Петрограде накануне кронштадтского мятежа показывают равным образом, как меньшевики использовали разногласия внутри РКП, чтобы фактически подталкивать и поддерживать кронштадтских мятежников, эсеров и белогвардейцев, выставляя себя на словах противниками мятежей и сторонниками советской власти лишь с небольшими, будто бы, поправками.

3. Пропаганда по данному вопросу должна состоять, с одной стороны, в обстоятельном объяснении вреда и опасности фракционности с точки зрения единства партии и осуществления единства воли авангарда пролетариата, как основного условия успеха диктатуры пролетариата; с другой стороны, в объяснении своеобразия новейших тактических приемов врагов советской власти. Эти враги, убедившись в безнадежности контр-революции под открыто белогвардейским флагом, напрягают теперь все усилия, чтобы, используя разногласия внутри РКП,

двинуть контр-революцию так или иначе путем передачи власти политическим группировкам, наиболее близким по внешности к признанию советской власти.

Пропаганда должна выяснить также опыт предшествующих революций, когда контр-революция поддерживала наиболее близкие к крайней революционной партии мелкобуржуазные группировки, чтобы поколебать и свергнуть революционную диктатуру, открывая тем дорогу для дальнейшей полной победы контр-революции капиталистов и помещиков.

4. Необходимо, чтобы каждая организация партии строжайше следила за тем, чтобы безусловно необходимая критика недостатков партии, всякий анализ общей линии партии или учет ее практического опыта, проверка исполнения ее решений и способ исправления ошибок и т. п. были направляемы не на обсуждение групп, складывающихся на какой-либо «платформе» и т. п., а на обсуждение всех членов партии. Для этого съезд предписывает издавать регулярнее «Дискуссионный Листок» и особые сборники. Всякий выступающий с критикой должен учитывать положение партии среди окружающих ее врагов, а также должен своим непосредственным участием в советской и партийной работе стремиться к исправлению на деле ошибок партии.

5. Поручая ЦК провести полное уничтожение всякой фракционности, съезд заявляет в то же время, что по вопросам, привлекающим особое внимание членов партии—об очистке партии от непролетарских и ненадежных элементов, о борьбе с бюрократизмом, о развитии демократизма и самодеятельности рабочих и т. п., какие бы то ни было деловые предложения должны быть рассматриваемы с величайшим вниманием и испытываемы на практической работе. Все члены партии должны знать, что по этим вопросам партия не осуществляет всех необходимых мер, встречая целый ряд разнообразных препятствий, и что, отвергая решительно неделовую и фракционную критику, партия неустанно будет продолжать, испытывая новые приемы, бороться всякими средствами против бюрократизма, за расширение демократизма, самодеятельности, за раскрытие, разоблачение и изгнание примазавшихся к партии и т. д.

6. Съезд предписывает немедленно распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы и поручает всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии.

ОТ X ДО XI СЪЕЗДА РКП(б)

7. «Рабочая оппозиция» после X съезда РКП(б)

(Из отчета комиссии XI съезда РКП)

Дорогие товарищи!

XI съезд РКП поручил нам расследовать все обстоятельства, связанные с деятельностью бывшей группы «рабочей оппозиции», и в частности, с подачей заявления в Коминтерн 22 товарищей, бывших членов этой группы. Комиссия обследовала все накопившиеся в Центральном Комитете, в Центральной Комиссии, Коминтерне и в Московской контрольной комиссии материалы по настоящему делу. Она вызвала и опросила наиболее активных товарищей, подписавших это заявление, и поставила перед ними ряд выясняющих вопросов. И эта работа комиссии привела ее к единодушному убеждению в том, что она имеет дело не со случайно составленной группировкой, а с довольно фракционной организацией. Комиссия считает необходимым напомнить всем членам партии, что взгляды и деятельность группы «рабочей оппозиции» специально были осуждены на X съезде нашей партии. Съезд решительно осудил какие бы то ни было фракционные группировки и вынес постановление о единстве партии.

...В специальной резолюции о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии съезд решительно осудил взгляды, сложившиеся к X съезду партии внутри РКП, группы «рабочей оппозиции», как синдикалистский и анархистский уклон.

Проводя на деле в жизнь постановление о единстве партии, X съезд включил в состав Центрального Комитета двух наиболее видных работников из распущенной группы—т.т. Шляпникова и Кутузова, а в кандидаты Центрального Комитета съезд избрал других двух видных работников этой группы—т.т. Медведева и Киселева. По поручению партии тов. Коллонтай была делегирована для работы в Коминтерне. Когда

началась проверка и чистка рядов партии, тов. Шляпников был включен в Центральную Комиссию по проверке состава партии, а ряд других его единомышленников—в областные, губернские и уездные комиссии по проверке состава РКП. Товарищи из распущенной группы «рабочей оппозиции» были поставлены на ответственнейшие партийные, профессиональные и советские посты путем плановых перемещений, которые, в видах наибольшей целесообразности и наилучшего использования сил, были произведены на основании постановлений партийного съезда. Таким образом партия, как в лице ее Центрального Комитета, так и в лице местных ее органов, дала полную возможность работать товарищам из бывшей группы «рабочей оппозиции» с наибольшей пользой для пролетариата.

Но товарищи из распущенной группы не прекратили фракционной борьбы. Ряд фактов устанавливает с несомненностью, что нелегальная фракционная организация была сохранена, и во главе ее стояли вдохновители и лидеры т.т. Шляпников, Медведев и Коллонтай. Несмотря на то, что тов. Шляпников являлся членом Центрального Комитета, его выступления как на профессиональных съездах, так и на других партийных и беспартийных собраниях носили характер противопоставления себя партии: «мы» и «они». Неоднократно делались попытки эту фракционность закрепить в наиболее важных органах, как профессиональный союз металлистов, а приложенное здесь письмо члена этой группы Митина из Донбасса, адресованное Шляпникову и Медведеву, с неоспоримостью доказывает наличие и сохранение фракционной организации, устройство совещаний, на которых выносятся постановления, исполнителями которых являются Шляпников и Медведев. Так, Митин пишет: «На последнем нашем совещании было поручено тебе и Шляпникову дать оценку новой экономической политике и сделать из нее наши выводы». В том же письме он пишет, что ставит себе задачу—«поставить во все завкомы» «своих ребят» и через них «завоевать заводские ячейки» и повести по этой линии работу до захвата райпарткома и конференции, что он пытался таким же образом здесь завоевать губсоюз, совнархоз, совпроф. «Если бы мне это удалось выполнить, Донбасс—наш»,—пишет он. В другом письме, которое было получено из Москвы членами Николаевской организации партии и передано ЦК КПУ, один из членов «рабочей оппозиции» пишет: «В случае с металлистами наши товарищи выявили полное непонимание основных правил политики, против чего мы, как коллектив, должны бороться». И дальше рекомендуется и тактика борьбы. «Наша группа, как группа, должна возродиться прежде всего для осознания нового курса экономической политики и выявления отношения к нему рабочей части ком-

партии. Этот курс, несмотря на его неизбежность и необходимость содействовать ему, не означает, что политика рабочей части компартии должна быть такой, какой является нынешняя официальная линия. Я думаю, что если группа в целом займется выяснением своей позиции по этому вопросу, то несомненно, мы выработаем общую линию». И дальше рекомендуется «на наглость отвечать наглостью, на наступление—организацией» и переходом в наступление. «Только избегайте вводить в политику сентиментальные вещи, как было сделано нашими товарищами на съезде металлистов».

Ряд писем и документов, которые тов. Шляпников вынужден был на фракции последнего съезда металлистов передать ЦК партии, неопровержимо устанавливает, что налицо была организация группы «рабочей оппозиции» внутри партии, что она имела даже секретариат, что рассылались циркулярные письма, что на местах поддерживалась разлагающая организацию работа, что отношение членов этой подпольной организации к ЦК нашей партии было самое антипартийное, возмутительное, нетоварищеское; подготовлялся лишь наиболее удачный момент для раскола, о котором тов. Коллонтай в своей брошюре о «рабочей оппозиции» писала, что теперь не настало еще время для этого раскола. Митин пишет: «Если бы захват партийных, советских, кооперативных и профессиональных органов удалось выполнить, Донбасс—наш. Но что значит—наш? Каково же наше идеологическое миросозерцание?». Так могут писать и пишут только люди, принадлежащие к чуждой нашей партии группировке, не разделяющие партийную линию, борющиеся с ней.

Ряд подобных фактов, а также особенно выступления тов. Шляпникова заставили ЦК партии на пленуме 9 августа созвать специальное собрание всех бывших тогда на пленуме членов и кандидатов ЦК и ЦКК и поставить на нем вопрос об отношении к нарушению партийной дисциплины тов. Шляпниковым. За предложение об исключении тов. Шляпникова уже тогда высказалось больше половины этого собрания и немного меньше $^2/_3$, необходимых для применения этой меры; согласно особому постановлению X съезда, ЦК вынес тогда постановление, которое должно было остановить как тов. Шляпникова, так и всех его единомышленников от продолжения проводимой ими непартийной линии. Однако на самом деле этого не произошло. Центральному Комитету вскоре пришлось заняться деятельностью одного из членов этой группы, тов. Мясникова, который пытался неоднократно проводить на собраниях, партийных и беспартийных, а также в печати взгляды, которые после ознакомления с ними членов ЦК были признаны антипартийными. Эти взгляды являлись идеологическим отражением

настроений, которые охватили колеблющуюся часть рабочих в период кронштадтских событий весной 1921 г., попыткой сделать колебания мелкой буржуазии знаменем для партии. В то время как вся буржуазная печать была направлена на организацию пробудившейся враждебной нам мелкобуржуазной стихии, тов. Мясников предлагал провозгласить свободу слова и печати «от монархистов до анархистов включительно». Несмотря на то, что эти взгляды 22 августа 1921 г. были признаны несовместимыми с интересами партии, тов. Мясников продолжал их защищать не только на партийных, но и на беспартийных собраниях, оставаясь в то же самое время членом партии. Терпимое отношение партии к его выходкам он истолковывал в смысле лозунга: «Мне все позволено». На письмо тов. Ленина тов. Мясников отвечает: «Ваше письмо получил. Писать вам сейчас ответ—нет времени». И только значительно позднее отвечает: «Все никак не мог собраться вам ответить на ваше письмо». Чем же был занят в это время Мясников? Он опять-таки, вопреки запрещению, выступает с защитой этих взглядов, использовал и письмо тов. Ленина для дальнейшей разрушительной работы в Пермской организации, вызвав уход с общегородской августовской конференции почти всей мотовилихинской делегации в 31 человек, подавшей демагогический и антипартийный протест против губкома. И точно так же, как после постановления 22 августа, Мясников вновь вернулся в Мотовилиху и явочным порядком выступил с докладом о своем пребывании в Москве, о своих тезисах и решении Оргбюро ЦК от 22 августа. Наконец Мясников посылает письмо Куржнеру в Питер 25 ноября 1921 г. и убеждает его завоевать по крайней мере два района, объединив всех недовольных под одно знамя. 15 февраля 1922 г. специальная комиссия, в составе т.т. Сольца, председателя ЦКК и секретарей ЦК Михайлова и Молотова, постановляет: Г. Мясникова из партии исключить. 20 февраля Политбюро ЦК РКП утверждает это постановление.

А через несколько дней, как это точно выяснено из опросов подписавшихся под заявлением двадцати двух, т.т. Медведев и Шляпников созывают своих единомышленников с участием уже исключенного из партии Г. Мясникова, и на этом совещании вырабатывается заявление в Коминтерн, адресованное членам международной конференции Коммунистического Интернационала, в копии пересланное уже позже в ЦК РКП. Это заявление было роздано в копиях, переведенных на немецкий язык тов. Коллонтай, членам ИККИ, но не было передано русской делегации Коминтерна и даже не было доведено до ее сведения. В этом заявлении они рисуют положение дел в нашей партии настолько тяжелым, что над партией висит будто бы угроза раскола.

Нам кажется, дорогие товарищи, что лучшим опровержением этого заявления служит резолюция нашего съезда, единогласно принятая по докладу Центрального Комитета: «такого единодушия в нашей партии до сих пор еще не было».

Получив копию заявления 22 товарищей, адресованного на имя членов международной коммунистической конференции, Политбюро ЦК, не оспаривая права отдельных товарищей обращаться в Коминтерн как в высшую инстанцию, поручило т.т. Зиновьеву и Троцкому выяснить перед конференцией или перед комиссией, если таковая будет создана конференцией, истинный характер этого заявления и допущенные в нем искажения действительности. В то же время, совершенно не считая возможным скрывать подобного рода обвинения, выдвигаемые против партии и ее высшего органа—Центрального Комитета,—Центральный Комитет РКП поручил Секретариату сообщить всем губкомам текст обращения 22 товарищей к Коминтерну и постановление Политбюро ЦК. Необходимо отметить, что под этим заявлением подписался и Г. Мясников, за несколько дней до этого исключенный из партии, подписался как член партии, в то время как он знал о своем исключении, точно так же, как об этом исключении не могли не знать член ЦК Шляпников и Медведев. 28 февраля международная конференция Коммунистического Интернационала избрала для рассмотрения этого заявления комиссию в составе следующих товарищей: Клара Цеткин, Кашен, Фрис, Коларов, Крейбих, Террачини и Мак-Манус. Что же говорили этой комиссии т.т. Шляпников, Коллонтай и Медведев? Они сообщали членам комиссии ряд совершенно непроверенных фактов, самым недобросовестным образом подчеркивали исключительно неблагоприятные стороны нашей действительности, дали совершенно извращенную картину взаимоотношений между РКП и рабочим классом в целом. Так, они сообщали о небывалой политической апатии рабочего класса, об упадке активности и энергии рядовых членов, иллюстрировали это последними выборами в Москве, которые, по их мнению, проходили под бойкотом рабочих, между тем как все проводившие эти выборы знают, что давно не было в рабочей среде такого революционного подъема, такой политической активности, как во время последних выборов в Московский совет. Шляпников легкомысленно рассказал о никогда на самом деле не бывшем у него в квартире обыске, о том, что партия хотела провоцировать «рабочую оппозицию» на создание группы IV Интернационала и таким образом создать повод для исключения Шляпникова и Коллонтай из партии, о том, что рабочие все в большем количестве уходят из партии, что противоречит фактам и цифрам. Комиссия Коминтерна о результатах

расследования доложила расширенному пленуму ИККИ, и расширенный пленум не признал жалобы 22 товарищей правильными.

...Насколько деятельность членов группы «рабочей оппозиции» отталкивала наиболее сознательные слои рабочего класса, видно из того, как отнеслась фракция V всероссийского съезда металлистов к заявлению двадцати двух [1]).

...Наконец, избранная X съездом партии Центральная Контрольная Комиссия сделала попытку в товарищеской беседе выяснить действительные мотивы подачи заявления двадцати двух, а также степень сознательного участия в этом заявлении подписавшихся под ним, причем некоторые товарищи в Центральной Контрольной Комиссии, вызванные ею для объяснений, отнеслись к ней не как к товарищеской организации, уполномоченной верховным органом партии съезда, а как к следственно-судебной, чуждой, враждебной организации. Тов. Медведев прямо заявил, что он не может относиться с полным доверием к ЦКК, так как, хотя она и выбрана съездом, но он, Медведев, ее не выбирал. Следует отметить, что в числе подписавшихся был и один из членов ЦКК, тов. Челышев, который в течение 10 месяцев работает совместно с другими товарищами ЦКК, никогда не имел повода жаловаться, что у него происходят сколько-нибудь серьезные расхождения с товарищами; точно так же он не довел до сведения ЦКК о факте подачи им заявления в Коминтерн, между тем как ЦКК была избрана как раз за тем, чтобы следить за устранением явлений, указанных в заявлении 22 товарищей, если бы такие явления на самом деле имели место. Перед всеми этими фактами встала комиссия, избранная XI съездом для выяснения всех обстоятельств, связанных с подачей этого заявления.

...Несмотря на то, что мы были уполномочены на расследование этого дела высшим законодательным органом партии, всероссийским съездом, мы не увидели в поведении вызванных товарищей товарищеского отношения. Они и к нашей комиссии отнеслись так, как если бы их опрашивали по какому-нибудь нелегальному делу чиновники какого-нибудь буржуазного судебного или следственного органа, многое объясняли запамятованием, не желали называть имен и т. п. Комиссия—на основании запротоколированных и стенограммных материалов, а также внимательного сопоставления объяснений вызванных товарищей с имеющимися в ее руках материалами—пришла к полному убеждению в том, что перед нею — члены нелегальной организации, ведущей подпольную разрушительную

---

[1]) См. ниже стр. 62.

для партии работу, подготовляющую благоприятные моменты для раскола, на словах формально заявляющие о своем подчинении постановлениям Коминтерна и РКП, на деле ведущие прежнюю свою линию.

Тов. Шляпников заявил, что он не мог предвидеть, во что выльются результаты подачи заявления. В таком обороте, какой приняло дело, он считает себя неудовлетворенным, но он отнюдь не раскаивается в том, что заявление было подано. Другими словами, что он считает неправильным постановление Коминтерна. Тов. Коллонтай заявила, что она считает отрицательным явлением то, что во время перевыборов в Московский совет не было почти никаких группировок, противопоставленных коммунистам, а также не было группировок и среди коммунистов. Она заявила, что если партия не исправит своей линии, то, конечно, должен наступить момент разрыва с партией. Она сожалеет о том, что не было организационных связей с единомышленниками и с группой «рабочей оппозиции», и, наконец, она не считает свое заявление ошибкой даже после постановления Коминтерна. Тов. Медведев точно так же не считает ошибкой сообщение Коминтерну сведений не только непроверенных, но совершенно ложных.

Одним из вопросов, которые комиссия ставила перед товарищами, был вопрос о подчинении решениям Коминтерна и съезда РКП.

Объяснения товарищей ни в какой степени не убедили комиссию в том, что товарищи действительно способны подчиниться вполне этим решениям. Как понимается это подчинение исключенным из партии т. Мясниковым, видно из следующего факта: в своем письме к тов. Ленину от 6 августа тов. Мясников писал: «Я с партией связан кровью. Думаю, что лучшей партии у пролетариата не было и не будет». А после подписания заявления в Коминтерн тов. Мясников отправился на Мотовилихинский завод, организовал перевыборы фабзавкома и добился выбора беспартийного фабзавкома; организовал подпольную группу, куда вошли и беспартийные, и самым энергичным образом принялся за дальнейшую дезорганизацию профессиональных, партийных и советских органов. Комиссия считает, что подобной деятельности должен быть положен конец, а перед лицом наиболее сознательной передовой части российского пролетариата и ее коммунистической партии и перед лицом международного пролетариата съезд и вся партия должны проявить то единство, которое уже сказалось в единогласном принятии резолюции, одобряющей политическую и организационную линию Центрального Комитета, а также в том факте, что за противоположную резолюцию тов. Медведева не голосовал ни один делегат всероссийского партийного съезда.

Комиссия считает нужным исключить навсегда из партии таких людей, как Митин и Кузнецов, чуждых и вредных для партии. Комиссия предлагает XI съезду исключить из партии т.т. Коллонтай, Медведева и Шляпникова, поставить их вне рядов Коминтерна в целях решительного предупреждения их единомышленников от продолжения опасных и вредных для партии шагов. Опыт покажет, захотят ли они остаться с авангардом рабочего класса, или они будут продолжать разрушительную работу его дезорганизации. И если они докажут в течение года, что их преданность делу рабочего класса выше и групповых и фракционных интересов, рабочий класс примет их снова в ряды своей коммунистической партии, помня об их прежних заслугах перед революцией. Вместе с тем комиссия считает необходимым заявить, что подписавшие заявление двадцати двух отнюдь не являются выразителями взглядов всех тех членов группы рабочей оппозиции, которые к ней принадлежали к X съезду партии. В течение этого года многие из видных работников этой группы, прежних единомышленников Шляпникова, Медведева и Коллонтай, сумели подчинить свои групповые фракционные взгляды партийной линии и работать в полном согласии с партией, не нарушая единства воли, единства действий, необходимых партии пролетариата РСФСР в небывало трудных условиях.

Комиссия, избранная XI съездом РКП, призывает всех членов партии еще более дружно сомкнуть свои ряды вокруг партийного знамени за единство, самым решительным образом бороться с попытками нарушить это единство, с попытками внутри нашей партии создать какие бы то ни было чуждые организации, ведущие к разложению и ослаблению ее рядов.

Комиссия была по предложению тов. Петровского избрана XI съездом РКП в следующем составе: Дзержинский, Сталин, Зиновьев, Сольц; от Украины—Лебедь и Радченко; от Сибири—Строганов и Ярославский; от Юго-Востока—Чепцов; от Урала—Туркин; от Северо-Запада—Лобов и Гей; от Москвы—Марков-Серп; от Кавказа—Киров; от Туркестана—Коганович; от Иваново-Вознесенска—Коротков; от Нижнего — Петров; кроме того, было оставлено место для представителя Тулы.

О своей работе комиссия в отчете сообщила следующее: «Комиссия опросила т. т. Шляпникова, Медведева, Коллонтай, Митина, Кузнецова, Бруно, Полосатова, Шиханова, Челышева, Толоконцева. Также были оглашены поступившие по этому делу заявления тов. Иванова о том, что всякая мера, которая будет применена к одному из подписавшихся, должна быть применена и к нему, заявление Панюшкина о том, что Шляпников и Медведев в свое время отговаривали его от выхода из партии, заявление Шиханова, Полосатова и Бекренева, аналогичное заявлению Иванова, отзыв Кореневкина о деятельности Кузнецова в 1916 г., заявление Челышева, Борисова и Бруно, аналогичное с заявлением Иванова, и, наконец, заявление т.т. С. Н. Смидо-

вич, Голубевой, Елизаровой-Ульяновой о значении для партии деятельности тов. Коллонтай, а также Медведева из Брянска».

Выводы комиссии относительно Митина см. ниже, примечание к письму Митина. Относительно Кузнецова комиссия установила, «что это совершенно чуждый пролетариату человек, от бакалейной торговли с ее торгашескими мелкобуржуазными навыками перешедший к станку с тем, чтобы укрыться от воинской повинности. Его партийный стаж, указанный в заявлении с 1904 г., не соответствует действительности, так как Кузнецов в Центральном Комитете мог доказать свою принадлежность к партии только с 1917 г., несмотря на то, что его знают многие товарищи. Относительно остальных товарищей, подписавших заявление, у комиссии нет материалов, которые указывали бы на их фракционное и антипартийное поведение, кроме самого факта участия в последнем совещании, организованном т.т. Шляпниковым и Медведевым, на котором было выработано заявление двадцати двух». XI съездом был внесен ряд существеннейших изменений в предложения комиссии. (См. ниже постановление XI съезда «О некоторых членах бывшей «рабочей оппозиции».)

Чистка партии, произведенная перед XI съездом партии, привела по данным тов. Шкирятова (оглашенным на XI съезде РКП) к следующим результатам: исключено 136 386 (кроме Туркестана), т. е. 20,7% всего состава партии; добровольно ушло 17 796; итого 154 182 (23,3% всего состава партии). В Туркестане исключено 10 036, переведено в кандидаты 3 229 и добровольно ушло 1 758. Из числа исключенных—27 807 рабочих (20,7% ко всему числу исключенных).

Как указано в докладе комиссии, Шляпников входил в ЦК по чистке партии, а местные деятели «рабочей оппозиции» были включены в местные комиссии. Это обстоятельство не помешало сторонникам «рабочей оппозиции» утверждать, будто «чистка была проведена неправильно» (заявления т.т. Шляпникова и Коллонтай на заседании комиссии ИККИ по делу двадцати двух) и что при чистке исключались оппозиционеры. Необходимо отметить, что и в циркуляре ЦК РКП о чистке партии была сделана специальная оговорка: «Ни в коем случае не допустимы репрессии по отношению к инакомыслящим внутри партии (например против членов бывшей «рабочей оппозиции»). (Циркуляр «Ко всем парторганизациям», «Известия ЦК РКП(б)», № 33, октябрь 1921 г., стр. 40.)

---

8. Дело Шляпникова

(Из доклада тов. Рыкова на собрании московского партактива 26 июля 1926 г.)

Шляпников в то время был членом ЦК партии и членом Центральной Комиссии по чистке партии. На собрании одной партячейки он выступил с критикой некоторых правительственных решений. Владимир Ильич узнал об этом из одного документа, который сохранился до настоящего времени. В этом документе сказано (цитирую его с небольшими стилистическими поправками, сохраняя точный смысл):

«... В ячейке делал доклад—не доклад,—докладом нельзя назвать,—а выступил с критикой правительственных постановлений бывший нарком тов. Шляпников. За основу критики он взял резолюцию президиума ВСНХ о сдаче предприятий в аренду. Начал он с пункта,

где сказано: «Признать, что хозяйство велось бесхозяйственно». Тов. Шляпников над этим пунктом расхохотался: «Что это значит? Управляли 4 года, и не было хозяина, как это может быть?». Вторым пунктом его критики было то место резолюции, где сказано: «Все-таки рабочие снабжались прозодеждой и продовольствием, а производительность была сведена до минимума». Этот пункт подвергся большой критике тов. Шляпникова, который говорил, что рабочим почти ни чорта не давалось, а производительность на некоторых заводах была даже выше, чем в довоенное время.

Третий пункт критики—о хищениях. Тов. Шляпников говорил, что рабочие не виноваты, а виноваты хозяйственные органы: они довели рабочих до воровства. В конце критики он заявил, что вся эта резолюция отдает антирабочим духом, рабочие должны насторожиться».

Владимир Ильич, получив эту информацию, потребовал срочного созыва пленума ЦК и ЦКК для обсуждения его—Ленина—предложения об исключении тов. Шляпникова из состава ЦК партии за нарушение партдисциплины. Предложение свое он мотивировал тем, что ЦК партии не может допустить, чтобы кто-либо из его членов занимался срывом политики ЦК. Члены ЦК могут отстаивать свое мнение, спорить, дискутировать внутри ЦК. Но все они, независимо от того согласны или не согласны с решением ЦК, обязаны безоговорочно, не за страх, а за совесть, проводить принятые решения в жизнь и отстаивать их как среди беспартийных, так и в кругу членов партии. Выступление члена ЦК тов. Шляпникова с критикой резолюции ВСНХ, которая была принята в соответствии с общей политикой ЦК, было в глазах Владимира Ильича достаточным основанием, чтобы поставить вопрос об исключении тов. Шляпникова из состава Центрального Комитета партии. По предложению тов. Ленина тогда было принято пленумом ЦК такое решение:

«Слушали—о нарушении партийной дисциплины Шляпниковым. Постановили:

а) считать необходимым организованное вмешательство Центрального Комитета. Созвать завтра, 9 августа, в 11 часов утра, предусмотренную постановлением X партсъезда об единстве партии коллегию из всех наличных в Москве членов ЦК РКП, кандидатов и членов ЦКК».

На этом заседании Владимир Ильич поставил вопрос об исключении Шляпникова из состава Центрального Комитета партии. Однако, Владимир Ильич остался тогда в меньшинстве, большинство не согласилось исключить Шляпникова из состава ЦК и ограничилось только освобождением его от должности члена Центральной комиссии по чистке партии. Постановление гласило:

«а) Ввиду неоднократных нарушений партийной дисциплины тов. Шляпниковым как членом ЦК собрание констатирует, что дальней-

ные выступления тов. Шляпникова за пределами ЦК с речами, заявлениями, критикой, направленными против политики ЦК и противодействующими решениям, действительно выражающим мнения партийного съезда, являются совершенно недопустимыми и ставят ребром вопрос о возможности работы тов. Шляпникова в ЦК. Ввиду этого собрание категорически призывает тов. Шляпникова радикально изменить в этом отношении все свое политическое поведение, согласовав его с линией ЦК, в рядах которого он состоит. В случае если тов. Шляпников в дальнейшем не изменит своего поведения, ЦК поручается созвать такое же собрание для вторичного рассмотрения вопроса.

Принято единогласно при трех воздержавшихся.

б) Настоящее решение немедленно сообщить только губкомам, опубликовать лишь в «Известиях ЦК РКП».

в) Освободить тов. Шляпникова от должности члена Центральной комиссии по чистки партии».

Проступок тов. Шляпникова, за который Владимир Ильич требовал его исключения из ЦК, совершенно бледнеет перед делом Лашевича, Беленького и др. Ведь тов. Шляпников легально, на виду у партии, выступал на легальном коммунистическом собрании с критикой постановления ВСНХ. Но Владимир Ильич придавал настолько исключительное значение вопросам партдисциплины, был так беспощадно требователен в оценке поступков, которые хотя бы в малейшей степени ослабляли партийную дисциплину, что даже за такое нарушение ее, которое теперь кажется незначительным по сравнению с раскольнической деятельностью Лашевича, Беленького и др., требовал исключения Шляпникова из ЦК.

---

9. Фракционная работа на местах.

а) Самара

(Из доклада тов. Молотова на XI съезде РКП)

Наиболее решительные и радикальные меры ЦК применил по отношению к Самарской партийной организации. Здесь ЦК вынужден был на определенные и крутые меры. ЦК знал, что еще на выборах перед X партийным съездом губернский комитет в Самаре был составлен из большинства сторонников бывшей «рабочей оппозиции»: из 25 членов комитета было до 16 членов бывшей «рабочей оппозиции». Если не ошибаюсь, это был один губком, который попал в большинстве своем под влияние группы бывшей «рабочей оппозиции». В течение нескольких месяцев ЦК пытался паллиативными мерами помочь Самарской организации — посылкой отдельных товарищей,

например тов. Куйбышева, чтобы наладить местные отношения и установить правильную партийную жизнь. Однако, это совершенно не удавалось...

Тов. Седой, член ЦКК, посланный на место, констатировал полный развал партийной организации. После X съезда до августа из Самарской партийной организации вышло до 35% членов организации. Им же было констатировано полное отсутствие партийной дисциплины и партийной связи между ответственными товарищами, с одной стороны, и партийной массой—с другой. Было установлено, что из общего числа заключенных в тюрьму до 6% были коммунисты. Такое разложение партийной организации было абсолютно нетерпимо, и дальнейшее оставление организации в таком положении было совершенно недопустимо. Это была единственная губернская организация, где ЦК снял всю верхушку партийных и советских работников и назначил секретарем тов. Минькова, члена бюро МК. Это было единственное назначение, которое было вынуждено, и ЦК не раскаивается в этом. После того как в Самаре приступили к работе т.т. Миньков, Антонов-Овсеенко, Шахновский и другие товарищи, мы видим теперь, что организация вышла из кризиса, который она переживала в течение нескольких месяцев. В настоящее время Самарская губернская организация ничем не хуже большинства других партийных организаций. Несмотря на колоссальные трудности голодного времени, переживаемого Самарской губернией в более острой форме, чем где бы то ни было, Самарская партийная организация в настоящее время является сплоченной и дружной.

б) Донбасс

(Из письма тов. Митина Медведеву и Шляпникову)

Уважаемый тов. Медведев, вы меня за нескромность извините, но я все-таки должен сказать себе и тов. Шляпникову: в чем дело? Отчего вы молчите? Разве нет вопросов, или уже стала такая божья благодать, что пережитое вошло в спокойствие? Во-вторых, мне помнится, что на последнем нашем совещании было поручено тебе и Шляпникову дать оценку новой экономической политике и сделать из нее наши выводы. Но прошло уже достаточно времени. Сведений никаких нет. Пользуясь своей оказией, т.-е. тов. Полосатовым, я хотел бы восстановить нашу теснейшую связь и получить хотя бы кое-какие свежести из ваших кухонь. При чем важно то, что ЦК наш как будто чем подавился, а посему молчит, не слышно ни единого слова, как будто там пустота.

Должен сказать, что здесь получено одно письмо, писанное на пишущей машинке, Ивана Перепечко, с душу раздирающим криком против ЦК РКП, но оно по существу ничего не дает, это вроде нашего Панюшкина, но главное, оно содержит в себе объяснение металлистов, что, мол, они на съезде ограничились одними пролетарскими приемами, т.-е. расплакались и т. д. Наши ребята стали было его обсуждать, но я послал это письмо и того, кто его писал и кому оно адресовано, ко всем чертям, считая, что И. Перепечко—штучка весьма и весьма сомнительная, так что ребята со мной согласились.

Вот такие весточки из центра могут слабой братии вскружить голову, провинциальную голову. Поэтому тоже необходимо иметь связь. А ведь еще также важно, какова же судьбина твоя и Шляпникова, где и кем вы обретаетесь.

Теперь постараюсь вкратце изложить, что же мы здесь, в знаменитом Донбассе, делаем.

Хронология вещь хорошая, но она чертовски длинная и нашему брату—мастеровому писать не хватит терпения, поэтому вы уже извините, что я буду писать сжато.

Прежде всего сообщу, что как только я появился в Донбассе после съезда, то я уже почувствовал, что «в воздухе пахнет героизмом». Ибо райпартком Горловского завода взял на себя инициативу изгнать из управляющих нашего тов. Михайлова и председателя зав. комитета, как «бывших» (боятся тени!) членов «рабочей оппозиции» (как членов) и заменить их своими людьми. Понятно, дело пошло в губком и к нам в райком. Начался первый бой.

...Теперь пару слов о том, как я мыслю себе работу и как ее провожу.

1. Это во что бы то ни стало укрепить завкомы своими ребятами, а через них завоевать заводские ячейки и повести по этой линии работу, т.-е. через них до райпарткома и до конференции и т. д. Единственная линия тактически возможна снизу вверх. Пытался здесь взять верх, т.-е. завоевать губсоюз, совнархоз, совпроф (я пред), но на совнархозе сломался—не потому, что не мог, а потому, что нет, чорт побери, людей. Если бы это мне удалось выполнить, Донбасс наш. Но что значит наш? Каково же наше идеологическое миросозерцание? В чем же собственно заключается противоречие? А главное, какие пути из того тупика, в котором мы уперлись? Эти вопросы мучительно встают здесь на месте. Продовольствия нет. Жены рабочих приносят своих детей в заводские комитеты и говорят: кормите или куда хотите, туда и отправляйте; одежды никакой. Когда ты видишь, идет, течет огненная масса, а вблизи стоят измученные от недоедания,

исхудалые рабочие, а еще и босые, кровь смешалась с копотью и ржавчиной, то мучительно тяжело, да еще перспектива—июль и август покрыты продовольственным мраком, то совершенно теряешься.

Опасность отчаянная, все кажется игрой, все оппозиции по сравнению с той трагедией, какая тебе видна здесь, на месте, среди индустриального рабочего.

Есть угроза, в связи с отсутствием продовольствия, затопления шахт, а тогда—тогда выбираться из нашего экономического тупика будет еще труднее и тяжелее, ибо придется закрыть заводы, потому что угля не хватает для железных дорог, которые сейчас уже реквизируют тот фонд, который дан на товарообмен—1 800 000 пудов—и утвержден СТО.

В общем продовольственное положение в Донбассе самое отчаянное, а июнь и август угрожают еще более, возник целый ряд стачек, есть много заявлений бросающих работу просто от недоедания. Добыча угля упала на 60%, и возможна угроза, если не улучшится положение, затопления шахт. Все эти экономические материальные факторы, казалось бы, должны дать понять партийным спецам, что бывшие люди РО несли всю эту тяжесть на себе, но увы. Сегодня первое (письмо пишу с перерывом), и я получил от Юзовского подрайкома, что райпарткомы затравили и обвиняют в синдикализме, уклоне и грехах, совершонных до X съезда. Все эти вопиющие факты говорят одно, что нашими политическими Колупаевыми и Разуваемыми не могут быть усвоены те тяжелые условия, в которых наши товарищи работают.

Итак, просьба: что, вами выработано ли что-нибудь по вопросу, хотя бы самому сокращенному, о самообороне? А может быть, вы имеете и выполнено то поручение, которое вам поручено совещанием? А затем, как вы вообще живете, ушел ли Шляпников из ЦК? И как с поездкой за границу, и какие виды имеет Политбюро на предмет нашей перетряски?

Привет всем.

С почтением (подпись).

Относительно автора этого письма, Митина, комиссия XI съезда ВКП выяснила следующее: «Митин, указывающий свой партийный стаж с 1902 г., на самом деле до 1920 г., в течение 16 лет, состоял в рядах меньшевистской партии, был активным меньшевиком, выступая решительно против советской власти и коммунистической партии, и лишь в 1920 г. вступил в РКП». Это не помешало группе двадцати двух выставить «втершегося в наши ряды злостного дезорганизатора» как старейшего члена партии.

---

10. Фракционное руководство из центра [1])

Дорогие товарищи!

Поворот в экономической политике, а также, главнейшим образом, мероприятия ЦК РКП по проведению «партийной» линии на профессиональных съездах заставили многих товарищей из бывшей «рабочей оппозиции»—одних поставить перед собою вопрос—быть или не быть в партии, других—заняться самобичеванием; третьих—спокойно и хладнокровно оценивать эти акты ЦК партии.

В общем и целом можно констатировать, что последние события в партии всколыхнули и заставили подумать о своей дальнейшей судьбе фактически не существующую после съезда «рабочую оппозицию».

В настоящем письме я не буду касаться нового курса экономической политики и его оценки, считая это необходимым сделать в другой раз, а лишь остановиться на тех фактах, которые собственно послужили причиной волнения, если его можно так назвать, в рядах «рабочей оппозиции».

Не считаю нужным я также останавливаться на том, что было на съезде союзов, так как события на нем были нерешающие. ЦК РКП бесцеремонно, нагло, цинично выбросил «рабочую оппозицию» из ЦК металлистов. А его рьяные последователи заявили, что «рабочую оппозицию» нужно вышибать теперь не только из райкомов, но даже из расценочных комиссий. Этот факт является циничным, «до такой степени циничности может дойти не всякий политически опустившийся человек», потому что здесь явно фракционная политика прикрывается решениями X съезда и именуется как политика на единство партии. ЦК партии этим актом превращает партию в стадо баранов, которым можно неприкрытую фракционщину поднести зафаршированной в звонких фразах единства. Собственно ничего нового этот факт не вскрыл, он только ярко осветил ту фракционщину внутри партии, которую ЦК до этого умно проводил. Можно привести сотни фактов из разных мест России и из непосредственной деятельности ЦК, когда он до X съезда и особенно после него проводил вышибание «рабочей оппозиции» из всех мест, где они связаны с деятельностью рабочей массы. Он услужливо предоставлял вышибаемым товарищам места в бюрократических учреждениях. Акт с металлистами вышел ярким потому, что там имели дело не с отдельными лицами, а с огромным коллективом.

[1]) Письмо, полученное на Украине из Москвы от одного из членов «рабочей оппозиции».

Как же ответили на это наши товарищи? Ответ был толстовским, да и еще в шаржированном виде. ЦК начал циничной откровенной политикой вышибать из их базы, а публика ответила слезницами. А толстовское учение учит, что если тебя бьют по одной щеке и ты подставляешь другую, то слезницу нечего пускать. Наши товарищи не только щеки подставляли, но подставляли под наглый удар и самих себя целиком. Слезница показывает, насколько наши товарищи честны, искренни, беспредельно преданы партии, революции, союзным учреждениям, но она в то же время показывает непонимание товарищами основных моментов в политике. С одной честностью и искренностью всегда останешься в дураках перед понимающим смысл политики человеком.

Политика является концентрацией и хорошего и плохого, и циничного и честного; тот, кто овладел этой механикой, может делать политику. Против тебя идут наглости—отвечай тем же, а если самооборона требует и наступления с примесью плохих методов, чего мы по своей классовой натуре делать не можем, то и это делай.

В случае с металлистами наши товарищи выявили полное непонимание основных правил политики. Против чего мы, как коллектив, должны бороться? ЦК будет отовсюду вышибать «рабочую оппозицию» где она будет связана с массой, со своим классом. «Даже из расценкомов», как уже они заявили. Первыми попали—и в дальнейшем будут—металлисты, потому что среди них мы были наиболее прочны. ЦК вышибает потому, что в перспективе он считает, что рабочая оппозиция может быть ядром против намечающейся мелкобуржуазной политики партии, вытекающей из новой экономической политики. Борьба против фракционщины ЦК партии в политике, борьба против новой, откровенной, наглой и умной формы репрессии (снятие с массовой работы и переход на канцелярию), борьба за демократию внутри партии и союзов, которой, несмотря на решение X съезда, все еще нет, борьба против перетряхивания с песочком союзных органов—вот приблизительно то, за что мы в ближайший период должны бороться. Но это не главное. Наша группа, как группа—должна возродиться прежде всего для создания нового курса экономической политики и выявления отношения к нему рабочей части компартии. Новый курс правильный. Противодействовать ему в каких угодно формах—совершать дело черной реакции. Этот курс, несмотря на его неизбежность и необходимость содействовать ему, не означает, что политика рабочей части компартии должна быть такой, какою является нынешняя официальная линия, во многом изменяющая чистому большевизму и марксизму, превращая нас в оппортунистов последней

марки. Моя краткая оценка нового курса не должна вас заставить вывести заключение, что это—окончательный взгляд. Нет, во мне самом это отношение к новому курсу только еще формируется. Я думаю, что если группа в целом займется выяснением своей позиции по этому вопросу, то несомненно, мы выработаем общую линию. ЦК партии ведет поход на нас, исходя из предположения, что явным ядром, которое будет по-пролетарски понимать новую экономическую политику, являемся мы.

Никакими другими доводами не оправдаешь бессмысленной травли нас. Нашими задачами являются: выработка нашего миросозерцания и борьба с уклонами от пролетариата, которые совершает ЦК партии. На наглость отвечать наглостью, на наступление—организацией и переходом в наступление, только избегайте вводить в политику сентиментальные вещи, как было сделано нашими товарищами на съезде металлистов, этой сентиментальности, доказавшей свою беспредельную преданность революции и коммунизму, но одновременно вскрывшей полное непонимание политики.

С товарищеским приветом (подпись неразборчива).

---

11. Не впадать в панику, а лечить болезни

(Из письма Ленина Мясникову)

...Бедствий у нас много. Такие ошибки (наши общие ошибки, все ошиблись: и СТО, и ВСНХ, и ЦК), как с распределением топлива и продовольствия осенью и зимой 1920 г. (громадные ошибки), еще во много раз обострили болезни нашего положения.

Нужда и болезни велики. Голод 1921 года их усилил дьявольски. Вылазим с трудом чертовским, но вылазим, и начали вылезать.

Вылазим, ибо политика у нас в основе правильная, учитывающая все классовые силы в международном масштабе. Вылазим, ибо не прикрашиваем своего положения. Знаем все трудности. Видим все болезни, лечим их систематически, упорно, не впадая в панику.

Вы позволили и себя увлечь панике и по этой наклонной плоскости докатились до того, что выходит похожее нечто на основание вами новой партии или на ваше самоубийство.

Нельзя впадать в панику. Оторванность комячеек от партии есть зло, болезнь, бедствие, есть тяжелая болезнь—мы ее видим. Лечить ее надо не свободой для буржуазии, а мерами пролетарскими и партийными.

А что вы говорите о поднятии хозяйства, об автоплуге, о борьбе

за влияние на крестьянство и т. д.—содержит в себе много вредного, много полезного.

Отчего бы вам не выделить этого? Мы сойдемся, будем работать дружно в одной партии. Польза будет громадная, но не сразу, а очень медленно.

Оживлять советы, привлекать беспартийных, проверять беспартийными работу партийных—вот абсолютно верно. Вот где работы тьма, непочатый угол работы.

Почему бы вам этого не развить деловым образом в брошюре для съезда? Почему бы за это не взяться?

Почему бы испугаться черной работы (злоупотребления травить через ЦКК, через партпрессу, через «Правду»)? От неверия в черную работу, медленную, трудную, тяжелую, люди впадают в панику и ищут легкого выхода: свободы печати (для буржуазии).

Почему вам настаивать на своей ошибке, на непартийном, антипролетарском лозунге свободы печати? Почему вам не взяться за менее «блестящую» (буржуазным блеском блестящую) работу черную, деловой чистки злоупотреблений, деловой борьбы с ними, деловой помощи беспартийным?

Где вы указали ЦКК какое-то злоупотребление и какое-то средство его исправить, искоренить?

Ни разу. Ни единого раза.

Вы увидели кучу бедствий и болезней, впали в отчаяние и бросились в чужие объятия, в объятия буржуазии (свобода печати для буржуазии). А мой совет: в отчаяние и панику не впадать.

Г. Мясников выступил сначала в Петербургской, а затем в Пермской организации с тезисами о свободе печати и слова («от монархиста до анархиста»). Кроме того, он предлагал организовать фабрично-заводские советы на предприятиях и крестьянский союз в деревне. Весною 1921 г. Мясников выпустил антипартийную брошюру под названием «Больные вопросы». Дело Г. Мясникова началось после X съезда в мае 1921 г., когда Пермский губком ВКП запретил Мясникову выступать с докладами, признав его позицию антипартийной. В июле Оргбюро ЦК признало тезисы Мясникова антипартийными и выделило комиссию для разбора дела. В августе Ленин написал Мясникову письмо, выдержка из которого приведена выше. По докладу комиссии (в составе т. т. Сталина, Сольца и Михайлова) Оргбюро 22 августа признало тезисы Мясникова «несовместимыми с интересами партии» и запретило ему выступать устно и письменно в их защиту. Тем не менее, Мясников до и после решения Оргбюро вел раскольническую работу в Пермской организации, распространял свои статьи, использовал в демагогических целях письмо Ленина и пытался вызвать раскол и в столичных организациях партии. Ввиду этого комиссия ЦК РКП постановила 15 февраля 1922 г., считая, что Мясников «явно и неоднократно нарушал партдисциплину, порвал совершенно с партией связь и использует пребывание в партии лишь для облегчения себе борьбы с ней и ее решениями, пытаясь организовать, в прямое нару-

шение постановления съезда, особую в ней группировку»,—Мясникова из партии исключить. Политбюро ЦК 20 февраля одобрило это решение комиссии. Впоследствии Мясников стал идеологом и вождем подпольной антипартийной группировки «рабочая группа».

---

12. «Рабоче-крестьянская социалистическая партия» Панюшкина

(Из статьи тов. Сосновского в «Правде» 17 декабря 1921 г.)

После съезда вскоре появилась группа бывших сторонников «рабочей оппозиции» во главе с Панюшкиным, которая поставила себя вне рядов партии и попыталась вести самостоятельное политическое существование. Группа присвоила себе название «Рабоче-крестьянской социалистической партии».

Как только она попыталась составить первую свою декларацию (для внесения в Московский совет), так сразу и оказалось, что новая «партия» говорит буквально кронштадтским языком: «Власть советам, а не партиям», и т. п.

Бегло ознакомившись с содержанием декларации, я сказал тут же автору ее, Панюшкину:

— Знаете ли, после таких деклараций либо вы в нас начнете стрелять, либо мы в вас? В Кронштадте тоже началось декларациями, а кончилось морскими орудиями «Петропавловска».

Панюшкин, повидимому, не понимал той логической неизбежности такого столкновения и наивно думал, что речь идет о невинной словесной парламентски-советской оппозиции нам, коммунистам.

Между тем участники собраний новой партии сообщали, что туда тянутся «на огонек» явно подозрительные личности, что там раздаются почти черносотенные антисемитские речи с грязными клеветническими выпадами против вождей партии.

Время было тяжелое как в продовольственном, так и в политическом отношении. Заграничные белогвардейские газеты сообщали разные небылицы, вроде того, что в Москве восстание, что восставшие рабочие громят Кремль артиллерийским огнем с Воробьевых гор, что Совнарком заперся в Сухаревой башне под охраной китайской гвардии, и т. п.

Малейшее колебание в рабочей среде могло тяжело отразиться на судьбах революции. Еще партия не успела провести только что провозглашенную новую экономическую политику, разряжавшую социально-политический кризис в стране. В такой обстановке партия, разумеется, должна была пресечь деятельность новой полукронштадтской группировки, способной лишь дезорганизовать рабочие ряды.

---

13. Заявление двадцати двух

Членам международной конференции Коммунистического Интернационала.

Копия ЦК РКП.

Дорогие товарищи!

Из наших газет мы узнали о том, что ИК Коммунистического Интернационала обсуждает вопрос о «едином рабочем фронте», и считаем коммунистическим долгом поставить вас в известность о том, что дело с единым фронтом в нашей стране обстоит неблагополучно не только в широком значении этого слова, но даже в применении его к рядам нашей партии.

В то время, когда силы буржуазной стихии напирают на нас со всех сторон, когда они проникают даже внутрь нашей партии, социальный состав которой (40% рабочих и 60% непролетариев) благоприятствует этому, наши руководящие центры ведут непримиримую, разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры.

Стремление приблизить пролетарские массы к государству объявляется «анархосиндикализмом», а сторонники его подвергаются преследованиям и дискредитированию.

В области профессионального движения та же картина подавления рабочей самодеятельности, инициативы, борьба с инакомыслием всеми средствами. Объединенные силы партийной и профессиональной бюрократии, пользуясь своим положением и властью, игнорируют решения наших съездов о проведении в жизнь начал рабочей демократии. Наши фракции союзов, даже фракции целых съездов лишаются права выявить свою волю в деле избрания своих центров. Опека и давление бюрократии доходят до того, что членам партии предписывается под угрозой исключения и других репрессивных мер избирать не тех, кого хотят сами коммунисты, а тех, кого хотят игнорирующие верхушки. Такие методы работы приводят к карьеризму, интриганству и лакейству, а рабочие отвечают на это уходом из партии.

Разделяя идею единого рабочего фронта в толковании его п. 23-м тезисов, мы обращаемся к вам, имея искреннее желание покончить со всеми ненормальностями, стоящими на пути единства этого фронта, прежде всего внутри нашей РКП.

Положение дела в нашей партии настолько тяжело, что побуждает нас обратиться за помощью к вам и этим путем устранить нависшую угрозу раскола нашей партии.

С коммунистическим приветом члены РКП:

М. Лобанов	№ 136308	член партии с	1904 г.
Н. Кузнецов	„ 142506	„ „ „	1904 „
А. Полосатов	„ 878225	„ „ „	1912 „
А. Медведев	„ 645186	„ „ „	1912 „
Г. Мясников	„ 259002	„ „ „	1906 „
В. Плашков	„ 223167	„ „ „	1918 „
Г. Шоханов	„ 137425	„ „ „	1912 „
С. Медведев	„ 225136	„ „ „	1900 „
Г. Бруно	„ 213618	„ „ „	1906 „
А. Правдин	„ 478149	„ „ „	1899 „
И. Иванов	„ 160022	„ „ „	1899 „
Ф. Митин	„ 466543	„ „ „	1902 „
П. Борисов	„ 223045	„ „ „	1913 „
М. Копылов	„ 224098	„ „ „	1912 „
Жилин	„ 175089	„ „ „	1915 „
Челышев	„ 210009	„ „ „	1910 „
Толоконцев	„ 1212226	„ „ „	1914 „
А. Шляпников	„ 225383	„ „ „	1901 „
М. Борулин	„ 222955	„ „ „	1917 „
В. Бекренев	„ 644158	„ „ „	1917 „
А. Павлов	„ 136024	„ „ „	1917 „
А. Ташкин	„ 587158	„ „ „	1917 „

Присоединяюсь А. Коллонтай, № бил. 225025, член партии с 1898 г. К заявлению 22 подписавшихся товарищей присоединяюсь. Зоя Шадурская.

Заявление двадцати двух было передано тов. Коллонтай 26 февраля 1922 г. в президиум расширенного заседания ИККИ, при чем ни ЦК РКП, ни русская делегация об этом не были предварительно извещены. Выделенная ИККИ комиссия тов. Коларова имела два заседания. На одном из них присутствовали т.т. Шляпников, Коллонтай и Правдин; на другом—т.т. Троцкий, Зиновьев и Рудзутак от имени ЦК давали объяснения по поводу обвинений, выдвинутых оппозицией.

Представители двадцати двух выдвинули на этом заседании 15 пунктов обвинения, которые сводятся к следующему: 1) отсутствие свободы критики в партии, самовластие ЦК; 2) назначенство в партии, нередко вопреки желанию мест; 3) «партийные инстанции игнорируют рабочих; рабочим не дают возможности серьезно участвовать в работе как партийных организаций, так и профсоюзов и советов; отсюда невероятный рост бюрократизма; состав партии в большинстве мелкобуржуазный... опасность социального перерождения партии громадная»; 4) ЦК партии проводит свою политику в профдвижении «против мнения и воли коммунистов-рабочих и профсоюзов»; 5) выборы в Моссовет «прошли при фактическом бойкоте со стороны рабочих»; 6) из 35 секретарей губкомов партии только 3 рабочих; 7) рабочие бегут из

партии; 8) ЦК не проводит резолюций съездов; 9) Совнарком зря выбрасывает золото за границу, заказывая там локомотивы, которые можно произвести в РСФСР. Остальные шесть пунктов указывали на якобы бывшую попытку ЦК провоцировать при помощи ВЧК «рабочую оппозицию», на якобы произведенный у Шляпникова обыск и перлюстрацию писем, на «неправильно проведенную» чистку партии и на будто бы предстоящие репрессии против двадцати двух. Итог был сформулирован так: РКП идет навстречу полной изоляции от рабочих. Рабочие покидают партию. Партия становится мелкобуржуазной.

На заседании комиссии Марсель Кашэн записал, кроме того, следующее: «Шляпников заявил нам: вам, т.-е. иностранцам, показывают казенные зрелища, но это только видимость. На самом деле происходит могучее стачечное движение. Рабочий класс рвет с нынешним правительством. Волна возмущения, как видите, очень серьезна». Коллонтай, согласно записи Кашэна, заявила: «Когда рабочие бастуют, красноармейцы выполняют роль штрейкбрехеров».

После обсуждения этих заявлений и утверждения резолюции в комиссии вопрос был перенесен 4 марта на расширенное заседание ИККИ. От комиссии докладывал тов. Крейбих; в защиту двадцати двух выступали т.т. Шляпников и Коллонтай; от имени ЦК выступил Радек. Единогласно при четырех воздержавшихся (два чеха и два швейцарца) была принята напечатанная ниже резолюция.

---

14. Коминтерн о заявлении двадцати двух

(Резолюция расширенного пленума Исполкома Коминтерна.)

Заслушав по поводу жалобы 22 русских товарищей на РКП единогласно принятое заключение назначенной специально для этого комиссии в составе т.т. Клары Цеткин, Кашэна, Фрисса, Коларова, Крейбиха, Террачини и Мак-Мануса, расширенный пленум ИККИ заявляет следующее:

Для нас, коммунистов, не было ни новостью, ни неожиданностью, что тяжелое положение Советской России создало также трудное положение и для РКП. В такой обстановке требуется особенная сплоченность и дисциплина, требуется особое напряжение всех сил партии для того чтобы обеспечить организованное партией пролетарское господство как внутри, так и вовне. Новая экономическая политика, связанная с неизбежными уступками капитализму, мелкому и среднему крестьянству, таит в себе опасность усиления мелкобуржуазного влияния как в государственных органах, так и в партии.

Объяснения, данные комиссии представителями руководимой Шляпниковым и Коллонтай части так называемой «рабочей оппозиции» и представителями ЦК РКП, показали, что руководящий центр РКП с самого начала отдавал себе ясный отчет в этих опасностях, так же, как в опасности бюрократизма, что он со всей решительностью выступал против них и продолжает вести эту борьбу в неслыханно тяжелых объективных условиях.

Критика подписавших это заявление ломится в открытую дверь и лишена необходимой ясности не только в той части, которая касается вскрытия причин существующих непорядков, но также и в той ее части, которая касается изыскания средств и путей для их устранения.

Позиция, занятая товарищами, принесшими жалобу, отнюдь не помогла партии в борьбе против объективно создавшихся ненормальностей и отнюдь не усиливает ее, но, наоборот, она отняла у партии ценную силу и одновременно доставила врагам коммунизма «слева»— меньшевикам и даже белым контр-революционерам худшего типа— оружие против партии и против пролетарской диктатуры.

Поэтому расширенный пленум Исполкома Коминтерна не может признать жалобы 22 товарищей правильными. Он подчеркивает, что эти товарищи своим поведением резко противоречат обязательным постановлениям X съезда РКП об единстве партии и анархосиндикалистском уклоне. Исполком серьезно предостерегает этих товарищей и ставит им на вид, что продолжение начатой борьбы должно будет привести к противоречию с РКП, ее задачами, интересами российского пролетариата и, таким образом, поставить их вне рядов III Интернационала. Он рассчитывает, что сознание и коммунистическая выучка заставят товарищей из оппозиции в будущем дисциплинированно, плечо о плечо в рядах партии занять свое место и повести общую борьбу против опасностей, созданных обстановкой, которые они воспринимают вместе с партией и должны преодолеть вместе с ней. Всякий ущерб РКП конференция считает вредом для Советской России и для всего Коммунистического Интернационала.

Конференция надеется, что именно это серьезное положение заставит российский пролетариат тесней и крепче сплотиться вокруг РКП для защиты Советской России и мировой революции.

---

15. Комфракция съезда металлистов о заявлении двадцати двух

(Резолюция коммун. фракции V всероссийского съезда союза металлистов.)

Заслушав единогласное постановление комиссии и пленума Коминтерна, а также объяснения т.т. Зиновьева. Шляпникова и К. Цеткин по заявлению 22 коммунистов, фракция V всероссийского съезда союза металлистов всецело приветствует это решение высшего органа международного коммунизма и считает долгом всякого коммуниста беспрекословно подчиниться этому решению.

Одновременно с этим фракция предостерегает товарищей от по-

вторения подобных явлений, грозящих расколом дисциплинированнейшей в мире компартии—русской.

Во имя этого могучего единства фракция съезда призывает подписавшихся товарищей к большей дисциплине, выдержке и порядку, особенно в настоящий тяжелый момент, когда малейшая неустойчивость внутри Российской коммунистической партии, правящей первой в мире трудовой республикой, усиливает наглость и уверенность мировой буржуазии против пролетарского государства и против международного рабочего класса.

(Принята единогласно при 5 воздержавшихся.)

XI СЪЕЗД ВКП(б)

(Март—апрель 1922 года).

16. Партия едина

(Из доклада тов. Молотова на XI съезде РКП)

Теперь, после года партийной работы, можно говорить совершенно твердо, что основные группировки и те течения, которые были внутри нашей партии, изжиты; теперь и в политическом и в организационном отношениях, как боевая коммунистическая организация, наша партия является более крепкой, более спаянной организацией. Теперь нет тех многочисленных течений, полуоформившихся фракций. За последнее время как будто симптомы такой фракционной жизни были выявлены в заявлении «группы 22-х», но и это выступление, во-первых, объединило очень небольшую группу, а во-вторых, оно показало, что внутри прежней основной фракции нет не только ни складу, ни ладу, но нет и твердой уверенности в действиях и в том, чего они хотят.

---

17. «Рабочая оппозиция» о своей фракционной работе

(Из речей на XI съезде РКП)

Шляпников. X съезд похоронил рабочую оппозицию. Но со времени ее смерти не проходит ни одного собрания, ни одного съезда, чтобы это имя не упоминалось. И это делается несмотря на то, что, как мы слышали вчера авторитетное заявление секретаря нашей партии, у нас сейчас ни группировок, ни фракций нет. Но очевидно, кому-то нужно создавать эту «рабочую оппозицию». Правда, Владимир Ильич сказал вчера, что теперь нужно изменить это название. Мы не можем против этого протестовать. Вы назвали, вы и можете переименовать.

Вчера тут же В. И. сказал, что мы распространяем панику и что с паникерами нужно бороться пулеметным огнем. Я уже второй раз слышу это и чувствую направленный против меня пулеметный

огонь. Уже два раза. Сейчас оба пулеметчика сидят рядом, вот они эти два пулеметчика. (Смех.) Тов. Фрунзе еще в августе, когда меня судили,—а с того времени, когда X съезд отдал меня заложником рабочей оппозиции в ЦК, я там часто был судим,—обещал пулеметами убедить меня в своей правоте. Но будем относиться серьезнее к своим словам. Эти картинки с пулеметами будят у нас некоторые воспоминания из истории других революций. Правда, пулеметов тогда еще не было, но схваточки (не коммунистов—их тогда тоже не было, а схваточки авангарда революции) были. И всем известно, к чему тогда это приводило. Я думаю, что лучше, если мы пулеметами друг с другом говорить не будем. Паника сейчас есть, но кем она создается?

...В армии всякий отряд приходит в панику, когда он теряет связь, когда он не знает, что̀ происходит кругом. В партии то же самое. Когда партийные отряды теряют связь, когда они не знают, в чем дело, когда они не знают, куда идут, тогда получается паника. И у нас паника сейчас в партии есть, потому что партия в целом как живой организм в политической жизни не участвует.

...Никакой фракционности, никакой специальной подготовки к этому так называемому «выступлению» не было. Дело обстояло следующим образом. Коминтерн обсуждал вопрос единого рабочего фронта. У нас в партии этот вопрос сравнительно мало обсуждался; мы, группа товарищей, частным порядком, при этом без всяких задних мыслей и всякого стремления создать на этой почве какие бы то ни было платформы, обсудили вопрос. Мы особенно отнеслись к тому, как обстоит это дело единого фронта в нашей партии, есть ли этот единый фронт... Не надо закрывать глаза на то, что̀ мы имеем в действительности с того времени как мы объявили единство в нашей партии. Со времени X съезда единства стало не больше, и, несмотря на то, что у нас в прошлом году в этом зале происходила большая идейная потасовка, все же тогда, пожалуй, мы были больше едины, чем теперь. Я знаю, что в целом ряде губерний, в которых приходилось бывать, а также по сообщениям товарищей, приезжающих сюда, замечается нежелательное обособление, даже дифференциация, может быть часто не имеющая под собой никакой идейной почвы, но во всяком случае нарушающая единство воли, мыслей и действий, столь нужное нам теперь. Если же взять рабочий класс в том чудовищно тяжелом положении, в котором он находится, и нашу партию, и те мысли, которые мы часто слышим о том, что наш пролетариат деклассируется, без всякого объяснения причин, еще хуже без указания мер борьбы против этой деклассировки,—вы видите, что есть некоторая трещина и в идейном отношении между пролетариатом и головным отрядом

его—нашей партией... И перед нами стоял единственный выход—перед нами, передо мной и перед другими: как все-таки быть? Готовится партийный съезд. Выступить перед массой членов, даже здесь, в Москве, это будет означать создание платформы, группировки—явно с точки зрения резолюции о единстве акт криминальный. И мы решили итти по партийной линии. Куда? В Центральный Комитет—нас там не жалуют. Мы решили итти в Коминтерн... Обращение явилось буквально результатом нескольких часов собеседования и было написано на кончике стола моей собственной рукой и под диктовку товарищей. Вот как это было. Совершенно вне всякой связи с какой бы то ни было предварительной подготовкой, организацией и т. д.

Медведев. Я должен сказать прямо, что прежде, чем собраться и написать наше обращение, мы выслушали сначала при личном свидании почти с каждым из наших 22 товарищей то, что их волнует. Каждый из них приходил ко мне или к тов. Шляпникову и рассказывал о том положении, которое они наблюдают на местах во всех областях государственного строительства, и главным образом в партийной области, и которое их глубоко тревожит и вызывает у них величайшие опасения за судьбы пролетариата и революции. На почве этих бесед мы условились собраться вместе, чтобы не вести их сначала с одним, потом с другим и т. д. Мы сказали: мы все друг друга знаем, давайте побеседуем сообща; по крайней мере, может быть, ясны будут наши ошибки; может быть, те отталкивающие явления, которых был свидетелем какой-нибудь товарищ, наблюдаются только в одном пункте нашей республики и их нет во всей нашей партии. И когда мы собрались, чтобы проверить взаимно свои оценки положения дел в нашем хозяйстве и положения дел в нашей партии, мы ясно увидели и услышали от товарищей из Донбасса, с Юга, с Урала... (Голос с места: «У вас Мясников был».)

Коллонтай. Как было передано в Коминтерн наше заявление? Так как передавала его я, то и могу рассказать, как было дело. Оно было передано исключительно членам президиума конференции Коминтерна, при чем копий не хватило даже на всех членов президиума. Очевидно, если бы подача заявления была заранее задумана, была бы заранее заготовлена, то заготовлено было бы и достаточное число копий, по крайней мере—чтобы хватило для всех членов президиума. Между тем их не хватило даже на президиум, не то что членам конференции. Заявление наше было переведено только на один язык—французский, на остальные языки даже не было перевода еще. Значит, подготовительной работы никакой тут не велось. Итак, с формальной стороны определенно надо сказать: нарушения партийной дисци-

плины не было. Никто из товарищей не говорит, будто формально наш шаг преступен.

Чем вызвано наше обращение? Мы смотрели, что Коминтерн, это—наша высшая инстанция. Коминтерн—то учреждение, к которому мы питаем глубокое доверие и к которому мы обратились именно потому, что мы видели, что в нашей партии творится что-то неладное. Я бы сказала, что в нашей партии сейчас происходит болезненный, тяжелый процесс. От нас уходят красные кровяные шарики. Что же останется тогда от нашей партии, если от нее уйдут ее красные кровяные шарики—рабочий класс? Естественно, что она тогда станет лимфатической, вялой, мало активной, бестворческой. Страх перед этой картиной, перед этим процессом заставил нас обратиться в Коминтерн с заявлением: товарищи, обратите внимание наших верхушек, которые не слушаются слов предостережения, обратите их внимание на данный процесс. Может быть, ваш голос заставит наши верхи серьезнее вдуматься в то, что происходит, обратить внимание на массовый уход из партии рабочих, на то, что активность понизилась в нашей партии; обратить внимание на отрыв партии от масс, на то, что рабочий класс не чувствует себя сейчас «дома» в нашей партии: если бы он чувствовал, что партия, это—именно то место, где они найдут полный ответ на свои запросы и возможность самим бороться с темными явлениями, окружающими нас, рабочие бы стремились в партию, а между тем массы не только остаются в стороне, а рабочие из партии уходят.

---

18. «Рабочая оппозиция» о политике ЦК

(Проект резолюции по докладу ЦК, внесенный тов. Медведевым и отвергнутый XI съездом РКП)

Заслушав отчеты ЦК, Ревизионной комиссии и прения по этим отчетам, XI съезд РКП(б) считает:

«1) Что в политике ЦК за протекший период не было уделено достаточно действительных забот, энергических мер, коммунистических сил и материальных средств для поднятия крупной государственной промышленности, без действительного поднятия и упрочения которой—не в резолюциях, а на деле—совершенно невозможно в условиях новой экономической политики упрочение пролетарской диктатуры и преодоление наступления мелкобуржуазных сил и капитала нашей страны, а также международного капитала против политического господства пролетариата в нашей первой Республике Советов.

2) Что это обстоятельство вместе с тем явилось и прямой причиной недостаточного внимания на деле в повседневной работе ЦК к нуждам

и положению промышленного пролетариата, и эти нужды не были удовлетворены в той мере, в какой они могли бы быть удовлетворены при более внимательном отношении к ним.

Такое отношение к этим нуждам в условиях новой экономической политики и на-ряду с систематической пропагандой на страницах центральных партийных органов печати и в выступлениях виднейших партийных руководителей и работников, переоценки творческих сил пролетариата не могло не подрывать влияния сознательной части пролетариата на широкие рабочие массы.

3) Что ЦК в своих взаимоотношениях с выборными центральными органами профдвижения неоднократно нарушал постановления X съезда, точно и правильно установившего эти взаимоотношения, проводя на деле фракционные деления членов партии профработников.

4) Что важнейшие партийные постановления по различным областям как государственного строительства, так и партстроительства подготовлялись и вырабатывались в узком кругу лишь виднейших руководителей партии,—что неизбежно порождало для всей партии неожиданность этих важнейших решений Центрального Комитета и невозможность быстрого усвоения их всеми членами партии и такого же быстрого проведения их в жизнь.

5) Что ЦК—в силу указанного характера его постановлений—не имел систематической живой и органической связи со всеми парторганизациями мест и не смог попытками своего руководства добиться быстрого и дружного проведения своих же решений.

6) Что поэтому XI съезд партии считает необходимым предложить новому ЦК решительно преодолеть все эти явления и таким путем обеспечить безраздельное и глубокое влияние пролетарского авангарда—РКП(б)—на широкие рабочие массы и окончательно изжить внутреннюю разобщенность Центрального Комитета со всеми местными парторганами и с партией в целом».

---

19. Надо уничтожить обломок «рабочей оппозиции»

(Из речи Ленина на XI съезде РКП)

Я заканчиваю несколькими словами о Шляпникове. Я хотел говорить о нем больше. Троцкий, который по поручению ЦК вместе с Зиновьевым в Коминтерне давал ответ на заседании о двадцати двух, исчерпал эту тему на $^{99}/_{100}$.

Тов. Шляпников, во-первых, прикинулся не понимающим того, по поводу чего я говорил о пулеметах и паникерах; шутил, что меня, мол, так много раз судили. Товарищи, шутка, конечно, хорошая вещь!

Без шуток, конечно, нельзя говорить на большом собрании, потому что люди устали; надо по-человечески понимать. Но есть вещи, которыми шутить непозволительно; есть такие вещи, как единство партии.

Когда мы врагами окружены со всех сторон, когда международная буржуазия достаточно умна, чтобы Милюкова пересадить палево, а эсеров снабдить деньгами на издание каких угодно газет, двинуть Вандервельде, Отто Бауэра, поднять кампанию по поводу суда над эсерами, кричать, что большевики—звери; когда эти люди сотни лет учились политике, имеют миллиарды в своем распоряжении золотых рублей, франков и т. д., когда все это мы имеем против себя,—при таких условиях шутить, как тов. Шляпников шутит, что «меня в ЦК судили» и т. д.,—это, товарищи, печально. Партийному съезду надо сделать определенные выводы. Мы зря в ЦК судов не устраиваем! Суд над Шляпниковым был, и не хватило в ЦК голосов, чтобы исключить его из партии. Членам партии, собравшимся на партийный съезд, надо поинтересоваться этим, взять протокол этого собрания ЦК. Этим не шутят!

Обратиться к Коминтерну вы имеете законное право. Но задолго до этого обращения громадное большинство ЦК было за исключение тов. Шляпникова,—не хватило законных двух третей голосов. Шутить с этим нельзя! Не мешает вам познакомиться с тем, что тов. Шляпников на собрании фракции членов съезда вел прямую агитацию за раскол.

О роли брошюры тов. Коллонтай тов. Троцкий сказал:

Если мы этакими вещами будем шутить, тогда речи не может быть о том, чтобы мы устояли в трудном положении, в котором мы находимся. Для того чтобы мы устояли, я выставлял три условия: первое—если не будет интервенции; второе—если финансовый кризис не будет слишком тяжел; третье—чтобы мы не делали политических ошибок.

Кто-то тут из ораторов сказал, что будто бы я говорил о политических осложнениях. Нет, я говорил о политических ошибках. Если мы не сделаем политической ошибки, тогда я могу сказать, что $^{99}/_{100}$ партии будут с нами так же, как и беспартийные рабочие и крестьяне, которые поймут, что теперь время учобы.

Я вспоминаю, что в своей статье по поводу годовщины Красной армии тов. Троцкий сказал: «год учобы». И для партии, и для рабочего класса этот лозунг так же верен. Мы за это время накопили много геройских людей, которые закрепили безусловно перелом всемирной истории. Это не оправдание, чтобы мы не поняли задачи, которая теперь стоит перед нами: «год учобы».

Теперь мы стоим гораздо крепче, чем стояли год назад. Конечно, и теперь буржуазия попробует сделать новую интервенцию, но это им дастся труднее, чем раньше; сегодня это труднее, чем вчера.

Чтобы осуществить учобу, мы должны не допускать политической ошибки. Мы не должны тратить время на игру в единство партии, как это делает тов. Шляпников. Так играть нельзя! Мы знаем, что от борьбы в партии мы немало теряем. Товарищи, этого урока забывать нельзя! И за этот год ЦК с полным правом может сказать, что партия пришла на съезд менее фракционной и более единой, чем в прошлом году. Я не хочу хвастаться, чтобы все фракционное в нашей партии исчезло. Но что этой фракционности стало меньше—это самый бесспорный факт, уже доказанный.

Вы знаете, что рабочая оппозиция—она уже есть обломок прежней. Сравните подписи заявления двадцати двух с подписями платформы, которая была перед X съездом. Здесь—не все подписи. Надо сказать тем людям, которые законно используют свое право обращения в Коминтерн, что было незаконно ходатайствовать за Мясникова. История с Мясниковым была летом прошлого года. Тогда меня в Москве не было, и я ему написал длинное письмо, которое он поместил в своей брошюрке. Я видел, что способности у человека есть, что с ним стоит переговорить, но надо сказать человеку, что если он с такой критикой выступит, то это будет недопустимо.

Он пишет письмо: соберите по данному району всех недовольных. Да, собрать в данном районе всех недовольных очень нетрудно. Вот—речи, какие здесь держал Шляпников и не здесь держит тов. Медведев.

М е д в е д е в (с места). Кто вас информирует?

Л е н и н. Меня информируют учреждения, установленные съездом РКП: Оргбюро ЦК, секретариат ЦК, ЦКК. Обратитесь к ним, если желаете, и вы увидите, какие речи держит тов. Медведев. Если этого не прекратить, то мы единства не сохраним, а это едва ли не главное завоевание: беспощадно ошибки наши вскрывать и говорить о них. Если мы это ясно сознаем, а на этом съезде это достигается, тогда нет ни тени сомнения, что мы их преодолеть сумеем.

---

20. XI съезд РКП об остатках «рабочей оппозиции»

(Резолюция о некоторых членах бывшей «рабочей оппозиции»)

1. X съезд РКП поручил ЦК «провести полное уничтожение фракционности». Съезд предписал «немедленно распустить все без изъятия образовавшиеся на той или иной платформе группы» и поручил всем

организациям «строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений». Съезд постановил, что «неисполнение этого постановления должно вести за собою безусловное и немедленное исключение из партии». X съезд избрал в состав ЦК двух членов бывшей группы так называемой «рабочей оппозиции», выдвинул на ответственные советские посты товарищей, принадлежавших ранее к этой группе, и партия в целом приняла все меры к тому, чтобы не допустить каких-либо преследований за прежнюю фракционность. Особыми циркулярами ЦК подтвердил всем организациям во время проверки и чистки партии, чтобы были даны специальные указания в духе самого осторожного и внимательного отношения к бывшим членам «рабочей оппозиции»; многие из них поставлены во главе проверочных комиссий как губернских и областных, так и центральной, а также и контрольных комиссий, и, таким образом, им было оказано величайшее доверие партии.

2. Несмотря на все это, бывшие члены «рабочей оппозиции» неоднократно нарушали постановление X съезда, сохраняли и поддерживали нелегальную фракционную организацию внутри самой партии. Благодаря этому, их фракционные выступления как в центре, так и на местах вносили, несомненно, разложение в ряды партии. Делались неоднократно попытки подобрать, не на основе деловитости, а на основе фракционности, состав руководящих органов профессиональных объединений, как, например, ЦК союза металлистов. Велась не только открытая, но, как установлено комиссией, подпольная борьба за захват фракционно настроенными товарищами руководящих органов партии, профсоюзов и советов на местах. Выступления членов бывшей «рабочей оппозиции» на собраниях часто носили характер противопоставления себя всей остальной партии: «мы» и «они». Именно такого рода выступления против партийных постановлений заставили ЦК РКП поставить 9 августа 1921 г. вопрос об исключении из партии члена ЦК тов. Шляпникова, и за такую меру уже тогда высказалось больше половины требуемых для применения этой меры членов и кандидатов ЦК.

Исключение не состоялось лишь потому, что не хватало одного голоса до требуемых для применения этой крайней меры $^2/_3$ голосов членов и кандидатов ЦК.

Единогласное (при 3 воздержавшихся) решение, вынесенное 9 августа 1921 года, гласило:

«Ввиду неоднократных нарушений партийной дисциплины тов. Шляпниковым как членом ЦК, собрание констатирует, что дальнейшие выступление тов. Шляпникова за пределами ЦК с речами, заявлениями, критикой, направленными против политики ЦК и противодействующими

решениям, действительно выражающим мнение партийного съезда, являются совершенно недопустимыми и ставят ребром вопрос о возможности работы тов. Шляпникова в ЦК. Ввиду этого собрание категорически призывает тов. Шляпникова радикально изменить в этом отношении все свое политическое поведение, согласовав его с линией ЦК, в рядах которого он состоит. В случае, если тов. Шляпников в дальнейшем не изменит своего поведения, ЦК поручается созвать такое же (пленум членов и кандидатов ЦК и ЦКК) собрание для вторичного рассмотрения вопроса».

Это поведение членов бывшей «рабочей оппозиции» повело к тому, что группы, стремившиеся создать IV Интернационал, обращались к членам бывшей «рабочей оппозиции» как родственной по духу группе за поддержкой и призывали к объединению с ними, перепечатывали и широко распространяли такие произведения, как брошюра тов. Коллонтай о «рабочей оппозиции», при чем товарищи из бывшей «рабочей оппозиции» не дали им решительного отпора, публично и официально не отмежевались от этих вредных для рабочего движения групп, ограничиваясь лишь слабыми на этот счет заявлениями.

Публичное выступление тов. Коллонтай на конгрессе Коминтерна в антипартийном духе было единодушно отрицательно оценено конгрессом и использовалось широко всей враждебной нам печатью.

Специально выбранная XI съездом комиссия в составе 19 делегатов, представляющих местные организации, установила, что происходили в разное время фракционные совещания, на которых выносились конспиративного характера постановления, исполнение которых возлагалось на лидеров этой группы т.т. Медведева и Шляпникова. Член ЦК тов. Шляпников и тов. Медведев, получая письма от своих единомышленников (Савичева, Митина) самого антипартийного характера, не ставили перед ЦК на обсуждение вопросы, затрогиваемые в этих письмах, несмотря на то что письма отнюдь не имели личного характера, а целиком относились к партийным настроениям и к деятельности бывших членов «рабочей оппозиции».

3. Наконец, относительно последнего совещания членов бывшей группы «рабочей оппозиции», в результате которого явилось обращение в Коминтерн, комиссией установлено, что т.т. Медведевым и Шляпниковым созваны были специальные совещания из сторонников бывшей группы «рабочей оппозиции», что на это совещание привлечен был уже осужденный и исключенный из партии Г. Мясников, и на этом совещании на основании совершенно голословных, непроверенных фактов и сообщений составлен был обвинительный акт против партии, при чем, по признанию некоторых подписавших это заявление, они хорошо даже

не знали содержания документа, а лишь подписывались из групповой солидарности.

4. Съезд считает, в полном согласии с ЦК РКП прежнего состава, что подписавшие заявление товарищи отнюдь не нарушили партийной дисциплины самым фактом подачи этого заявления в высший орган нашей классовой коммунистической организации—Коминтерн, и не за это осуждает товарищей. Но съезд считает антипартийным сохранение в течение года, вопреки решительному, безоговорочному постановлению X съезда, фракционной группировки, фракционных совещаний, продолжения фракционной борьбы. Съезд считает совершенно недопустимым сообщение Коминтерну сведений, ложность которых установлена специальной комиссией, выделенной Коминтерном. Съезд самым решительным образом клеймит поведение отдельных членов этой группы, сообщивших в своих объяснениях комиссии Коминтерна ложные сведения о партии, извращающие действительную картину взаимоотношений между РКП и всем рабочим классом в целом.

5. Комиссия считает также установленными не только вышеизложенные факты, но также и то, что группа бывшей «рабочей оппозиции», разлагая организацию своим поведением внутри, в то же время стремилась к организованному закреплению своего влияния и считала возможным, при известных условиях, расколоть нашу партию, находя лишь недостаточно созревшим момент для этого раскола. Именно тов. Коллонтай, проводившая в своей брошюре до X съезда РКП мысль о том, что раскол неизбежен и что необходимо для него лишь выбрать наиболее удачный момент, не отказалась после X съезда от этой линии поведения и в своих объяснениях перед комиссией XI съезда РКП подтвердила, что считает неизбежным раскол, если партия не изменит своей линии, т.-е. если партия не станет на путь ошибочных и вредных для рабочего класса взглядов т.т. Коллонтай, Медведева и Шляпникова.

Что касается фракционных совещаний, подобных последнему, то тов. Коллонтай выразила в комиссии сожаление, что таких совещаний было мало. Съезд считает совершенно недопустимым положение, занятое этой группой по отношению к партии, особенно в переживаемый рабочим классом труднейший момент экономической перестройки, некоторого усиления капиталистических элементов, небывалого голода в стране, угрозы внешней интервенции, усиления мелкобуржуазных настроений, когда первым условием победы рабочего класса является единство партии и самая строжайшая дисциплина в ее рядах.

На основании всего этого, XI съезд, заслушав постановление расширенного пленума ИККИ по вопросу о двадцати двух, доклад комиссии

девятнадцати, выделенной съездом для расследования деятельности некоторых членов бывшей «рабочей оппозиции», и объяснение т.т. Шляпникова, Медведева и Коллонтай, постановил:

1) Присоединиться к постановлению ИККИ в отношении т.т. Шляпникова, Медведева и Коллонтай и поручить ЦК, в случае проявления со стороны этих товарищей в дальнейшем подобного антипартийного отношения, исключить упомянутых товарищей из партии.

2) Тов. Митина, бывшего 16 лет активным членом меньшевистской партии, вступившего в РКП в 1920 году, организатора фракционной группировки, неуклонно ведшего в организации РКП в Донбассе линию разложения партийной организации, из партии исключить как злостного дезорганизатора.

3) Тов. Кузнецова, обманувшего доверие партии ложными сведениями о своем прошлом, о партийном и рабочем стаже, скрывшего, что он бывший бакалейный торговец, временно перешедший в ряды рабочих в порядке уклонения от военной службы, из партии исключить как чуждый пролетариату элемент.

Б. СУЩНОСТЬ РАЗНОГЛАСИЙ МЕЖДУ ПАРТИЕЙ И „РАБОЧЕЙ ОППОЗИЦИЕЙ“.

«Кому осуществлять творчество диктатуры пролетариата в области хозяйственного строительства?.. Производственным союзам или же советским аппаратам, оторванным от непосредственной живой хозяйственно-производственной деятельности, к тому же смешанным по своему социальному составу? В этом корень расхождения». (Коллонтай [1].). Таким образом, существенной чертой своей идеологии сама «рабочая оппозиция» признала противопоставление профсоюзов органам пролетарского государства; не менее характерным для «рабочей оппозиции» являлось противопоставление профсоюзов партии. Спор шел, очевидно, не только по вопросу о задачах профсоюзов. Этот вопрос есть только составная часть более широкого вопроса—вопроса о системе диктатуры пролетариата, о месте профсоюзов, партии, госаппарата в этой системе.

Для тов. Ленина высшая форма классового объединения пролетариата есть партия; партия есть основная направляющая и руководящая сила в системе диктатуры пролетариата. «Рабочая оппозиция» всеми мерами развенчивает партию, урезывает ее роль, отодвигает ее на третьестепенное место. Партия «распылена», она «разлагается», она заедена «рутиной и бюрократизмом», ее классовый состав разнороден, она подвержена «мелкобуржуазным колебаниям», она не может «представлять классовую сущность пролетариата». Анархо-синдикалист договорил бы до конца: поэтому партия не нужна, излишня, вредна. Но «рабочая оппозиция» так далеко не заходит. За партией она оставляет призрачное «общее» «идейное»—руководство,—в то же время требуя фактической независимости профсоюзов от партийного руковод-

[1] «Рабочая оппозиция», стр. 9.

ства и протестуя против «излишнего вмешательства» партии в советские дела.

Вместо партии «рабочая оппозиция» на первый план выдвигает профсоюзы. Для Ленина профсоюзы—важнейший приводной ремень, связывающий партию с рабочими массами, школа коммунизма, почти поголовно объединяющая рабочий класс. Для «рабочей оппозиции» профсоюзы являются главным и по сути дела единственным инструментом пролетариата, единственным сосудом его классового сознания, организацией, самостоятельно направляющей строительство коммунизма и представляющей рабочий класс пред лицом сомнительных по своему социальному составу партии и советов. Таким образом в той «системе» диктатуры пролетариата, на которой настаивает «рабочая оппозиция», профсоюзы заменяют и партию, и советы: партию, как направляющую силу этой системы, и советы, как ее фундамент.

Советы, по мнению «рабочей оппозиции», сыграли свою былую революционную роль; они превратились в «межклассовый» (!) бюрократический аппарат. Бюрократизм рассматривается оппозицией не как болезнь советского аппарата, с которой можно бороться и которую можно вылечить: нет, это неискоренимое свойство советской системы. «Вы утверждаете, что мы мало боремся с бюрократизмом?—убеждал Ленин «рабочую оппозицию»,—идите помогать нам, идите ближе, помогайте бороться». Но Шляпников считал это предложение неосуществимым. «Мы заявляем, что это ни к чему положительному не приведет. С бюрократизмом следует бороться не перемещением людей с одного стула на другой, а противопоставлением этой бюрократической системе особой системы» [1]). «Рабочая оппозиция» требует того, чтоб эта «система бюрократически-государственных органов» [2]) уступила место выборным органам «производителей». Если «рабочая оппозиция» не покушается прямо на существование советов, то это происходит потому, что она и здесь не договаривает до конца.

---

[1]) «Стенограф. отчет X съезда РКП», стр. 212. В другом месте А. Коллонтай негодует по поводу того, что этот вопрос хотят подменить вопросом об усовершенствовании пролетарской госмашины. («Рабочая оппозиция», стр. 37.)

[2]) Это типично-анархистское выражение принадлежит тов. Коллонтай (цит. соч., стр. 37.)

Несмотря на все эти недомолвки и умолчания, более или менее законченная точка зрения, противопоставленная ленинской, здесь налицо. Но эта точка зрения—не большевистская, а синдикалистская.

«Коммунизм говорит: авангард пролетариата, коммунистическая партия руководит беспартийной массой рабочих, просвещая, подготовляя, обучая, воспитывая эту массу («школа» коммунизма) сначала рабочих, а затем и крестьян, для того чтобы она могла притти и пришла к сосредоточению в своих руках управления всех народных хозяйств. Синдикализм передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам, управление отраслями промышленности («главки и центры»), уничтожая тем самым необходимость в партии, не ведя длительной работы ни по воспитанию масс, ни по сосредоточению на деле управления в их руках всем народным хозяйством» [1]).

Еще больше недомолвок и противоречий в тех заявлениях «рабочей оппозиции», где она пытается сформулировать свои взгляды по вопросу о союзе с крестьянством и о новой экономической политике партии. Чаще всего оппозиция ограничивается резкими нападками на нэп. Но если поставить все точки на i в этих рассуждениях, то итог можно будет резюмировать так: 1) союз с крестьянством идет против интересов рабочего класса, означает капитуляцию пролетарской революции; 2) нэп есть поворот от коммунизма к капитализму; 3) если партия не одумается и не откажется от нэпа, неминуема «третья революция» [2]).

Перенося центр тяжести в вопрос о структуре и методах работы пролетарских организаций, «рабочая оппозиция» отодвигает на второй план основные вопросы партийной стратегии; оппозиция не только не в состоянии правильно ответить на эти вопросы, но она и не понимает их значения. Именно поэтому в докладах Вл. Ильича на X и XI съездах вожди «рабочей оппозиции» проглядели основное—величайший поворот, который проделывала партия,—и метали свои громы в первую очередь против «бюрократизма». Более того: именно

---

[1]) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1-я, стр. 32.

[2]) Из рассуждений Коллонтай на III конгрессе Коминтерна видно, что возглавить эту революцию призвана именно «рабочая оппозиция». См. ниже, стр. 94.

в бюрократизме «рабочая оппозиция» видела первопричину всех кризисов, которые переживали страна и партия в 1920—1921 г.г. Сути «переходного периода в переходном периоде» идеологам оппозиции не дано было понять. Не предлагая никакой другой стратегической линии, но яростно нападая на нэп, «рабочая оппозиция» вносила в ряды партии мелкобуржуазные колебания и панику—в момент, когда перед лицом исключительно ответственных задач партия особенно нуждалась в абсолютном единстве.

Итак, непонимание роли партии, ее отношения к массам, места партии в системе диктатуры пролетариата,—все это только одна сторона идеологии «рабочей оппозиции»; вторая, не менее характерная и неотъемлемая ее черта—непонимание роли пролетариата, как класса-гегемона, ведущего за собой всю массу трудящихся, непонимание путей социалистического строительства.

Вопросы партийного строительства занимали большое место в выступлениях «рабочей оппозиции». По Ленину, то или иное решение в области организационного строительства партии само по себе далеко не исчерпывает вопроса о стратегии и тактике этой партии; но в то же время всем известно, что большевизм придает огромное значение партийной организации, без которой невозможны ни борьба, ни победа, ни строительная работа пролетариата.

При этом большевистский метод разрешения организационных вопросов в корне отличается от метода «рабочей оппозиции». «Партия революционного марксизма в корне отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса формы партийной организации, а равно и методов ее работы. Наоборот, форма организации и методов работы всецело определяется особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают» [1]).

В «конкретной исторической обстановке» 1920—1921 г.г. не могло быть и речи о последовательном проведении развернутой рабочей демократии внутри партии. Не более приемлемым оказалось и второе требование «рабочей оппозиции»—о механическом перенесении методов партработы в другие организации рабочего класса. «Такое пере-

---

[1]) Из резолюции X съезда РКП по докладу тов. Бухарина о партстроительстве.

несение покоилось бы на полном забвении разницы между организацией авангарда рабочего класса (партии) и другими организациями, разницы между классами, между различными группами внутри трудящихся, между различными задачами, которые ставят перед собой эти организации [1]. Большевистская партия никогда не обоготворяла рабочую демократию, никогда не рассматривала ее, как самоцель. Фетишизирование демократии—одна из коренных ошибок «рабочей оппозиции».

По вопросу о социальном составе партии «рабочая оппозиция» ударяется в «махаевщину», выставляя огульное требование очистки партии от всех непролетарских элементов. Этим самым требованием «рабочая оппозиция» готова подсечь и всякое партийное влияние в деревне, настаивая на том, чтобы двери партии были совсем закрыты для крестьян.

Неправильно оценивая роль партии, не понимая значения монолитности и дисциплинированности ее рядов, «рабочая оппозиция» не стеснялась в методах фракционной борьбы. Логика этой борьбы быстро привела оппозицию к тому, что она стала резко противопоставлять свою «четко классовую рабочую группу» якобы переродившейся и выродившейся партии. В промежуток между X и XI съездами «рабочая оппозиция» своей подпольно-фракционной практикой наглядно иллюстрировала свой разрыв с основами ленинского учения о партии.

---

[1] Там же.

ПРОФСОЮЗЫ, ПАРТИЯ, ГОСУДАРСТВО

21. «Не партия, а профсоюзы — авангард пролетариата»

(Из содоклада тов. Перепечко на V всеукраинской партконференции)

Какие организации в настоящее время наиболее полно могут выявить эту классовую пролетарскую сущность? Наиболее подходящими в данный момент являются профессиональные союзы. Пусть они будут со многими предрассудками, но в основе своей они все-таки выявляют классовую сущность пролетариата.

Какие еще организации выявляют пролетариат? Выявляет коммунистическая партия. Но, товарищи, нам нужно особенное внимание обратить на мелкобуржуазный элемент, влившийся в нашу партию. Он принес в нашу среду психологические предрассудки, все то, что глубоко враждебно пролетариату, он нам внес буржуазные методы работы в нашу партию. Эти элементы не могут представлять классовую сущность пролетариата.

Следующие организации, которые должны будут выявлять классовую сущность пролетариата, это—советы. Отрыв пролетариата от управления и засоренность партии чужеродными элементами—вот что является основной причиной того кризиса, который переживаем мы—партия и Советская власть.

---

22. «Рабочая оппозиция» и профсоюзы

(Из брошюры А. Коллонтай «Рабочая оппозиция»)

...Что проводят тезисы рабочей оппозиции и как понимает она задачу и роль профсоюзов, точнее—производственных союзов в настоящий момент? «Мы полагаем, что вопрос о восстановлении и развитии производительных сил нашей страны возможен лишь при установлении изменения всей системы организации управления народным

хозяйством» (из доклада тов. Шляпникова 30 дек., разрядка моя. *А. К.*). Заметьте, товарищи, «при условии изменения всей системы». Что это значит? «Сущность спора, говорится дальше, заключается в том, какими путями наша коммунистическая партия в переживаемый переходный момент будет проводить свою хозяйственную политику: через организованные в союзы рабочие массы или через их голову, бюрократическим путем, посредством канонизированных чиновников» (оттуда же). Вот именно: суть спора—будем ли мы осуществлять коммунизм через рабочих или через их головы руками советских чиновников. И пусть товарищи призадумаются: возможно ли осуществить, построить коммунистическое хозяйство и производство руками и творчеством выходцев из чужого класса, проникнутых рутиной прошлого? Если мы будем мыслить по-марксистски, по-научному, мы ответим себе ясно и категорически: нет. Предполагать, что «люди-практики», техники, специалисты в области налаживания капиталистического производства сумеют вдруг выскочить за пределы тех обычных приемов, взглядов и подхода к труду, которые воспитаны в них, органически в них въелись за все их служение капиталу, и начнут созидать новые, коммунистические формы хозяйства (а в нахождении этих новых форм производства новой организации труда, новых стимулов-победителей к труду заключена вся суть),—значит забывать неоспоримую истину, что систему хозяйства изменяют не отдельные гениальные люди, а потребности класса.

Вообразите себе, если бы в эпоху перехода от феодально-помещичьего хозяйства, построенного на крепостном труде, к системе капиталистического производства с его якобы свободным наемным трудом в мануфактурах буржуазный класс, еще очень неопытный тогда в организации своего капиталистического хозяйства, пригласил бы себе на роли главных организаторов мануфактур наиопытнейших, юрких и умелых управителей и приказчиков помещичьих имений, привыкших иметь дело с рабски безвольным, крепостным трудом,—что бы получилось? Сумели ли бы эти опытные люди, спецы в своей области, воспитанные на власти кнута, поднять производительность труда «свободного», хотя и голодного пролетариата, который имел все-таки возможность уйти от грубой руки управителя мануфактуры, поступить в солдаты, стать поденщиком, бродягой, нищим, но все же уйти от постылого труда. Не развалили ли бы они начавшую складываться новую организацию труда и всю на ней построенную систему капиталистического производства? Отдельные управители крепостных крестьян, отдельные бывшие помещики, приказчики умели приспособиться к новым формам производства, но не из них вербовались истинные творцы и

созидатели буржуазно-капиталистического хозяйства. Классовый инстинкт подсказывал хозяевам первых мануфактур, что лучше медленно и неумело да своим умом, своей «сметкой» находить верный путь, определяющий взаимоотношение труда и капитала, чем позаимствовать непригодные мертвящие приемы у устарелой, непригодной больше системы эксплотации труда, не повышающей, а понижающей производительность. Классовое творчество верно подсказало капиталистам в эпоху первоначального капиталистического накопления, что вместо кнута приказчика и капиталиста имеется другой погоняло к труду—соревнование, конкуренция рабочих перед лицом безработицы, нищеты. И капиталисты, уловив этот стимул, этот побудитель к труду, сумели его использовать в интересах развития новых буржуазно-капиталистических форм производства, сразу подняв производительность «свободного» наемного труда.

Буржуазия пять веков тому назад действовала ощупью, слепо повинуясь лишь классовому инстинкту. Она доверяла больше своей сметке, чем опыту умелых специалистов в области организации крепостных, помещичьего хозяйства. И была права, права исторически.

Мы обладаем великим орудием, помогающим нам находить кратчайший путь к победе рабочего класса, сокращающий его крестные страдания по этому пути и утверждающий новую систему хозяйства—коммунистическую. Это орудие: материалистическое понимание истории. И вместо того чтоб использовать его, углубить наш опыт и проверить наши искания на истории, мы готовы отбросить исторические истины и пуститься в дебри слепых экспериментов—авось... Как бы тяжко ни было наше хозяйственное положение, до такого взрыва безнадежности нам доходить нет оснований. В отчаяние могут приходить капиталистические правительства, действительно стоящие с иссякнувшим творчеством капитализма в тупике, но не мы, не трудовая Россия, перед которой с Октябрьской революции открываются небывалые, широкие возможности хозяйственного творчества, образование невиданных еще форм производства с неслыханно высокой продуктивностью труда. Но надо научиться брать не из прошлого, а давать простор творчеству будущего.

Это и делает рабочая организация. Кто может явиться творцом, создателем коммунистического хозяйства? Тот класс, а не отдельные гениальные выходцы прошлого, который органически связан с новообразующимися мучительно нарождающимися формами производства более продуктивной и совершенной системы хозяйства. Какой орган: рабочие ли производственные союзы или смешанный, чиновничий по составу, хозяйственно-советский аппарат могут выявить, провести в дело

творческие задатки в области новой организации хозяйства и производства? Рабочая оппозиция считает, что первый, т.-е. рабочий, производственный, а не чиновничье-бюрократический и социально смешанный коллектив, с сильным привкусом дельцов и «строителей» старого капиталистического закала, ум которых засорен мусором капиталистической рутины.

«Рабочие союзы от современного пассивного содействия органам народного хозяйства должны быть вовлечены к активному и индивидуальному участию в управлении всем народным хозяйством» (тезисы рабочей оппозиции). Искать, находить и творить новые, более совершенные формы хозяйства, нащупывать новые стимулы повышения производительности труда—могут лишь коллективы, наиболее связанные с нарождающейся формой производства, из своего будничного опыта делая ряд практически мелких на первый взгляд, но теоретически высокоценных умозаключений в области подхода к трудовой рабочей силе в новом трудовом государстве, где погонялом труда перестала быть безысходная нужда, безработица и конкуренция на трудовом рынке.

Найти стимул, повод к труду—величайшая задача рабочего класса на пороге к коммунизму. Никто иной, кроме самого рабочего класса в лице его классового коллектива не в силах одолеть эту задачу.

Задача производственных союзов дает простор практическому опыту, классовой сметке в налаживании и нащупывании новых форм производства и организаторским способностям пролетариата, т.-е. того класса, который один только может стать творцом коммунизма.

Так подходит к делу рабочая оппозиция. Так понимает она задачи профсоюзов. Отсюда один из важнейших пунктов ее тезисов: «Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные и производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством Республики» (тезисы рабочей оппозиции). Этим пунктом обеспечивается простор для проявления классового творчества, не сжатого и не изуродованного бюрократическим аппаратом, пропитанным духом и рутиной буржуазно-капиталистической системы управления народного хозяйства. Рабочая оппозиция доверяет силе творчества своего же класса, класса рабочих. Из этого положения и вытекает вся его дальнейшая программа.

Но как раз на этом-то пункте и начинается расхождение рабочей оппозиции с нашими руководящими партийными верхами. Недоверие к рабочему классу (разумеется, не в области политической, а в области хозяйственно-творческих способностей класса)—вся суть тезисов, подписанных нашими руководящими верхами. Верхи партии не

верят в то, что грубыми руками технически плохо вышколенных рабочих создадутся те основные мазки, контуры хозяйственных форм, из которых разовьется со временем стройная система коммунистического производства.

...Рабочая оппозиция отстаивает положение, что управление народным хозяйством—дело профсоюзов, и этим она мыслит более по-«марксистски», чем теоретически вышколенные верхи.

Рабочая оппозиция не настолько невежественна, чтобы не учитывать великой роли техники и технически вышколенных сил. Она вовсе не мыслит создать свой орган управления народным хозяйством, избранный на съезде производителей, и затем распустить совнархозы, главки и центры. Нет, она мыслит иное: подчинить эти необходимые, технически ценные центры управления своему руководству, давать им теоретические задания, использовать их так, как в свое время фабриканты и заводчики пользовались наемной силой специалистов-техников для осуществления ими намеченных и задуманных планов. «Спецы» могут внести громадный вклад в область повышения техники, могут облегчить искания класса,—они нужны, необходимы, как вообще необходима и ценна сама наука и ее расцвет для каждого восходящего и борющегося класса. Но буржуазные спецы, даже с приклеенным к ним ярлыком коммунизма, бессильны и духовно немощны в деле поднятия производительных сил в государстве некапиталистическом, в деле нахождения новых приемов организации труда и отыскания новых стимулов его интенсификации. Здесь слово за классом, т.-е. за его наиболее четким, рельефным выражением, за производственными союзами.

...Тов. Ленин считает, что коммунистическое творчество в области хозяйства мы можем проводить помощью партии. Так ли это? Прежде всего, как действует партия? Она, по выражению тов. Ленина, «вбирает в себя авангард революционного пролетариата». Затем она же распыляет его по советским хозяйственным учреждениям, отчасти возвращая его в профсоюзы (лишенные, однако, поля деятельности в области руководства и строительства народного хозяйства), и там эти вышколенные, преданные и, может быть, даже очень талантливые коммунисты-хозяйственники затушевываются, разлагаются в общей атмосфере рутины и бюрократизма, каким проникнуты аппараты, ведающие у нас «хозяйственным творчеством». Влияние этих товарищей стирается, ослабляется, творчество их глохнет.

Иное дело профсоюзы,—здесь классовый состав гуще, подбор сил однороднее, задачи, стоящие перед коллективом, тесно слиты с непосредственными бытовыми и трудовыми интересами самих производите-

лей, членов фаб- и завкомов, заводоуправлений и правлений союзов. Творчество, искание новых форм хозяйства, новых двигателей для поднятия интенсивности труда—может рождаться только в недрах этого естественного классового коллектива. Совершать революцию может авангард класса, создавать экономическую основу господства нового общества может только весь класс в будничной практической работе своего основного классового коллектива.

...В страстных дискуссиях между верхами нашей партии и рабочей оппозицией спор идет о том, кому доверяет наша партия строительство коммунистического хозяйства: ВСНХ со всеми его бюрократическими разветвлениями или производственным союзам. Тов. Троцкий хочет так «срастить» ВСНХ с профсоюзами, чтоб с помощью первого поглотить вторых. Т.т. Зиновьев и Ленин хотят так «воспитать» массы профсоюзов в духе коммунизма, чтобы безболезненно растворить союзы в тех же советских органах. Бухарин и все остальные сочинители тезисов по существу говорят то же самое, вариация лишь в формулировке, разница в словах. Суть едина [1]). Одна лишь рабочая оппозиция говорит иное, отстаивает классовые задачи пролетариата в самом процессе творчества и осуществления этих задач.

Руководящим хозяйственным органом в Трудреспублике в настоящий переходный момент должен быть орган, избранный производителями-рабочими. Все остальные производственно-хозяйственные советские аппараты являются проводниками хозяйственной политики этого основного хозяйственного органа трудовой республики. Все остальное—топтание на месте, говорящее о недоверии к творческим силам рабочих, недоверии, недостойном нашей партии, могуществом которой она обязана именно неиссякаемому революционно-творческому духу пролетариата.

Не будет ничего удивительного, если на съезде партии авторы различных хозяйственных платформ, за исключением рабочей оппозиции, сойдутся на взаимных уступках и компромиссах. В их спорах нет и существенных разногласий.

Лишь рабочая оппозиция не должна итти, да и не может итти на уступки. Это не значит звать «к расколу». Нет, ее задача иная. Даже в случае поражения на съезде—оставаться внутри партии и шаг за шагом твердо отстаивать свою точку зрения, спасая партию и выправляя ее линию.

Еще раз кратко: чего же хочет рабочая оппозиция?

---

1) Не останавливаюсь на разборе остальных платформ, так как для сути спора они ничего нового не прибавляют, а между тем разбивают внимание на мелочах. *А. К.*

1. Создать орган управления народным хозяйством из самих производителей-рабочих.

2. Для этой цели, т.-е. для перехода союзов от пассивного содействия органам народного хозяйства к активному участию, к проявлению в них творческой инициативы рабочих, рабочая оппозиция устанавливает ряд предварительных мер, постепенность и порядок перехода к этой задаче.

3. Передача управления отдельной отрасли промышленности в руки союзов происходит лишь тогда, когда ВЦСПС признает данный союз достаточно подготовленным.

4. По всей линии назначения на административно-хозяйственные посты не допускаются без согласия союза. Все кандидаты союза обязательны. Все поставленные союзом работники—ответственны перед союзом и отзываются союзами.

5. Для проведения всего намеченного плана надо начать с укрепления низших ячеек союзов, подготовляя фаб- и завкомы к управлению хозяйством.

6. Путем сосредоточения в одних руках управления всем хозяйством республики (без существующей двойственности ВСНХ и ВЦСПС) создается единство воли, облегчающее проведение единого плана создания коммунистической системы производства.

---

23. «Рабочая оппозиция» противопоставляет диктатуру партии диктатуре пролетариата

(Из прений на X съезде РКП)

Ярославский. Тов. Коллонтай приводит рассказ одного делегата из Сибири, который говорил, что у них появилось то же течение, хотя они и не слыхали о «рабочей оппозиции». По этому поводу была напечатана статья в «Известиях», сибирской областной газете, под заглавием «Кризис партии». Там говорилось, что мы переживаем кризис потому, что у нас не коммунисты, а просто-напросто бланкисты, т.-е. сторонники того взгляда, что можно разрешать кучке испытанных революционеров руководить революцией без масс. Вот, по их мнению, в чем кризис партии. Когда мы читали эту статью, то приходили к следующему выводу. Если, скажем, Дитман утверждал, что у нас нет диктатуры пролетариата, а господство «над пролетариатом», то то же самое доказывает здесь «рабочая оппозиция», когда она говорит, что у нас не рабочая, не коммунистическая партия, она солидаризируется целиком с тем, что выдвигается против нас правыми независимыми.

Худшие из худших доводов наших противников выносятся здесь перед нами, когда предлагают высаживать из автомобилей всех ответственных работников, передать эти автомобили рабочим и т. д. В тезисах по профессиональному вопросу и в брошюре тов. Коллонтай вы увидите, что фактически дело идет именно о поддержке таких настроений.

Бухарин. У меня, например, имеются следующие два документа. Во-первых, «Вопросы партийного строительства. Тезисы к X съезду РКП», «не принятые губкомом». Теперь принято издавать такие тезисы, которые не приняты, и об этом оповещать. Они исходят от владимирской группы «рабочей оппозиции», и мы читаем там целый ряд таких вещей, которых никак нельзя назвать марксистскими: «переходит от осуществления партией пролетарской диктатуры к диктатуре партии, стоящей над тем классом, диктатуру которого она должна осуществлять». Здесь выступает положение, что мы являемся диктатурой над пролетариатом. С другой стороны, существуют тезисы о профсоюзах группы «рабочей оппозиции», где прямо сказано: профсоюзам принадлежит руководящая роль над партией. И нам еще говорят, что это не есть мелкобуржуазное извращение!

СОЮЗ ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА. НЭП

24. «Пролетариат продан за чечевичную похлебку»

(Из прений на V всеукраинской партконференции)

Перепечко. Мы забросили тот пролетариат, на который можно единственно опираться в пролетарской революции. Этому увлечению комнезаможами, когда на пролетариат не опираются, содействует слияние с борьбистскими элементами, потому что у этих правых эсеров-народников есть стремление опираться на мелкобуржуазное крестьянство.

Антонов. ЦК, который написал сейчас отчет, на первой его странице совершенно упустил из виду украинский пролетариат, которого насчитывается здесь 900 тысяч. Что это такое? Самая главная, величайшая,—говорит он,—работа, которая предстояла на Украине, это расслоить деревню.

А пролетариат? Недаром в отчете ничего не говорится даже о профсоюзах! Забыли самую главную задачу—обратить главное внимание на рабочий класс, который создал диктатуру пролетариата.

...Мы знаем хорошо, что еще в 1907 году было письмо тов. Ленина о работе в деревне; тогда еще было обращено внимание на работу в деревне. Но, товарищи, мы говорим, что и той работы наш ЦК не выполнил, хотя пролетариат он продал за чечевичную похлебку крестьянину.

Зиновьев. Тов. Антонов считает, что он очень левый, но не замечает того, что он говорит самой обыкновенной меньшевистской прозой. Это факт. В чем нас упрекал сегодня тов. Антонов? Он употребил такую фразу: «За чечевичную похлебку вы продали рабочих крестьянам». Если бы так было, то он должен был отрясти прах с своих ног и бежать из этой партии, которая продала рабочих крестьянам. Почему он не бежит? Потому что все это для красного словца говорится, вовсе не так страшен чорт, как его малюют!

Он защищает рабочих от нас против крестьян. Так делают и меньшевики. Они все время переминаются с ноги на ногу. То они представляют из себя рабочих и требуют, чтобы рабочие не делали уступок крестьянам, то они начинают защищать крестьян от рабочих и протестуют против того, что мы из деревни берем хлеб. В Германии такая же картина. Немецкие меньшевики тоже как будто бы защищают рабочих от крестьян. Тов. Антонов, думая, что он говорит очень «лево», повторяет обыкновенные меньшевистские пошлости.

V Всеукраинская конференция КП(б)У состоялась в Харькове в ноябре 1920 г. Речи, отрывки из которых приведены выше, были произнесены в прениях по докладам т.т. Раковского и Кассиора о работе ЦК КП(б)У.

Перепечко выступал на конференции в качестве руководителя группы «рабочей оппозиции». Позднее он выступал от имени «рабочей оппозиции» на X съезде РКП (по докладам т.т. Ленина и Крестинского.)

Антонов тоже выступал на V конференции по ряду вопросов, как официальный выразитель мнений «рабочей оппозиции».

Зиновьев участвовал в работах конференции в качестве представителя ЦК РКП.

При голосовании резолюций по докладам ЦК за резолюцию, предложенную Антоновым, голосовало 23 (из 316 принимавших участие в голосовании).

---

25. «Партия лавирует между классами»

(Из брошюры А. Коллонтай „Рабочая оппозиция“)

Как только полегчало на военном фронте, и маятник жизни качнулся в сторону хозяйственного строительства, как эти типичные, неискоренимые по духу пролетарии, самые яркие и устойчивые представители своего класса [1]), поспешили сбросить «френчи», кожаные тужурки и отложить в стол папки «исходящих и входящих» бумаг, чтоб отозваться на молчаливый призыв своих братьев по классу, фабричных и заводских рабочих, миллионов русских пролетариев, влачащих и в Советской трудовой России каторжное позорно-жалкое существование... Классовым чутьем поняли эти товарищи, стоящие во главе рабочей оппозиции, что дело неладно, что за три года революции мы, правда, построили советские аппараты и утвердили принцип рабоче-крестьянской трудовой республики, но что сам рабочий класс как класс, как единая нераспыленная социальная единица, с едиными однородными классовыми запросами, задачами, интересами, а следовательно, и однородной, выдержанной, четко-

---

[1]) Так тов. Коллонтай изображает не кого иного, как... деятелей «рабочей оппозиции». *Сост.*

ясной политикой играет все меньшую роль в Советской Республике, все слабее окрашивает мероприятия своего же правительства, все менее руководит политикой и влияет на работу и на направление мысли центральных органов власти...

...Мы в Советской России принуждены убеждать и себя и весь рабочий класс, что мелкая буржуазия, мещанство (не говоря уже о крестьянстве во образе хозяйственного и трудолюбивого среднего) великолепно могут ужиться под общей вывеской: «вся власть советам», забывая, что именно в ежедневной практике жизни интересы рабочих и пропитанного мелкобуржуазной психологией мещанства и крестьян неизбежно сталкиваются, дергая советскую политику в разные стороны и искажая ее классовую четкость.

...Среди всех этих разнородных групп населения нашей партии приходится лавировать, находя равнодействующую в политике, которая не нарушала бы единства государственных интересов. Отчетливая классовая политика нашей партии в процессе отождествления себя с советским государственным аппаратом превращается все более и более в ту **надклассовую политику**, которая есть не что иное, как «приспособление» руководящих органов к разнородным и противоречивым интересам социально разрозненного мещанного состава населения. Это приспособление ведет к неизбежным шатаниям, к неустойчивости, к уклонам и ошибкам. Достаточно припомнить зигзагообразный путь нашей политики по отношению к крестьянству, приведший нас от «курса на бедняка» к курсу на «хозяйственного трудолюбивого мужичка-собственника». Пусть этот курс политики свидетельствует о «политической трезвости» и «государственной мудрости» наших руководящих верхов, но историк, беспристрастно оценивающий ступени нашего господства, учтет и укажет, что вот тут-то уже сказался «опасный уклон» от классовой линии, чреватая последствиями тенденция к «приспособленчеству», к лавированию.

---

26. «Нэп—поворот к капитализму».

(Из прений о тактике РКП на III конгрессе Коминтерна)

1. Речь тов. Коллонтай

Товарищи, я выступаю здесь не от имени русской делегации, но от небольшого меньшинства Российской коммунистической партии. По нашему мнению, мы, коммунисты, имеем более высокие обязанности, чем те, которые возлагаются на нас партийной дисциплиной. Это—

дисциплина и обязанности по отношению ко всему Коммунистическому Интернационалу. И я говорю здесь для того, чтобы товарищи из других стран знали, что в рядах нашей РКП есть известное число людей, относящихся с большим опасением к политике России, к повороту во внутренней ее политике, и мы считаем своим долгом поделиться нашими опасениями и с товарищами из других стран.

Первый и главный вопрос заключается в том, послужат ли этот поворот и эта политика к действительному укреплению и развитию нового коммунистического хозяйства в России? Ведь мы, как марксисты, знаем, что только новая коммунистическая система производства действительно способна двинуть вперед и облегчить развитие производительных сил. До тех пор, пока существует старая система производства—с ее различными градациями и различными расчленениями, т.-е. капиталистический способ производства—до тех пор нет возможности для роста производительных сил, до тех пор нельзя ожидать их дальнейшего развития. Товарищи, мы исходим из того, что капиталистическая система, капиталистический общественный порядок изжили себя во всем мире; мы знаем также, что именно этим обстоятельством и обусловливается социальная революция: либо все человечество окончательно погибнет, либо подымающийся новый класс создаст новый, более совершенный способ производства. Итак, наблюдая теперь Россию, присматриваясь к складывающимся в ней отношениям, мы должны задать себе вопрос: не содействует ли этот поворот во внутренней политике восстановлению старой системы производства на капиталистической основе? Мы не хотим скрывать, что новая экономическая политика дает возможность капитализму снова стать на ноги и возродиться в России.

Вопрос в том, содействуем ли мы развитию производительных сил, расцвету экономической жизни России тем, что делаем возможным возрождение капитализма в России. Найдем ли мы путем восстановления капитализма выход из хозяйственной разрухи? Мы считаем такое предположение ложным. Благодаря свободе торговли в России создалась возможность восстановления частной собственности. Восстановление капитализма облегчено возникновением и признанием законом небольших предприятий, существующих параллельно с нашими центральными экономическими органами. Это — признание возможности известных уступок капиталу. Мы отдаем себе отчет в том, что Россия еще не представляет собой до сих пор однородного населения, что на нашу политику все еще влияют три социальных слоя. Бо́льшую часть населения нашего составляют крестьяне; затем следует вымирающая буржуазия, превратившаяся теперь в нашу бюрократию и в

примыкающих к буржуазии специалистов, находящихся в связи—само собой разумеется, не материальной, а духовной,—с иностранным капиталом; наконец, в-третьих, главная социальная сила, главный социальный слой — рабочий класс.

Исходит ли действительно от пролетариата требование восстановления в общем и целом старой системы производства—капитализма? Обусловливается ли поворот в нашей экономической политике действительно пролетариатом, а не мелкой буржуазией и крестьянством, проникнутыми их старыми традициями, их идеей частной собственности, их любовью к клочку земли, на которую крестьянин смотрит как на свою собственность? Не чувствуется ли здесь также сила внешнего капитала, имеющего у нас в России своих, так сказать, идеологических агентов и влияющего через них на нашу политику? И тов. Ленин не отрицает, что мы заключаем теперь союз с русским крестьянством. Но что это за союз? Не является ли он, собственно говоря, громадной уступкой всей нашей экономической политики мелкой русской буржуазии? Да, мы должны честно сказать: это—уступка. Тов. Ленин и другие также признают, что это уступка. Но они говорят, что у нас нет другого выхода. Мы вынуждены делать эти уступки, чтоб иметь возможность переждать; это—выход из положения на то время, пока наши заграничные товарищи совершат социальную революцию. Но именно до тех пор, пока наши заграничные товарищи не совершат социальной революции, России грозит от этих уступок величайшая опасность, особенно в том случае, если этот период продлится несколько лет, если социальная революция в других странах произойдет недостаточно скоро. Я, конечно, убеждена, что она придет раньше, но что́, если она замедлится, что́ принесут нам в этом случае эти уступки? Они принесут признание того, что те коммунистические принципы, на которых была построена наша политика, обманули наши надежды, оказались несостоятельными. Это основание лишает рабочих бодрости духа. Напротив, в крестьянстве уступки рождают убеждение, что именно оно является тем слоем, на котором покоится весь наш экономический расцвет и которому, следовательно, суждено оказывать сильное влияние на нашу политику. Наконец, эти уступки отнимают у рабочих масс доверие к коммунизму. Они лишают рабочих веры в их способность достигнуть чего-нибудь своей самодеятельностью, в их способность создать новую коммунистическую экономическую систему. И я сильно опасаюсь, что, если мы будем продолжать эту политику уступок, мы дойдем до того, что когда в других странах вспыхнет социальная революция, то будет слишком поздно, ибо у нас не будет

тогда настоящего прочного, сознательного пролетарского ядра, на которое могла бы опереться революция. К тому времени крестьянство, с одной стороны, и мещанство—с другой, могут до такой степени укрепиться политически и экономически, что, действительно, потребуется провести в России еще одну рабочую революцию против этих чуждых нам социальных сил для того, чтоб осуществить коммунизм. Это опасение существует у весьма многих наших товарищей, и поэтому я считаю своим долгом задержать ваше внимание еще на несколько минут.

Тов. Ленин говорил здесь о том, что другого выхода нет. Я знаю, что многие наши товарищи разделяют эту точку зрения. Но почему в поисках выхода мы постоянно забываем, что в России существует еще одна великая сила, которая еще не использована до конца? Сила эта—творческая энергия нашего рабочего класса. Товарищи скажут: но ведь рабочий класс имеет возможность проявить себя. Товарищи, вы сами знаете, что именно в последнее время эта творческая сила не была достаточно использована. И если в первые годы революции широкие массы рабочих действительно принимали творческое участие в общей работе, то они теперь все более и более вытесняются целым рядом чуждых нам социальных сил, приобретающих в России быстро растущее влияние на всю нашу жизнь. Характерно, что тов. Ленин, придавая в своих тезисах столь большое значение в деле возрождения промышленности механической силе и ее развитию в России, нигде не указал, каким образом творческий рабочий класс, эта новая живая сила, влияет на развитие производства путем создания новых производственных способов. Ни слова о том, каким образом воспитать рабочих, каким образом побудить их к созданию новой системы производства: на эти вопросы не обращают никакого внимания. А между тем именно творческая, живая сила пролетариата и способна создать новые способы производства, новые производительные силы. Но для того, чтоб пролетариат мог творить, он должен иметь достаточно простора, он должен иметь возможность проявить свою инициативу, а эта последняя парализуется у нас все больше и больше благодаря нашей современной системе. Нам следовало бы подумать о таком фактическом, а не только бумажном изменении этой системы, чтоб воспитать новый дух у масс. А пока мы этого не сделаем, мы всегда будем вынуждены искать новую силу, которая вывела бы нас из бедственного положения.

...Мы забываем также, что в тот момент, когда мы совершаем новый поворот в нашей хозяйственной политике, мы сразу уничтожаем всю нашу работу. Мы не должны забывать, что рабочие уже привыкли к новой системе, заменившей налоговую и обеспечивающей им получе-

ние всего нужного от государства. Они привязались уже к этой системе. Изменилась также их психология, их взгляды, которые приспособились уже к коммунизму. Рабочие говорили: если и мы спекулируем, то это по существу преступление, которое мы вынуждены совершать только потому, что государство нас снабжает не в достаточной степени, что наши пайки все еще недостаточны. Но они понемногу начинали уже понимать идею общественной собственности, общего блага,—а это действительно большая победа нашей революции.

Воспитать эту новую творческую энергию пролетариата, создать нового человека, который поможет нам, действительно, осуществить новый общественный порядок—эту задачу мы забываем, мы жертвуем ею вследствие поворота в политике. С помощью этого поворота, товарищи, возможно, конечно, поднять на некоторое время производительные силы России, но только в известных пределах, не особенно больших в капиталистическом обществе. Но если мы и достигнем этого, если мы временно и спасем русскую промышленность, то нам все же угрожает великая опасность потерять одновременно доверие рабочих масс к нашей партии. Вот почему мы думаем, что этой политике отнюдь не следует сочувствовать в такой степени, как мы это видим со стороны многих товарищей. Мы должны, напротив, относиться к ней критически, чтоб наши товарищи из других, пока еще капиталистических, стран могли извлечь из этого для себя урок. Единственное спасение для нас заключается в том, чтоб сохранить в нашей партии сильное ядро, которое стояло бы за наши старые твердые принципы и которое способно было бы проявить себя в момент взрыва революции. *И если поворот во всей советской политике получит свое дальнейшее развитие и наша коммунистическая республика превратится в простую советскую, но не коммунистическую, то это ядро твердых коммунистов возьмет в руки красное знамя революции*, чтоб обеспечить победу коммунизма во всем мире.

2. Из речи тов. Троцкого

...Переходим к речи тов. Коллонтай по существу. Ее главная мысль такова: капиталистическая система себя изжила, и поэтому из нее нельзя, так сказать, извлечь никаких выгод. Вот ее основная идея. Все остальное для нее является лишним. Это дает нам вполне достаточное представление об исторических и политико-экономических воззрениях тов. Коллонтай. Говоря философским языком, это чисто метафизическое воззрение, оперирующее с неподвижными, неисторическими, догматическими понятиями. Капитализм изжил себя, и поэтому нет

возможности получить от него что-либо нам полезное. Но, товарищи, если бы капитализм действительно изжил себя, то в случае, если на нас нападет английская или французская армия, хотя бы на побережье Черного моря, то мы можем сказать себе: капитализм изжил себя, и поэтому мы можем сидеть сложа руки. (Аплодисменты.) Я думаю, что мы все полетели бы тогда к чорту, с разрешения тов. Коллонтай. (Шумные аплодисменты.) Ведь капитализм не станет спрашивать, изжил ли он себя согласно догматическим представлениям тов. Коллонтай: он будет убивать нас своими штыками, изготовленными на его капиталистических заводах, истреблять нас своими солдатами, вымуштрованными его капиталистической дисциплиной. Но если изживший себя капитализм может нас убивать и лишать жизни, то этим он доказывает, что он еще довольно силен. Да и самый факт, что тов. Коллонтай, стоящая в оппозиции к Российской Партии, вынуждена высказывать свои оппозиционные взгляды на Международном конгрессе в Москве, является маленьким доказательством того, что если изживший себя, в великом историческом смысле, капитализм не может открыть новые возможности для человечества, то все же он еще достаточно силен, чтоб не позволить нам устраивать наши конгрессы в Париже или Берлине. (Аплодисменты.) А возьмем, например, капиталистическую технику: что́ думает тов. Коллонтай о хорошем паровозе, честном немецком капиталистическом паровозе? Это—интересный вопрос. Я боюсь, что германский пролетариат, после того как он завоюет власть, должен будет разъезжать по стране на настоящих капиталистических паровозах по крайней мере еще два года. Ведь у него будет много дела, и я не думаю, что он сможет немедленно, в первые же месяцы приступить к постройке новых паровозов. Но, товарищи, позволительно ли с точки зрения десяти заповедей тов. Коллонтай купить новый немецкий паровоз у фирмы Эберт и К°? Я думаю, что тов. Коллонтай, отвечая на этот ребром поставленный вопрос, не откажет нам в праве купить паровоз у Эберта. Но если мы купим там паровоз, то мы должны и заплатить за него, и притом золотом. Но, товарищи, золото, текущее из России в капиталистическую кассу, усиливает эту последнюю? Конечно, этого очень мало, чтоб уплатить германские долги. К счастью, у нас нет такого количества золота. (Смех.) Как бы то ни было, но если мы хотим быть принципиально твердыми, мы не смеем платить золотом капиталистам. Или возьмем другой случай: допустим, что мы будем платить не золотом, а лесом. Но, может быть, тов. Коллонтай скажет тогда: я согласна допустить торговлю Советской России с Германией или Англией, но на концессии я не согласна. Но что́ такое концессии? Чтоб получить паровозы, мы

должны продавать лес. Но у нас нет достаточного количества пил и других механических приспособлений, и вот мы говорим: «Деревья растут в лесу; пусть английский капиталист приходит со своими машинами и техническими приспособлениями, пусть сам нарубит себе бревна и дрова, а нам отдаст за это паровоз»... Словом, я бы очень хотел знать, где начинается принципиальная оппозиция тов. Коллонтай и где она кончается: при покупке ли паровозов, при уплате ли золотом, при расчете ли дровами в виде леса. Я боюсь, что оппозиция начинается только при порубке леса. (Громкий смех.)

3. Из речи тов. Бухарина

...Теперь по поводу речи тов. Коллонтай. У нее, что было вполне понятно, в настоящий период ее духовного развития оживают все ее старые меньшевистские воспоминания. (Смех.) И поэтому мы, естественно, слышим от нее вещи, звучащие вполне по-меньшевистски; заметна также известная связь с ГКРП. Но ход доказательств тов. Коллонтай довольно комичен. Сначала она ставит диагноз и прогноз: у нас создается новый класс специалистов-бюрократов—буржуа; это—новый класс; он все будет усиливаться, и нам придется устроить против него третью революцию.

Но если мы рассмотрим в лупу эту так называемую третью революцию, то разглядим ту же самую «третью» революцию, о которой говорят меньшевики и социалисты-революционеры. Но они рассуждают гораздо логичнее. Они рассматривают Октябрьскую революцию как контр-революцию, и по их мнению, третья революция явится настоящей революцией, которая восстановит подавленную Февральскую революцию. Однако грядущая третья революция тов. Коллонтай является проблематичной. Что́ говорит тов. Коллонтай? Фактически правящим классом уже сейчас является бывшая буржуазия; затем следует внезапный скачок из царства необходимости в царство свободы, и мы слышим совершенно другое утверждение, будто у нас в действительности правит не пролетариат и не эта новая буржуазия, а крестьянство. Это—новый, совершенно неожиданный тезис, устанавливаемый тов. Коллонтай.

Рассмотрим теперь эти тезисы по существу. Чем она их обосновывает? Тем, что мы делаем крестьянству большие экономические уступки. Товарищи, я позволю себе провести здесь аналогию. Представьте себе капиталиста-директора фабрики и забастовку рабочих. Под давлением последних директор фабрики удваивает заработную плату, делает рабочим значительные экономические уступки. Тут приходит тов. Коллонтай и говорит: «Каково? Директор фабрики ведь сделал рабочим

большие уступки, значит, он перестал быть капиталистом»... По существу это—такая же аргументация. Вдумайтесь в нее логически. Что́ это означает? Это означает самую настоящую ревизионистскую теорию. Это напоминает нам тех, кто, видя, как буржуазное правительство во время войны делало рабочим значительные уступки и даже употребляло некоторых статистов из среды рабочего класса в качестве министров, называли это правительство уже не буржуазным, а надклассовым. Это—тот же ход мыслей, не имеющий ничего общего с марксизмом. (Одобрение.)

Теперь третий вопрос: о государственном капитализме. Когда тов. Ленин говорил здесь о нем, он имел в виду совсем не тот «государственный капитализм», который существует в Западной Европе. Это—нечто совсем другое. Под государственным капитализмом в Западной Европе понимают (и вполне основательно) государственную монополию на капитал со стороны буржуазного государства. Таково чистое понятие о государственном капитализме. Это—нечто другое. При настоящем государственном капитализме действительным собственником всех средств производства является буржуазия в лице своего государства. У нас существуют другие отношения собственности. Действительным собственником даже при концессиях является пролетариат, сдающий в аренду свою собственность концессионеру-капиталисту. Отношения собственности и соответствующие производственные отношения—совершенно другие. Это—своеобразная экономическая структура, которую в теоретическом отношении нельзя смешивать с общеупотребительным понятием о «государственном капитализме» в обычном смысле слова.

Тов. Коллонтай говорит (и это самое примечательное во всех ее критических соображениях), что нам грозит большая опасность. Ее блестящая формула гласит: «Я охвачена сильнейшей тревогой». Что отсюда следует? С сильной тревогой великих дел не сотворишь. (Радек с места: «Но большую речь произнесешь».) Что́ предложила нам тов. Коллонтай? Мы, например, заменили продразверстку натуральным налогом. Это было началом нашей новой ориентации. Что же, разве тов. Коллонтай снова предложила нам вернуться к системе реквизиций? Нет. О концессиях «рабочая» группа не сказала ни слова на партийном съезде, не сделала ни одного возражения. Я не знаю, от имени какой группы выступила тов. Коллонтай. Я думаю, что эта группа вылита из одного куска и что тов. Коллонтай представляет ее всю в своем единственном лице. (Смех.) Я констатирую, что против нашей тактики не было приведено ни одного аргумента. Нельзя же в самом деле считать за аргумент разные манипуляции с творческой силой, с духом механики и т. д.

Тов. Гортер говорит в своей знаменитой брошюре, что мир идет к гибели вследствие того, что русские товарищи сошли с точки зрения исторического материализма. Теперь мы понимаем, что такое исторический материализм. Это—исторический материализм тов. Коллонтай, сказавшей очень много о творческом духе и т. п. вещах, о духе, презирающем низменные материальные условия...

4. Заявление тов. Ленина

Товарищи, я вполне согласен со всем, что говорил здесь мой друг Бухарин. Мне нечего к этому прибавлять, и я отказываюсь поэтому от заключительного слова.

III всемирный конгресс Коминтерна состоялся 22 июня—12 июля 1921 г. На повестке дня в числе прочих вопросов, был поставлен вопрос о тактике ВКП; с докладом по этому вопросу выступил тов. Ленин (см. Собр. соч. т. XVIII, ч. 1-я, стр. 319). В прениях по докладу с критикой линии ВКП выступили, кроме Коллонтай—Закс и Гемпель от Германск. Ком. Раб. Партии (порвавшей с Коминтерном и агитировавшей за создание IV Интернационала). Оппоненты указывали на то, что русский нэп укрепит мировой капитализм, что он создал «противоречие между интересами революционных рабочих западных стран и интересами советской власти» (Закс). После прений была единогласно принята резолюция, одобряющая политику РКП, «которая при всяком положении с самого начала правильно усматривала грозящие опасности и всегда находила средства предотвращать их, оставаясь верной принципам революционного марксизма. ...Благодаря этой последовательной и сознательной политике РКП, Советская Россия остается первой и важнейшей твердыней мировой революции». («Стеногр. отчет конгресса», стр. 382—383.)

---

27. Партия, пролетариат и крестьянство

(Из прений на XI съезде РКП)

Шляпников. Не нужно забывать также, что сейчас мы переживаем упадок. Такой упадок я сам пережил и наблюдал в 1907 г. Когда я прихожу на наши ответственные собрания,—ох, как пахнет там 1907 г.! Мы помним настроения интеллигенции и близких к ней непролетарских элементов тех времен, и как многое напоминает то время теперь! Почву для этого дают наши ответственные работники, в том числе тов. Ленин, тов. Каменев и другие...

...В связи с новой экономической политикой мы наблюдаем переоценку ценностей и поиски иной базы, новой опоры вне пролетариата. Это последнее вызывает тревогу, беспокоит нас в высокой степени.

Чтó мы видим, чтó слышим за последнее время? Нам говорили, что мы, рабочие, рабочая власть, пролетарское государство, должны мужику. Это выражение на декабрьской партконференции получает и политический смысл, что мы должны быть для мужика наиболее дешевым правительством. При этом забывают, что дешевым правительством мы можем быть только за счет рабочего класса. Дешевое правительство очень дорого стоит пролетариату, ведя его к физическому вырождению. Все это беспокоит умы не только членов нашей партии, но и всех рабочих.

Тов. Каменев на последней московской конференции изобразил нэп как маневр социалистической революции.

...Маневрирование, которое мы сейчас совершаем в области экономической политики, толкает нас от маневрирования к поискам более «прочной базы», чем та, которую мы имели до сих пор, опираясь на рабочий класс. Чтобы оправдать эти поиски новых опор, я очень часто слышу на ответственных собраниях весьма нелестные отзывы о нашем собственном классе, авангардом которого мы себя считаем. Владимир Ильич вчера сказал, что пролетариат как класс, в том смысле, каким имел его в виду Маркс, не существует. Разрешите поздравить вас, что вы являетесь авангардом несуществующего класса. Говорят, что у нас пролетариат деклассируется, что он крайне отстал, и если послушать медовые речи тов. Каменева, то окажется, что даже передовой рабочий Москвы выражает интересы крестьянских хозяев. На декабрьской партконференции он заявил, что даже московские передовые металлисты говорят у нас языком крестьянских интересов. По словам тов. Зеленского, сказанным на конференции в Москве, новая экономическая политика порождает у рабочих собственнические инстинкты... Такое отношение к рабочим заставляет заподозрить, что, поступая так, изображая пролетариат несвойственными ему красками, товарищи ищут оправдания политическим маневрам, поискам опоры в других общественных слоях. Эти мысли среди ответственных работников высказываются прямо. На это мы говорим съезду, что здесь грозит нам опасность появления принципиальных разногласий. Если до сего времени у нас не было в партии принципиальных расхождений, то на почве отношения к рабочему классу есть опасность появления этих принципиальных разногласий, и мы хотели бы услышать от Владимира Ильича, как он смотрит на подобного рода идейные маневры, переоценку ценностей, искажение оценки нашей деятельности. И нужно раз навсегда запомнить, что другого и «лучшего» рабочего класса мы иметь не будем, и нужно удовлетвориться тем, что есть.

Медведев. Соприкасаясь с широкими кругами рабочих масс, при выступлении с докладами, с сообщениями и разъяснениями о работе

нашей партии, приходится нередко слышать уже глубокое недоверие к нашей политике. От рабочих же коммунистов мы слышим объяснение многих нездоровых явлений, которые мы наблюдали сейчас в партии, именно характером указанных речей руководителей партии. Из нашей партии наблюдается уход пролетариев—не тех, которые пришли к нам на заводы случайно, этих «пролетариев» во время сокращения штатов достаточно выгнано; у нас речь идет о том, что из нашей партии уходят лучшие рабочие, годами работавшие в рядах нашей партии, приносившие ей громадные услуги, жертвовавшие всем для нее. Чем объясняются эти настроения в рядах нашей партии? ...Мы чувствуем, что наша партия все более ослабляет свое внимание в сторону рабочего класса, и это особенно видно на тех вопросах хозяйственной политики, которые составляли душу всей политики ЦК за истекший год...

Коллонтай. Разве не типично то, что здесь, на съезде, мы в политическом отчете не слышали ни слова о том, что же, собственно говоря, должен делать рабочий класс? Что сейчас рабочие, именно рабочие, должны будут делать в борьбе с безработицей? Что делать с такими явлениями при новой политике, когда предстоит переселение рабочих из квартир в подвалы и т. д.? Все это указывает: перед нами стоит определенный вопрос о том, что отрыв партии от рабочих существует.

Зиновьев. Рабочий класс, в силу перипетий нашей революции, деклассирован, ядро рабочего класса в этом смысле разрушено, рабочий класс разбрелся по градам и весям Советской Республики, часть осела в деревне, часть вынуждена искать пропитания в тяжелых условиях, меняя профессию чуть ли не каждый месяц. Мы сохранили сравнительно небольшое ядро рабочего класса. Явление это, конечно, временное. Если удастся восстановить крупную промышленность, в чем мы не сомневаемся, то рассеянный по всему лицу республики рабочий класс начнет постепенно собираться на фабрики и заводы, консолидироваться, начнет крепнуть.

...В настоящее время наш съезд происходит в этом смысле на рубеже. Результаты деклассирования пролетариата сказываются особенно больно, наглядно. Мы знаем, что даже в наших лучших промышленных центрах, как Петроград, Москва, на лучших заводах, как Путиловский в Петрограде, у нас сохранилось ядро, но ядро вовсе не самое лучшее. Это большей частью рабочие-старики, потому что молодежь была более предприимчива. Составляя наилучшую революционную часть рабочего класса, она пошла в деревню, в армию, в государственные органы; многие из них погибли: из 40 тысяч, которые

мы имели в начале революции, из старого состава погибло не менее половины, а 20% превратились в инвалидов. То, что мы сейчас имеем, является не самой жизненной, не самой здоровой, не самой старой частью, а той косной частью пролетариата, который на заводах остался; мы имеем там часть мелкобуржуазную, которая пошла на заводы во время войны.

Припомните стачку на оружейном заводе в 1919 г. в Туле, когда Деникин взял Орел. Кто ее устроил? Эта стачка была знаменательна. На Тульском заводе в 1919 г. оказались сотни, если не тысячи мелких домовладельцев, мелких буржуа, часть буржуазной интеллигенции, которая шла на завод, чтобы не итти на войну. Мы должны видеть рабочий класс таким, каков он есть. Когда на съезде выходят товарищи, берут под свою защиту рабочий класс и говорят: не смейте говорить о деклассировании пролетариата, мы можем им сказать: для нас нет ничего более великого, как рабочий класс, и все мы служим—и будем служить до последнего издыхания—рабочему классу, но служить рабочему классу не значит льстить рабочему классу. ...Рабочий класс сильно деклассирован, и это сказывается на каждом шагу. Вот почему, товарищи, совершенно необходимо, чтобы наши съезды ни в коем случае не идеализировали тех рабочих, которых мы имеем сейчас на наших фабриках и заводах. Чем яснее мы увидим опасность, чем яснее мы увидим худые, печальные стороны, тем скорее наша партия поможет стать рабочим на ноги, поможет им излечиться.

...Мы, работающие в стране с громадным преобладанием крестьянства, мы, как рабочий класс, взявший власть в свои руки, опираясь на все то, что мы подготовляли в течение двух десятилетий работы, мы можем спасти положение и можем дать действительную, а не фиктивную, бумажную, возможность рабочему классу постепенно начать улучшать свой быт, постепенно начать улучшать свое существование, лишь удержав советскую власть, т.-е. лишь удержав союз с крестьянством. Кто говорит: зачем ты поешь, что ты в долгу у крестьян?, тот думает, что он очень левый, но он не замечает, что он унижает роль рабочего класса как гегемона, как руководителя революцией в народном и международном масштабе, унижает роль класса, который может улучшить свой быт только в том случае, если он выведет революцию из того положения, в каком она находится сейчас. Вот почему мы полагаем, что вопрос о взаимоотношениях рабочего класса с крестьянством есть серьезнейший, не только общегосударственный, общеполитический, а и внутренне-партийный вопрос.

В политике часто случается, что люди, желающие попасть в одну дверь, попадают в другую, и это случается с товарищами, которые берут под защиту рабочий класс, когда мы говорим о его деклассированности, которые говорят об оскорблении его величества пролетария, когда говорят о взаимоотношениях с крестьянами. Они думают, что, поступая так, критикуют слева, а на самом деле поступают как люди, которые занимаются жалкими, мизерными перепевами того, что было сказано меньшевиками, только в другой обстановке и лет 12 тому назад. Пусть не прогневаются товарищи Медведев и Шляпников, но часто они щеголяют в стоптанных башмаках Аксельрода, хотя им и кажется, что они нивесть какие революционеры.

Шляпников упоминает о докладе Зеленского на Московской губпартконференции. В этом докладе Зеленский привел ряд фактов, показывающих как далеко зашел к тому времени процесс деклассирования московских рабочих. «Рабочие иногда привозят»,—говорил тов. Зеленский,—«по 10—12 пудов хлеба (из деревни), а иногда такую норму, которая во много раз превышает нормы его потребления, создавая необходимость реализовать привозимое путем обмена на вольном рынке». Рабочие вынуждены прибегать к «работе по вольным ценам в частных кустарных мастерских по окончании работы на заводе», по всяким частным заказам. За 24 дня прекращалась работа на 66 предприятиях. В одном случае не выплачивалось жалованье, в другом—не была осуществлена премиальная система зарплаты, в третьем—натурпремия не выдавалась 2 месяца и т. д. (Отчет Моск. губпартконференции, июль 1921 г., стр. 26—27.)

ВОПРОСЫ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

28. «Рабочая оппозиция» о кризисе партии

(Из речи тов. Милонова на X съезде РКП)

ЦК партии проглядел самое главное, самое основное,—то, что партия сейчас переживает глубокий партийный кризис. Сущность этого партийного кризиса сводится, по нашему мнению, к тому, что в обстановке мелкобуржуазной страны происходит засорение нашей партии чуждыми ей элементами. Крестьянство, интеллигенция не страшны сами по себе, но они входят в нашу партию, не приняв целиком точку зрения рабочего класса, не выполнив того основного условия, которое ставит наша партийная программа. Из партии отливают здоровые рабочие элементы. Каждый партийный работник с мест знает, как это стихийно проявляется во время наших перерегистраций, производимых на чисто формальных основаниях. На фоне всего этого происходит отвердевание верхушечного слоя, который превращается в слой кастовый. В связи с этими изменениями в организационной стороне нашей партийной жизни происходит некоторое видоизменение в тактической линии партии. Наблюдается предпочтение методов авторитарного руководства центра методу самодеятельности масс. Эти болезненные явления остаются вне поля зрения ЦК партии. Мы согласны с тов. Шляпниковым и тов. Коллонтай в оценке положения, но считаем необходимым оттенить более выпукло, более ярко некоторые основные моменты. Прежде всего, те недочеты, на которые здесь указывали и еще будут указывать, относятся не только и не столько, быть может, к ЦК партии, сколько ко всей нашей партийной организации.

...Тов. Ленин здесь так категорически наклеил рабочей оппозиции ярлычок синдикализма. Психологически его понять нетрудно. Тов. Ленин—председатель Совнаркома, он руководит нашей советской политикой. Очевидно, что всякое движение, откуда бы оно ни исходило, мешающее этой работе управления, и воспринимается как движение мелкобуржуазное и как движение чрезвычайно вредное. (Шум,

смех.) Мне думается, что этот смех является чрезвычайно показательным. Эти течения внутри партии подходят к вопросам партийной жизни с точки зрения людей, накопляющих определенный узкий, специальный опыт партийных работников, в большинстве губкомовских, которые отстаивают точки зрения ЦК, и работников в советских учреждениях, оторванных от гущи широких масс. Это обстоятельство заставляет их подходить к вопросам партийной жизни с точки зрения людей определенной отрасли партийного опыта. Поэтому и проглядывают некоторые явления, которые проглядеть было нельзя, если подходить к вопросу с другой точки зрения. Нам представляется, что сейчас группировки внутри партий являются не простым проявлением зловредности какого-нибудь отдельного лица из рабочей оппозиции, но проявлением обособления друг от друга товарищей, которые часто теперь не могут сговориться. До сих пор в партии боролись три группировки: группировка ЦК, группировка «демократического централизма» и группировка «рабочей оппозиции». Группировка «рабочей оппозиции» старается оформить опыт тех партийных работников, которые вращаются в самой гуще рабочей массы. (Смех.) Оттуда гораздо виднее все недостатки. Оппозиция (?) ЦК является выражением опыта работников руководящего центра, которые видят во многом перебои в работе. На них не могут взглянуть снизу, а смотрят с руководящей, верхней позиции. Группировка «демократического централизма» является выражением партийного и советского опыта той части партии, которая объединяет в руках всякую работу на местах. Работники этой группы сидят в советских учреждениях, видят все недостатки до бесчувствия дошедшего, не в меру развитого централизма. Если мы подойдем к вопросу с настоящей точки зрения, а это можно сделать только тогда, когда мы постараемся выявить социальную базу этих течений, мы видим, что все эти группировки являются не злой волей отдельных лиц, а выражением того, что в партии начинается такое расслоение, такая дифференциация, что эти точки зрения друг с другом не совсем могут примириться. Ленин ставит вопрос так: крестьянство настроено мелкобуржуазно, оно не с нами. На него мы опираться не можем. Рабочий класс подпадает под мелкобуржуазное влияние.

Нужно согласиться, что рабочая оппозиция опирается на рабочий класс. У нас в Самаре три рабочих района. Район, где преобладают советские работники,—не с нами. Те уездные организации, где преобладают крестьянские элементы,—они не с нами. Те уездные организации, в которых преобладают рабочие элементы,—они с нами. То же самое наблюдается, конечно, во всей Республике. (Шум, смех, возгласы: «Ничего подобного!»).

Председатель. Может быть, вы откажетесь от характеристики нашего съезда и Москвы?

Милонов. Опыт значительной части губернских организаций подтверждает, что рабочая оппозиция опирается на рабочие слои. Я могу привести пример: во-первых, Самарская губ., во-вторых, часть Украины, часть Кубанской и часть Донской области. (Протесты с мест.) Как решить такую проблему: раз крестьянство не с нами, раз рабочий класс подпадает под влияние разных мелкобуржуазных анархических элементов, он тоже имеет склонность отойти от нас, на что же может опираться сейчас коммунистическая партия? Здесь придется искать выхода в двух направлениях. Или нужно сказать, как говорят некоторые лица на местах, что рабочий класс в революционной и политической борьбе и социалистическом строительстве является шкурником, и на него опираться нельзя, или же нам нужно сказать, что опираться ни на кого нельзя, как это уже пытался указать тов. Осинский. Получается нелепое положение: мы оказываемся между рабочим классом, который заражен мелкобуржуазными предрассудками, и крестьянством, которое по существу мелкобуржуазно; нельзя же опираться на одно советское и партийное чиновничество?! На это опираться, конечно, нельзя. Тут необходимо констатировать отрыв определенных частей нашей партии от рабочего класса. И не случайно то, что большинство здесь находящихся товарищей смеются, когда говоришь о том, что рабочая оппозиция опирается на здоровые рабочие элементы партии. Они смеются потому, что их опыт заставляет их иначе воспринимать эти явления. Конечно, смеяться можно, но есть опасность, как бы не просмеяться чересчур и не досмеяться до того, когда партия станет перед кризисом в обостренной форме. Потом нужно помнить, что «посмеется хорошо тот, кто посмеется последний». Мы и думаем, что сейчас смеяться над рабочей оппозицией рано, что сейчас нужно признать, что партия находится в состоянии серьезнейшего кризиса, что этого кризиса не видят ЦК партии и господствующее в партии течение, что этот вопрос о кризисе надо поставить во главу угла и способами его излечения нужно заняться.

---

29. «Партия виновата»

(Из прений на X съезде РКП)

Игнатов. Кризис, который переживают партия и республика, не будет изжит, если партия не примет серьезных мер, а эти меры в первую очередь должны заключаться не только в очищении, но и в том,

чтобы партия обратила свое сугубое внимание на рабочий класс, чтобы она подняла опять его творческую инициативу и самодеятельность. Только при таком условии наша партия сможет эти рабочие массы повести вперед. Не надо, товарищи, обманывать себя на этот счет: апатия среди рабочего класса сейчас велика, это хорошо знают товарищи, выступавшие на московских фабриках и заводах. Из этой апатии рабочих надо сейчас вывести, а их можно разбудить, если мы возьмем твердо курс на рабочую демократию.

Бухарин. Игнатов в своем подходе к тому, что происходит сейчас в стране, к роли, которую партия занимает, блестяще подтвердил то основное положение, что основа «рабочей оппозиции» есть отражение мелкобуржуазной идеологии, в частности и крестьянских, полукрестьянских настроений. Он говорит: мы переживаем топливный кризис, хозяйственный кризис, социальный кризис, Кронштадт и целый ряд других вещей. Чем все это он объясняет? Он говорит прямо: виновата партия. Это деревенская Матрена, которая, когда видит, что продотрядчики ограбили крестьянина, говорит: в этом виноват ЦК партии. Когда что-нибудь случится—тиф, эпидемия, появление волков в глухой деревне, хозяйственный кризис, топливный и т. д.,— с точки зрения Игнатова, это объясняется лишь тем, что была неправильна организация нашего партийного аппарата: в самом деле, почему в настоящее время вся определенная неприязнь, которая существует в части рабочего класса, не говоря о крестьянстве, почему она направлена на нашу партию? А потому, что мышление крестьянина и отсталого рабочего чрезвычайно упрощено. Он рассуждает: нет хлеба, нет угля,— в этом виновата коммунистическая партия. Ряд больших событий, то, что мы были столько времени окружены и сейчас переживаем глубочайший социальный сдвиг, изменение в сочетании общественных сил и т. д., все основное, что определяет нашу позицию, что в значительной степени вызывает наши недостатки, все это вне поля зрения тов. Игнатова, этого он не понимает. Что поскольку в партии есть настроения, поскольку организационный аппарат партии был построен неправильно, постольку эти явления обострялись,—этого никто не станет отрицать. От нашего просчета, от нашего неправильного практического подхода происходило обострение всех тех явлений, которые наблюдаются в Советской Республике. Это правильно. Но не это утверждает тов. Игнатов. Он с решительностью взваливает всю вину на наш партийный аппарат, и здесь, я повторяю, он ни на одну минуту, ни на одну секунду не отличается от той мелкобуржуазной стихии, которая точно так же рассуждает. У мелкобуржуазной стихии больших перспектив и теоретических рассуждений не существует: у нее

есть небольшой уголок действительности, за который она со своей ограниченной и тупой точкой зрения не выходит. Точка зрения мещанина в том и заключается, что он не видит горизонта, а видит только то, что у него непосредственно под носом. Дальше этого он не идет и естественно, что всегда просчитывается.

Тов. Игнатов говорит, что мы оторвались от рабочих масс. Виноват ли в этом наш партийный аппарат?.. Безусловно виноват. Но, с другой стороны, тот отрыв, который произошел, и то нарастание недовольства, которое существует, сводимо ли оно только к недостаткам нашего партийного аппарата?.. Ни капли. Здесь тов. Игнатов забывает самое важное, забывает о самом основном—о хлебе насущном. Недовольство среди рабочего класса при самой широкой демократии было бы немного меньше, а если бы хлеба было меньше, чем есть сейчас, то это недовольство было бы в тысячу раз больше. Это всякий не сумасшедший человек должен признать. Основы недовольства—это недостаточное количество хлеба, недостаток предметов первой необходимости, истрепались сапоги и т. д., и т. д. Это основное. Если бы у нас все так было просто, как кажется тов. Игнатову, если бы можно было только переменить Оргбюро, ввести побольше демократии, и у нас не было бы такого ужасного положения, которое есть... А для тов. Игнатова этого не существует, весь центр вопроса у него в том, что партия вела неправильную политику, что она не вела «четкую пролетарскую» политику...

Для каждого марксиста ясно, что причина причин наших бедствий в том, что мы осуществляем коммунизм в отсталой, разоренной крестьянской стране, с колоссальным преобладанием крестьянства, да еще в капиталистическом окружении. Если положение таково, то как же легкомысленно можно не учитывать основного факта, а сводить только все к составу ЦК, к составу Оргбюро. И в этом подходе, не замечающем широких больших общественных причин, в этом—ограниченность и тупость мещанина или хозяйственного мужичка, который видит только то, что около его избы прошел Иван, и этого Ивана он обвиняет во всех бедствиях.

---

30. «Рабочая оппозиция» об «оздоровлении» партии

(Из брошюры А. Коллонтай «Рабочая оппозиция»)

Рабочая оппозиция вместе с группой ответственных работников Москвы [1]) требует во имя оздоровления партии и изгнания из нее вредного бюрократизма—проведения демократических начал не только

---

[1]) Имеется в виду так называемая «группа Игнатова». *Сост.*

в момент передышки, но и в случае обострения внутреннего и внешнего положения. Это первое и основное условие оздоровления партии, возвращения ее к принципам собственной программы, от которой она, под давлением чуждых ей элементов, все более на практике уклоняется.

Второе условие, за которое со всей решительностью стоит рабочая оппозиция—это очистка партии от непролетарских элементов. Чем крепче становится советская власть, тем большее количество чуждых, карьеристских, обывательских, а подчас и прямо враждебных элементов присосеживается к партии. Чистку надо произвести основательную. При чем надо исходить из того, что наиболее революционные элементы не из рабочей среды влились в партию в первый период доoктябрьской революции. Партия должна стать партией рабочей, только тогда она сможет отражать стойко воздействие извне со стороны мелкобуржуазных элементов, крестьянства или привычных слуг капитала—спецов.

Рабочая оппозиция предлагает: перерегистрировать не-рабочих, вошедших в партию после Октября, и исключить всех не-рабочих, вошедших в нее после 1919 г., предоставив им право в 3-месячный срок апеллировать о приеме обратно.

Одновременно следует установить «рабочий стаж» для всех нерабочих элементов, стремящихся вернуться в партию или войти в нее, предложив каждому пробыть известный срок на физической работе, в условиях жизни и труда рабочего.

Третьим решительным шагом к демократизации партии является «орабочение всех центральных органов», другими словами, так составлять губкомы, уездкомы и ЦК партии, чтоб обеспечить в них преобладающее влияние рабочих, связанных непосредственно с массами.

В тесной связи с этим пунктом требований рабочей оппозиции находится и пункт о превращении всех наших партийных центров, начиная от ЦК партии и кончая уездкомами, из органов, руководящих мелочами повседневной советской политики, вмешивающихся в назначения, перемещения и переброску сил с чисто ведомственной точки зрения—в орган контроля над политикой советских аппаратов.

Мы уже отмечали, что кризис нашей партии порождается скрещиванием трех родов тенденций различных по своему составу социальных групп: рабочего класса, крестьянства и мещанства и, наконец, остатков прежней буржуазии в лице спецов, техников и дельцов.

Задачи общегосударственного характера заставляют как местные, так и центральные советские органы, комиссариаты и даже Совнарком и ВЦИК прислушиваться, приноравливаться к трем разнородным группам населения трудреспублики, отчего теряется устойчивость и

чистота классовой линии, носителем которой, в интересах революции, должна остаться наша партия. Соображения «общегосударственные» начинают превышать интересы класса рабочего.

Для того чтоб ЦК и парткомы стояли на стороне чистоты нашей классовой политики и призывали наши советские органы к порядку, каждый раз, когда в советской политике намечается уклон в сторону от программы (например, по вопросу о роли и задачах профсоюзов), необходимо сократить до возможного минимума персональное совместительство руководящих работников в советских органах и партийных центрах. Надо помнить: Советская Россия пока еще представляет собой не однородную по экономическим интересам, а, наоборот, разнородную социальную массу, государственной власти приходится объединять эти подчас противоречивые интересы, выбирать среднюю линию, балансировать.

Для того чтоб ЦК нашей партии стал высшим идейным центром классовой политики, органом мысли и контроля над практической политикой Советов, духовным воплощением основ нашей программы—необходимо, особенно в ЦК, сократить до минимума совместительство членов ЦК и высших органов Советской власти.

С этой целью рабочая оппозиция предлагает: для создания такого рода партийных центров, которые действительно явились бы органами идейного контроля над советскими учреждениями и руководили бы этими последними в выдержанном классовом духе, а также для усиления внутрипартийной работы—провести повсеместно следующее: по меньшей мере одна треть всех наличных членов партийных центров персонально не должна совмещать партийной и советской работы.

Четвертым основным требованием рабочей оппозиции является возвращение нашей партии к принципу выборности.

...Наконец необходимое условие для оздоровления партии и для изживания бюрократизма внутри партии, это—вернуться к тому положению вещей, когда все основные вопросы партийной жизни и советской политики раньше обсуждаются низами, а затем уже суммируются верхами.

---

31. «Демократия—всегда, везде, во что бы то ни стало»

(Из прений на X съезде РКП)

Коллонтай. Наша рабочая оппозиция твердо настаивает, что необходимо не только реорганизовать весь аппарат, но и твердо и ясно сказать, что во все времена, а не только в момент передышки,

необходима система широкого развертывания демократии, доверие к массам и обеспечение свободы мнений для товарищей не только на бумаге, но и фактически. Для этого мы вводим пункт о свободе дискуссий: надо признать за партийными течениями право устраивать дискуссии и дать возможность представителям различных течений защищать свои взгляды, т.-е. издавать на счет ЦК такую вредную брошюру, как изданная мною брошюра «Рабочая оппозиция». Мы настаиваем на необходимости того, чтобы внутри партии имелась фактическая возможность защищать то, что мы считаем верным и правильным.

Игнатов. Мы знаем хорошо, что и в армии обстановка неравенства сказывается еще более ярко и выпукло. (Голос: «Это демагогия». Шум.) Тут никакой демагогии нет, это можно фактами доказать сколько угодно. Всякий, кто был в армии, знает, что в отношении равенства коммунизм не соблюдается ни в армии, ни здесь, в тылу. Это мы должны сказать без всякой демагогии, потому что всякий понимает разницу между коммунистом штаба и окопа, и кто эту разницу хочет прикрыть возгласами «демагогия», тот хочет прикрыть что-то такое, о чем ему не хочется говорить.

Бухарин. Когда товарищи спрашивают: «Скажите, пожалуйста, вы отказываетесь от форм боевого приказа?»,—то я говорю: нет, мы от этого отказываться не можем. Мы Центральному Комитету должны предоставить в полном объеме право ввести снова систему боевых приказов, и если мы очутимся в буквальном смысле слова на осадном положении, то мы не должны дискутировать. Принцип рабочей демократии заключается в дискуссиях, а если мы, очутясь в безвыходном положении, будем дискутировать, то мы продискутируем себя моментально.

Если вода подступит к нам под самое горло, то мы должны будем до минимума сократить дискуссии и до максимума развить отряды особого назначения. Если мы не перейдем от системы дискуссий к отрядам особого назначения, то это есть не марксизм, а есть точка зрения вышеупомянутой дальновидной Матрены.

---

32. Махаевщина в требованиях «рабочей оппозиции»

1. Из статьи тов. Ш. Дволайцкого в «Правде» 16 февраля 1921 г.

В нашу партию проникли вредные карьеристские и шкурнические элементы. Нашу партию необходимо лечить и лечить радикально. Это—очередная задача партийного строительства. Но какие же предлагаются методы лечения?

Тут особенного внимания заслуживают опубликованные в № 31 «Правды» тезисы тов. Игнатова и его группы. Он предлагает прежде всего прекратить доступ в ряды партии всем выходцам из буржуазной среды, за исключением тех, кто работал в подпольи до февраля 1917 г. О каких «выходцах» тут идет речь? Если под ними подразумеваются бывшие капиталисты и помещики, бывшие эксплоататоры, то какие же здесь могут быть разговоры? Их надо самым беспощадным образом гнать в шею. Но в том-то и дело, что тезисы тов. Игнатова имеют в виду не только или, вернее, не столько бывших и настоящих эксплоататоров, сколько интеллигенцию. Ибо «счастье» стать «интеллигентами» в помещичье-буржуазной России имели главным образом выходцы из буржуазной среды. Тов. Игнатов таким образом закрывает доступ в партию многим товарищам, которые на деле доказали свою преданность коммунистической революции и значительной части членов союза коммунистической молодежи, которые, порвав зачастую с семьей, работают в союзе со дня его основания и прочнейшими узами связаны с коммунизмом.

Далее тезисы предлагают произвести перерегистрацию всех нерабоче-крестьянских элементов, вступивших в партию после Октябрьской революции до 1 января 1919 г. Против перерегистрации возражать, конечно, нельзя. Более того, ее надо проводить самым суровым образом. Но тов. Игнатов прибавляет: «вступившие в партию после этого срока автоматически выбывают из нее со дня постановления съезда». Что же это значит? Это значит, что из партии исключается всякий «выходец из буржуазной среды» (читай: интеллигент), даже такой, который верой и правдой служил нашей партии, который прошел через партийную и профессиональную мобилизацию, который сражался на польском и врангелевском фронтах и, быть может, лишился руки или ноги.

Правда, счастливцам из этой категории предоставляется право в продолжение трех месяцев подать вновь заявление о вступлении в партию. Но что этим достигается? Значительная часть честных коммунистов, огульно ошельмованных, отойдет от партии. «Насильно мил не будешь», скажут они и уйдут. А шкурники и карьеристы из породы услужающих сумеют примазаться и к группе тов. Игнатова и будут продолжать в нашей партии делать свое черное дело.

Совершенно чудовищным и неслыханным в нашей партии является требование вводить в состав ЦК, губкомов и т. д. «не менее ⅔ рабочих». В составе нашего Центрального комитета должно быть, таким образом, не менее 13 потомственных пролетариев (именно 13, а не 12, потому что сказано не менее ⅔). Ну, а что, если найдется только

10 рабочих, способных руководить мировой революцией? Тов. Игнатову на это, с позволения сказать, наплевать. Ему нужны «гарантии», а потом выбирай 6 человек по интеллигентской курии Ленина и Троцкого, а 13 человек по рабочей курии.

Спрашивается, как тов. Игнатов и его товарищи могли дойти до такой позиции?

Я усматриваю у них определенный уклон в сторону махаевщины. Сущность махаевщины в ее наиболее упрощенной популярной формулировке заключается в следующем: интеллигент тебе враг, он только и думает о том, чтоб сидеть у тебя на спине и объегоривать тебя, а потому не верь ему и гони в шею. Именно это лежит в основе тезисов тов. Игнатова, как бы он ни старался от этого открещиваться. Ибо в самом деле, почему для очистки нашей партии от всякой сволочи нужно прежде всего гнать интеллигентов, почему не начинать в то же самое время с обнаглевших и безобразничающих комиссаров, вышедших из рабочей среды? Повторяю: поступать так, как это делает тов. Игнатов, значит наперед предполагать, что вся нечисть в нашей партии исключительно только от интеллигенции. А это есть самая подлинная махаевщина.

Тов. Игнатов стыдливо избегает в своих выступлениях слова «интеллигент» и говорит главным образом о нерабочем обывательском элементе (не о тех ли «обывателях», которые угрожают пройти в ЦК?). Но лучшим оселком для испытания подлинной сущности его позиции являются те, кто идет за ним, и кто, позабыв осторожность стыдливых махаевцев, рубит сплеча, на манер антисемитских выступлений Замысловского.

Правда, к вступлению интеллигентского элемента в нашу партию надо относиться с осторожностью. Интеллигент в большинстве случаев обладает бо́льшими знаниями и бо́льшим организационным опытом, чем рабочий. Это дает ему возможность быстрее двигаться по советской иерархической лестнице, а стало быть, с большей легкостью примазываться. Против этого надо бороться повышенными требованиями при поступлении в партию. Можно требовать 10 рекомендаций, можно год держать в кандидатах, но не действовать по-игнатовски, ибо путь Игнатова есть разлагающий путь зловреднейшей махаевщины.

2. Из речи тов. Ярославского на X съезде РКП

Товарищ Шляпников указывает на перерождение партии и, главным образом, он сомневается в том,—подлинные ли рабочие те рабочие, которые находятся под этой рубрикой в наших отчетах. Я думаю, что если поскрести представителей «рабочей оппозиции», то из них многие окажутся такими же «рабочими». У нас теперь принято делать чуть ли

не так, как делают белогвардейцы, когда берут в плен: они смотрят, есть ли мозоли на руках, и если есть, то это значит—настоящий крамольник, большевик. У некоторых товарищей приблизительно такое же отношение. Когда люди десятки лет,—например тов. Ногин и многие другие,—когда люди десятки лет работают в партии и оторвались от станка, про них говорят, что они не рабочие или что-нибудь в этом роде. Тов. Ногин, который с детства был рабочим, а затем стал членом рабочей партии,—и это была исключительная его профессия в течение долгого времени,—не принадлежит к «рабочей оппозиции»! (Рязанов: Он излечился от «рабочей оппозиции».) Тов. Рязанов, например, который хвастал, что он может 18-фунтовым молотом работать и выдерживает в молотобойстве любую пробу, он не может принадлежать к «рабочей оппозиции», он—интеллигент и т. д. Пора прекратить это подыгрывание под «рабочую оппозицию», эту игру в махаевщину!

33. Следует ли партии «очиститься от крестьян»?

1. Из речи тов. Ярославского на X съезде РКП

Если бы мы придерживались предложений «рабочей оппозиции», то мы должны были бы не только выкинуть половину членов нашей партии, не из рядов индустриального пролетариата, вступивших недавно, мы должны были бы фактически прекратить всякую работу в целом ряде областей, мы должны были бы сказать нашим якутским товарищам: «Так как у вас чистого пролетариата почти нет, то вы коммунистической партии там не стройте, а если нужны настоящие коммунисты, привезите их из Москвы, из «рабочей оппозиции», и там посадите». В целом ряде местностей Сибири, где исключительно крестьянское население,—нужна коммунистическая партия или нет? Если об этом вы спросите наших теоретиков-марксистов, то они скажут, что вопрос о переходе к социализму, к коммунизму в крестьянской среде зависит от того, насколько мы сумеем в этот переходный период привлечь на свою сторону,—не только нейтрализовать крестьянство, но привлечь хотя бы известную часть крестьян, сделать их сторонниками проведения коммунистических мер,—а такие сторонники у нас есть, они крестьяне-собственники, но подчас великолепнейшие работники, они доказали свою преданность нам во время революции. И нам предлагают просто-напросто очиститься от них, как очиститься от той молодежи, которая сейчас к нам идет в партию, которая пришла в 1920 и в 1919 г.г.

Есть целый ряд проектов. Великоустюжская организация додума-

лась до того, чтобы очистить партию от мелкобуржуазных элементов, путем перерегистрации вступивших в партию с момента Октябрьской революции и до 1 января 1919 года: «Вступившие в это время считаются автоматически выбывшими из партии». Т.-е. мы сейчас должны уничтожить, например, в Сибири ту слабую опору, которую мы там имеем, должны распустить наши коммунистические отряды, которые помогали раздавить контр-революцию в Сибири, потому что они состоят из молодых коммунистов, хотя и доказавших свою преданность. На этот путь мы стать не можем.

2. Из речи тов. Зиновьева на XI съезде РКП

Взаимоотношения рабочего класса с крестьянством, разумеется, отражаются на взаимоотношениях в нашей партии. Хорошо или плохо, что у нас в составе партии около 25% крестьянства? Я на этот вопрос отвечу вопросом. Я спрашиваю вас: можем мы построить Красную армию, не принимая в свои ряды через Красную армию все то, что там выделяется лучшего, в нашу партию? Откуда пришли эти крестьяне в партию? Приход начался в 1917 г., после Октября. Он шел отчасти через комбеды, а главным образом, через Красную армию, через командные курсы Красной армии, которые так необходимы и которыми мы так гордимся. Это элемент полукрестьянский, полурабочий, который во многих отношениях более отстал, чем промышленный пролетарий. Мы же прошли огонь и медные трубы. Все эти минусы мы должны видеть, и вся партия в целом должна спешить на помощь отсталому слою, чтобы помочь ему изжить все те слабости, которые у него есть. Но может ли наша партия отказаться от приема в нашу партию этого слоя, который идет через Красную армию, командные курсы и комитеты деревенской бедноты? Нет, не может и не должна! В этом наша сила, что мы получили через этот слой связь с лучшей частью деревни, что стали партией не только городов, но и деревни. Думаю, что наша партия может остаться тем, чем есть, и что она может правильно координировать основы взаимоотношения рабочего класса с крестьянством.

---

34. «Рабочая оппозиция» противопоставляет себя партии

а) Травля «партийных чиновников»

(Из речи тов. Ем. Ярославского на X съезде РКП)

Я особенно хотел бы предостеречь против тех приемов, которые практикуются «рабочей оппозицией». Тов. Милонов дал нам хороший образец этих приемов, когда он тов. Ленина назвал... самым большим

«чиновником». Нам пришлось в Омске иметь дело с «рабочей оппозицией», которая говорила, что член ЦК тов. Смирнов не должен быть избран в председатели собрания, потому что он «чиновник». Такое отношение к тем «чиновникам», которые ставятся ЦК и которые нами самими избираются на съездах, воспринимается недовольными массами стихийно.

б) «Мы требуем права защищать революцию»

(Из речи тов. А. Коллонтай на X съезде РКП)

Не забудьте, товарищи, что рабочая оппозиция связана с широкими рабочими массами. Товарищи, вы знаете о том, что не было никогда случая, когда бы рабочая оппозиция отказывалась от работы и не шла бы туда, куда ее посылают. На Кронштадт кто первый откликнулся, кто первый поехал туда, как не представители рабочей оппозиции? И повторяю дальше: когда нужно, мы умеем подчиниться партии и исполнить наш долг во имя коммунизма, во имя мировой рабочей революции. Мы требуем поэтому и права, как четко классовая рабочая партия, защищать интересы пролетарской революции. (Шум.)

Председатель. Товарищи, я должен указать, что наша партия не дошла до такого положения, чтобы кто-либо из членов партии мог хвастать, что он первый откликнулся и пошел в момент опасности.

в) «Партсъезд и Ленин—за мелкую буржуазию».

(Из речи тов. Медведева на X съезде РКП)

Мы не обманываем себя и относительно того намека, который сделал тов. Ленин, что предложенные им резолюции встретят одобрение громадного, подавляющего большинства нашего съезда. Мы не сомневаемся и в этом. Классовый состав нашей партии, с преобладанием в ней мелкобуржуазных слоев, громадное количество представителей этих слоев и на настоящем съезде,—все это вполне объясняет, что иначе и быть не может.

г) «Мы» и «они»

(Из речи тов. Троцкого на XI съезде РКП)

Шляпников говорил: нам не пришлось бы делать этого маневра, этого отступления, если бы мы не равнялись фронтом (тов. Медведев, вы сказали это более ярко!) по крестьянству. Шляпников далее сказал: «Беда не в том, что мы не умеем управлять, не умеем хозяй-

ничать, а при новой экономической политике—и торговать; беда в том, что нам не дают средств»...

Такая постановка вопроса, по-моему, прямо проклятие всей позиции Шляпникова. Кому не дают средств?! Идет ли речь о том, что ЦК не дает средств группе Шляпникова для каких-то хозяйственных предприятий? Я лично готов был бы внести предложение в ЦК дать Шляпникову,—в условиях новой экономической политики, когда уже контролирует не контролер, который знает меньше, чем Шляпников, а когда контролирует рынок,—дать ему завод, группу заводов. Это послужило бы ему к убийственной самопроверке.

...В этой позиции: «мы» и «они» есть основной грех и основное преступление политической позиции тов. Шляпникова.

В частности, это особенно ярко вырисовалось в том, что Шляпников предстал перед Коммунистическим Интернационалом с своими бумажками—с этими жалобами, что мы могли бы паровозы строить лучше, а их покупают за границей. Я не уверен, что заграничные паровозы хороши, что здесь их нельзя было бы сделать. Отчасти можно было бы и у нас сделать. Возможно, что здесь сделана крупная ошибка. Но это может быть проверено компетентными органами,—теми, которые знают, сколько паровоз стоит за границей. Вы, может быть, скажете, что у нас нет вполне компетентных органов? К сожалению, вполне и безусловно компетентных нет. Компетентность как раз и приобретается тем путем, что сперва делают плохие заказы. Но если бы партийный съезд, имея полное право создавать комиссии для разбора всех вопросов, вздумал ближе заняться паровозами, это было бы слияние партийной организации с советской, которое, расхищая бо́льшую часть сил, не даст необходимых результатов. Обращаясь к Коммунистическому Интернационалу, Шляпников безусловно в праве был это сделать. Это ЦК заявил. Всякая часть партии, которая исчерпала, с ее точки зрения, внутрипартийные методы борьбы за свои взгляды, имеет право обратиться к Коммунистическому Интернационалу. Так поступила в свое время немецкая партия, так поступила французская партия, так поступила группа бывшей «рабочей оппозиции»,—одна ее часть.

И Коминтерн ответил, что вы правильно поступили, что обратились к ним. Формально—это правильно. Но вы, товарищи, находитесь на ложном пути; вы говорите о трудностях обстановки, вы исходите из этих трудностей, которые ваша партия знает, но вы не делаете конкретных деловых предложений ни по отношению к социальному составу партии, ни по отношению к хозяйственной политике: и вы ставите себя по отношению к партии в положение—«мы» и «они»,

как если бы у вас была какая-либо другая партия в запасе!.. Это есть политика, которая в своем логическом развитии угрожает, говоря словами резолюции Коминтерна, поставить вас вне партии, вне Интернационала.

...Всякое заявление в таком роде: «мы» и «они», где заявляющий выступает перед лицом широкой партийной и беспартийной рабочей массы, придает критике характер и тон такого свойства, что она неизбежно и немедленно становится материалом в руках нашего прямого классового врага. Это не случайно, что радиостанция польского правительства разослала по всему миру извлечение из брошюры тов. Мясникова, исключенного из партии. Это не случайность, что брошюра тов. Мясникова послужила немедленно материалом для фельетона Чернова, передовых статей Мартова, Милюкова. Вы знаете, что брошюра тов. Коллонтай была цитирована за границей сколько угодно еще до передовой статьи в «Правде», которая была необходима, чтобы поставить партию в известность, особенно ту ее часть, которая имела неправильный подход, недостаточно истолковала смысл этого.

Тов. Медведев говорит, что положение трудное—умирают, голодают и т. д.

А вот перед тем, как мне выступить, во время перерыва, ко мне подошел товарищ, которого я знаю давно по разным фронтам, как одного из лучших наших работников, и сообщил, что у него на Волге умерли от голода мать и сестра. Такие случаи вряд ли редки! Это был работник, который заведывал у нас политотделом армии, один из виднейших партийных работников. Я спрашиваю его: «Как же так, товарищ,—неужели вы не нашли пути оказать им помощь?» А он отвечает: «Я и сам не знал». Вот факт. Факт, конечно, глубоко трагичный. Да, тут наша косноружость, неуменье, наша проклятая почта, как и все, у нас неорганизованная,—можно за волосы схватиться и воскликнуть: «Чорт возьми, надо что-нибудь сделать, что-нибудь предпринять!». Но поставьте себя в положение «мы» и «они»: с одной стороны, дескать, Центральный комитет, а с другой стороны—вот какие факты происходят. Это уже будет значить — бедственное положение страны эксплоатировать для знамени, которое может стать знаменем Кронштадта — только Кронштадта!

И я думаю, что здесь необходимо абсолютно ясно и твердо, после предостережений Коминтерна, упразднить самую возможность такой постановки вопроса—«мы» и «они».

В. «РАБОЧАЯ ОППОЗИЦИЯ» КАК АНАРХОСИНДИКАЛИСТСКИЙ УКЛОН

В истории русского массового рабочего движения ни анархизм, ни синдикализм не играли никогда сколько-нибудь значительной роли. Уже при своем зарождении большевизм «воспринял... традицию беспощадной борьбы с мелкобуржуазной анархической (или способной заигрывать с анархизмом) революционностью» [1]). Нужны были условия тягчайшего кризиса 1920—1921 г.г., нужен был небывалый разлив мелкобуржуазной стихии в стране; нужно было, чтоб эта стихия не только прорывалась в виде открытых восстаний (Кронштадт), но проникла и в самые ряды партии,—чтоб в рядах РКП оказалось возможным такое явление, как анархосиндикалистский уклон.

В 1920—1921 г.г. все кризисы, нависшие над советской страной, были готовы слиться в хозяйственную катастрофу, которая должна была бы неминуемо перерасти в катастрофу политическую. Развал промышленности дошел до крайних пределов: ее продукция составляла каких-нибудь 15% довоенной [2]). Производительность труда упала до-нельзя. Агония фабрик и заводов толкала рабочих на точку зрения мелкого буржуа. Жалкий паек мог быть компенсирован только расхищением заводского инвентаря, производством «зажигалок», работой на стороне, спекуляцией привезенными из деревни продуктами. Рабочий сплошь и рядом превращался в полукустаря, в полуторговца или попросту бежал с фабрики в деревню. Рыночная стихия захватила и часть рабочих; вчерашний крестьянин брал в них верх; рабочие настраивались равно-

---

1) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 125.

2) Особенно разительны цифры по ряду важнейших отраслей (1920 г.): производство паровозов упало до 14,8%, вагонов—до 4,2%, сахара—до 6,7%, бумажной пряжи—до 5,1%, добыча руд—до 1,7% (по отношению к 1913 г.) и т. д. В 1921 г. положение в общем ухудшилось.

душно или враждебно к интересам производства, к задачам пролетарской борьбы. Классовая деморализация, шкурничество, крестьянские и открыто кронштадтские настроения в среде части рабочих, короче— деклассирование рабочего класса—вот почва, которая оказалась благоприятной для эсеро-меньшевистского посева. Но на этой же почве выросла и «рабочая оппозиция».

Развал промышленности и его последствия были только одной стороной общего кризиса. Сюда надо присоединить всю сумму испытаний, которые обрушились на страну и партию. Сельское хозяйство переживало острейший кризис: посевная площадь упала больше чем на одну треть, урожайность шла на убыль, гибли скотоводство и специальные культуры. Колоссальнейшие трудности вызвала демобилизация армии после окончания гражданской войны. Топливные, продовольственные, транспортные затруднения—все это толкало страну на край пропасти. В этой обстановке «рабочая оппозиция» означала не что иное, как мелкобуржуазный бунт внутри партии.

Идеология этого бунта не случайно приняла анархистскую и синдикалистскую окраску.

Главный лозунг мелкобуржуазной стихии—«долой партию». Кронштадтские повстанцы были «за советы, но без коммунистов». Синдикализм на Западе всегда стоял за всевластие профсоюзов, но против существования партии. «Рабочая оппозиция» боролась за господство профсоюзов, но освобожденных от партийной «опеки».

Главная черта мелкобуржуазной стихии—ее анархичность, ее ненависть ко всякой организации, ко всякой дисциплине. Анархисты и синдикалисты всех стран всегда боролись за безвластие, за анархию, против государства, против всякой «авторитарности» и централизации. «Рабочая оппозиция» громила «бюрократически-государственный» аппарат, громила «авторитарный» ЦК, требовала всегда, везде и во что бы ни стало демократии. «Рабочая оппозиция» возвела партизанщину в высший принцип организации, забывая, что тот, «кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» (Ленин).

Разлив мелкобуржуазных настроений в стране объясняет происхождение анархосиндикалистских черт «рабочей оппозиции» 1920—1921 г.г. И наоборот—эти черты выдают с головой связь оппозиции с той социальной стихией, политическими испарениями которой «рабочая оппозиция» жила. Правильная ленинская политика партии приостановила деклассирование рабочих рядов, вывела страну из тисков кризиса, подняла промышленность и сельское хозяйство, укрепила партийные ряды. Первые успехи нэпа означали крах анархосиндикалистских тенденций в рядах РКП.

---

35. Социальные корни «рабочей оппозиции»

1. Из речи тов. Ярославского на X съезде РКП

Формулировки, какие были даны группой «рабочей оппозиции» и группой «демократического централизма», оказались нам сравнительно хорошо знакомыми формулировками тех оппозиций, которые мы у себя наблюдали на местах, хотя там они и не носили названия «рабочей оппозиции» и т. д. Я вполне согласен с товарищем, который указывает, что крестьянская оппозиция, которая у нас на местах наблюдается и которая выливается в Алтайской и других губерниях в виде партизанщины, она в сущности корнями входит туда, куда входит и «рабочая оппозиция»: она коренится в усталости рабочих и крестьянских масс и недовольстве тем тяжелым положением, в которое ставит их переходный период; она коренится в том, что рабочие и крестьяне ожидали гораздо более быстрого темпа развития революции и менее болезненного перехода к социализму и коммунизму. И именно потому, что этот переходный период тянется долго, именно потому, что он болезненный, усталые части рабочего класса и крестьянства, которые пока еще не ощущают благ этой революции, а несут лишь тяготы, выступают, поскольку они имеются в нашей партии, с такого рода протестами, которые в сущности являются отражением недовольства, существующего в широкой беспартийной массе. Тяжесть настоящего периода, как это бывало и раньше, в периоды наиболее обостренного положения рабочего класса, выдвигает не новые рецепты, а те же старые. Мне припоминается, как в 1903 году к нам в Петербург из-за границы приезжали сторонники другого течения,—не тов. Шляпникова, не Сапронова, а другого, которое называлось меньшевизмом, и говорили, что нам в условиях совершенно неподходящих во что бы то ни стало надо осуществить принцип демократического централизма и выборности. Затем мне припоминается, как годы 1904 и 1905 были годами развития у нас в рабочем движении махаевщины, которая была направлена против интеллигенции, против выходцев из буржуазной среды, отдающих

свои силы рабочему классу. Когда мы сейчас покопаемся, то найдем то же самое в словах товарищей из «рабочей оппозиции». Товарищи обижаются, что их сваливают в одну кучу с анархистами и синдикалистами. Но что же поделаешь, когда факты таковы!

2. Из доклада тов. Бухарина на X съезде РКП

Я выставляю положение, что группировка, которая называет себя «рабочей оппозицией», это на самом деле не рабочая оппозиция, а прежде всего крестьянская оппозиция, как это ни странно, и как ни будут товарищи-металлисты, вроде Шляпникова, это оспаривать. Дело заключается вовсе не в субъективных желаниях верхушек рабочих кругов, «рабочей оппозиции». Дело не в этом. Мы знаем, что Энгельс был сыном фабриканта, и тем не менее Энгельс был одним из основателей научного социализма. Само собой разумеется, что его классовое происхождение ни капли не определяло того объективного исторического содержания, которое имелось во всем учении «Коммунистического Манифеста». То обстоятельство, что целый ряд лиц нашей партии, вроде Шляпникова, являются потомственными почетными пролетариями, равно как и субъективные намерения тов. Шляпникова, ни капли не решают вопроса об объективном смысле группировки, которая называется «рабочей оппозицией». Если вы посмотрите с точки зрения объективной роли ее, вы сразу увидите, какова объективная роль «рабочей оппозиции» внутри нашей партии. В то же самое время нужно сказать, что там есть различные оттенки различных группировок, и, несомненно, есть и очень здоровые элементы.

Но, в общем и целом, именно крестьянская идеология сквозит в ошибках и уклонах, которые имеются в группировке «рабочей оппозиции». Ею упущено различие между классовыми группировками и между различными группировками и внутри рабочего класса и внутри страны, различие между рабочими крестьянами и различие между различными слоями пролетариата. Это совершенно ясно. Когда требуют, например, всеобщего съезда «производителей», который держит на себе все,— что это означает? А это означает отсутствие понимания различия между передовым авангардом рабочего класса и в значительной степени окрестьянившейся массой этого рабочего класса. Если вы требуете абсолютного демократизма и для окрестьянившейся массы рабочего класса, которая выступает с требованием свободы торговли и с целым рядом таких же требований, то что вы этим сами признаете? Вы сами, вероятно, признаете, что это есть выражение этого самого напора мелкобуржуазной стихии.

...Но товарищи из группы «рабочей оппозиции» как раз стоят на той точке зрения, что они требованием абсолютнейшего демократизма, без различия «пола и возраста», без различия аппаратов, этим шагом демократизма должны осчастливить все группировки, имеющиеся среди рабочего класса, и тем самым они объективно идут по линии той мелкобуржуазной волны,—я подчеркиваю это изо всех сил,—которая хлещет против нас и через определенные группировки рабочего класса. Вот это, товарищи, нужно понять.

Когда мы оцениваем, скажем, кронштадтские события, разве для нас главным образом опасно то, что генерал Козловский и эсеры подняли военный мятеж в Кронштадте? Разве это является для нас самым опасным? Нет, товарищи, самым опасным для нас является то, что в момент, когда от пролетариата требуется величайшее напряжение, у нас среди московских рабочих собирается конференция кожевников, которая выносит эсеровскую резолюцию, собирается конференция беспартийных металлистов, которая выносит тоже эсеровскую резолюцию. В этом заключается опасность, и в этом мелкобуржуазная зараза, которая захватила в своей гангренозной форме и часть рабочего класса. В этом заключается наибольшая опасность текущего момента, а вовсе не в том, что тот или другой генерал поднял военное восстание.

И вот, представьте себе, если мы не будем сейчас чрезвычайно умно и рассчитанно вести свою политику, мы можем быть захлестнуты волной, которая в значительной степени опирается на прослойки среди беспартийных рабочих, которые подчинились процессу окрестьянивания. Это нужно понять и в этом нужно видеть самую крупную опасность текущего момента.

---

36. О термине «производитель»

(Из прений на X съезде РКП)

Шляпников. Тов. Зиновьев в одном из номеров «Правды» над этим словом очень,—вероятно, он думает, остроумно,—издевался, говоря, что в данном случае мы гонимся за модным словечком. Я должен сказать, что слово «производитель» изобретено не нами. Это слово довольно часто употребляется в нашей марксистской литературе, и Энгельс является автором этого слова. (Голос с места: «И вождем «рабочей оппозиции».) У Энгельса в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» имеется следующая фраза: «Общество, которое вновь организует промышленность на основании свободной равноправной ассоциации всех производителей, и т. д.». Вот

чем мы руководствовались, внося в наши тезисы слово «производители». (Шум.) И поэтому напрасны в этом отношении все ухищрения тов. Зиновьева,—представить это слово в каком-то уродливом виде и его запросы, почему мы не сказали просто «рабочие», почему нужен был «производитель», а не просто рабочий. Но я должен сказать, если бы мы были «махаевцами», мы говорили бы только о рабочих. Понятие «производитель» шире, а суживая его, вы нас толкаете в «махаевщину». Мы этим словом обнимаем совокупность всех людей, занятых в производстве.

Ленин. Что касается синдикалистского уклона, достаточно сказать два слова Шляпникову, ссылавшемуся на то, что «всероссийский съезд производителей», о котором написано буквально черным по белому в их платформе и подтверждено Коллонтай, что это будто бы может быть защищено ссылкой на Энгельса—это смешно. Энгельс говорит о коммунистическом обществе. Там не остается классов,—там будут производители. А сейчас у нас есть классы? Есть! Сейчас у нас есть борьба классов? Самая бешеная! И в момент самой бешеной борьбы классов приходить и говорить «всероссийский съезд производителей»,—что это, как не синдикалистский уклон, который надо решительно и окончательно осудить?!

---

37. Синдикалистские тенденции «рабочей оппозиции»

(Из речи тов. Бухарина на X съезде РКП)

Тов. Шляпников здесь ссылается на Энгельса, но мне кажется, что ему лучше было бы сослаться на Прудона. Вся его аргументация ничем не отличается от идеологии, которую по праву можно действительно назвать синдикалистской. В самом деле, тов. Шляпников выдумал чрезвычайно острый метод доказательства, который в логическом развитии привел к тому, что определение синдикализма заключается в том, что синдикалист есть человек, который желает овладеть производством без завоевания рабочими государственной власти в капиталистическом обществе. Я спрошу тов. Шляпникова: представим себе, что происходит революция. Что же, синдикалисты с этого момента исчезают, что ли? Что, их кто-нибудь физически вырезывает? Синдикалисты после завоевания не-синдикалистами государственной власти остаются, и поскольку они остаются, постольку их синдикалистские тенденции приобретают несколько иную формулировку. Они ищут себе этой формулировки, и в ней их синдикализм неизбежно должен сказаться.

Та цитата Энгельса, о которой говорит Шляпников, не идет абсо-

лютно к делу, потому что речь у Энгельса идет вовсе не об обществе эпохи переходного периода, не об обществе во время пролетарской диктатуры, а у Энгельса соответствующая цитата относится к сложившемуся коммунистическому обществу.

Теперь я должен сказать, как же проявляется синдикалистская тенденция у «рабочей оппозиции»? Я беру документ, который называется: «Дополнение к тезисам «рабочей оппозиции»: «о задачах профсоюзов». Прошу очень внимательно слушать место, которое я прочту. Это привезено с родины тов. Александра Гавриловича Шляпникова, из Владимирской губернии. Здесь значится: «В развитие тезисов; одобрено тов. Шляпниковым»,—это напоминает, как раньше писалось на книгах: «одобрено цензурой», и здесь в § 8-м я читаю следующее: «прекращение военной борьбы все внимание рабочих масс направило па организацию общества и его хозяйственной основы; в пролетариате как классе, влекомом классовым инстинктом, назревает определенная потребность в социалистической организации общества и производства, стремление к дальнейшему развертыванию революции, поэтому современный консервативный курс, видящий только производственную сторону и берущийся государственным путем вывести общество из производственной разрухи, создает оппозиционное отношение в рабочей массе и толкает ее на путь активного протеста».

Значит отсюда вытекает следующее: если в эпоху пролетарской диктатуры пролетариат государственным путем хочет выйти из разрухи, то это чрезвычайно вредно. Вот смысл этой тенденции. «Дополнение», одобренное тов. Шляпниковым, видит в этом государственном курсе основное зло. Что же это такое, как не другая одежда, другой сюртук, надетый синдикалистами?!

...Мне кажется, что в этих параграфах тенденции, развиваемые «рабочей оппозицией», нашли одно из наиболее ярких выражений, и стоит только взглянуть на них, чтобы увидеть, в чем здесь корень. Корень заключается в том, что, по мнению владимирцев, пролетариат не путем государственной власти выводит общество из разрухи. А отсюда понятны уже и второстепенные выводы.

---

38. «Синдикалистский вздор»—угроза диктатуре пролетариата

(Из доклада Ленина на фракции II съезда горнорабочих)

С синдикализмом боролись марксисты во всем свете. Больше 20 лет мы боремся в партии, мы доказали делом, а не словом рабочим, что партия—штука особая, что она требует людей сознательных, готовых к самопожертвованию, что она делает ошибки, но их исправляет, что

она руководит и подбирает людей, которые знали бы, какой путь нам еще предстоит, через какие препятствия мы должны еще пройти. Она не обманывает рабочих.

...Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это—сказки, что у нас миллионы рабочих, профессионально организованных, переживают то, что мы говорили. Для них профсоюзы есть школа коммунизма и управления. Когда пробудут в школе этой годы, они научатся, но это идет медленно. Мы даже неграмотность не ликвидировали. Мы знаем, как рабочие, связанные с крестьянами, поддаются на непролетарские лозунги. Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только. Если мы скажем, что не партия проводит кандидатуры и направляет работу, а профсоюзы сами, то это будет звучать очень демократично, на этом, может быть, можно поймать голоса, но не надолго. Это губит диктатуру пролетариата.

Прочтите решения II съезда Коминтерна. Его постановления и решения обошли весь мир. Недавно съезд социалистов во Франции показал, что мы в этой стране, полной самого большого шовинизма, завоевали большинство, партию раскололи, гнилых вождей выкинули вон и сделали это против синдикалистов. И они все приняли нашу теорию, все лучшие рабочие, все лучшие вожди. Даже синдикалисты во всем мире, революционные синдикалисты, приходят к нам. Я сам видел американских синдикалистов, которые побывали у нас и теперь говорят: «А в самом деле, без партии управлять пролетариатом нельзя!». Вы это знаете фактически. И бросаться в объятия синдикализма, говорить об обязательных кандидатурах, о всероссийских съездах «производителей» совершенно неуместно пролетариату. Это опасно, это подрывает руководящую роль партии.

Чтобы управлять, надо иметь армию закаленных революционеров-коммунистов. Она есть, она называется партией. Весь синдикалистский вздор, обязательные кандидатуры «производителей»—все это нужно бросить в корзину для ненужной бумаги. Если на этот путь итти, это на деле означает—«партию по-боку,—на деле диктатуры пролетариата в России не может быть».

II Всероссийский съезд горнорабочих состоялся 25 января—1 февраля 1921 г. Перед открытием съезда, 23 января, на заседании фракции съезда состоялась дискуссия по вопросу о роли и задачах профсоюзов. С докладами выступили Ленин, Троцкий и Шляпников. После оживленных прений и заключительных слов всех трех докладчиков состоялось голосование, которое дало следующие результаты: за тезисы Ленина—137 голосов, Шляпникова—61 голос, Троцкого—8 голосов. Ни доклад, ни заключительное слово Ленина в «Собрание сочинений» (1-е изд.) не вошли, но напечатаны в бюллетене съезда.

39. Анархосиндикалистский уклон в РКП(б)

(Речь и заключительное слово тов. Ленина на X съезде РКП)

Товарищи, мне думается, что много говорить по этому вопросу не будет надобности, так как весь наш съезд по всем вопросам подходил уже к тем темам, о которых теперь надо сказать официально от имени съезда партии, значит от имени всей партии. Что касается резолюции о единстве, то она в значительной своей части содержит в себе характеристику политического положения. Вы, конечно, все читали розданный печатный текст.

Перехожу к резолюции о синдикалистских и анархистских уклонениях. Здесь мы имеем вопрос, который был затронут пунктом 4-м порядка дня съезда. Гвоздем всей резолюции является определение нашего отношения к некоторым течениям мысли, к уклонам мысли. Говоря «уклонам», мы тем самым подчеркиваем, что еще не видим здесь ничего окончательно оформившегося, ничего безусловного и вполне определенного, а лишь начало такого политического направления, которое не может оставаться без оценки партии.

В тезисах, предложенных «рабочей оппозицией», имеется пункт: «Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединенных в профессиональные производственные союзы, которые избирают центральные органы, управляющие всем народным хозяйством республики». Мы уже неоднократно говорили на съезде об этом пункте (как на частных совещаниях, так и на общих заседаниях съезда). Мне кажется, что мы уже там выяснили, что защищать этот пункт ссылкой на то, что у Энгельса есть рассуждение об объединении производителей, ни в коем случае нельзя, ибо совершенно очевидно, и точная справка со всем соответствующим местом устанавливает, что речь идет о коммунистическом обществе, где не будет классов. Это для нас всех бесспорно. Когда в обществе не будет классов, тогда в обществе останутся только производители-работники. И мы прекрасно знаем из всех произведений Маркса и Энгельса, что они точнейшим образом различают тот период, когда классы еще есть, и—когда их уже не будет. Мысли, речи и предположения об исчезновении классов до коммунизма Маркс и Энгельс высмеивали беспощадно и говорили, что только коммунизм есть уничтожение классов.

Мы пришли в такое положение, когда первые поставили практический вопрос об этом уничтожении классов, и в стране крестьянской

остались сейчас с двумя основными классами—рабочим классом и крестьянством. На-ряду с ними целые группы остатков и пережитков капитализма.

Наша программа определенно говорит, что мы делаем первые шаги, что мы будем иметь целый ряд переходных ступеней.

Мы прекрасно знаем, что у нас классы остались и останутся долго, что в стране с преобладающим крестьянским населением они неминуемо останутся долго, много лет. Минимальный срок, в течение которого можно было бы так наладить крупную промышленность, чтобы она создала фонд для подчинения себе сельского хозяйства, исчисляется в десять лет. Этот срок—минимальный, при неслыханно благоприятных технических условиях. Мы же знаем, что мы находимся в условиях неслыханно неблагоприятных. План построения России на современных основах современной крупной промышленности мы имеем,—это план электрификации, разработанный научными силами. Там минимальный срок устанавливается десятилетний, предполагая в основе условия, сколько-нибудь приближающиеся к нормальным. Но мы прекрасно знаем, что налицо их нет. Значит, десятилетие—срок несравненно более краткий. Итак, возможно такое положение, что остаются классы, враждебные пролетариату. Потом будет бесклассовое общество. Маркс и Энгельс беспощадно боролись с людьми, которые забывали о различии классов, говорили о производителях, о народе или о трудящихся вообще. Кто сколько-нибудь знает произведения Маркса и Энгельса, тот не может забыть, что через все эти произведения проходит высмеивание тех, кто говорит о производителях, о народе, о трудящихся вообще. Нет трудящихся вообще или работающих вообще, а есть либо владеющий средством производства мелкий хозяйчик, у которого вся психология и все навыки жизни капиталистические,—которые и не могут быть другими,—либо наемный рабочий. Если мы подошли к этому вопросу через три года нашей борьбы, испытав применение политической власти пролетариата, когда мы знаем, какие громадные трудности существуют в соотношениях между классами, когда они еще остались, когда остатки буржуазии наблюдаются еще во всех щелях нашей жизни, внутри советских учреждений,—при таких условиях возникновение у нас платформы с тезисами, мною прочитанными, представляет явный и очевидный уклон синдикалистскоанархический. Эти слова не чрезмерные, они обдуманы. Уклон не есть еще готовое течение. Уклон, это есть то, что можно поправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно. Это, на мой взгляд, и выражается русским словом «уклон». Это подчеркивание того, что тут еще нет

чего-либо окончательного, подчеркивание того, что дело — легко поправимое, это желание предостеречь и поставить вопрос во всей полноте и принципиально. Если кто-либо найдет русское слово, более выражающее эту мысль,— пожалуйста. Я надеюсь, что мы из-за слова спорить не станем, а по сути дела мы разбираем этот тезис, как основной, чтобы не бросаться за массой подобных же идей, которых у группы «рабочей оппозиции» имеется очень много. Это предоставим разбирать нашим литераторам, а также руководителям этого течения, ибо в конце резолюции мы специально говорим, что в специальных изданиях, сборниках можно и должно уделить место более обстоятельному обмену мнений членов партии по всем указанным вопросам. Нам сейчас не до того, чтобы откладывать этот вопрос. Мы—партия, борющаяся в условиях обостренных трудностей. Мы должны сказать себе: чтобы единство было прочным, нужно, чтобы был осужден определенный уклон. Раз он наметился, нужно его выявить и обсудить. Но если обстоятельная дискуссия— милости просим, у нас найдутся люди, которые приведут детально всю литературу, и, если нужно и уместно, мы поставим этот вопрос и в интернациональном масштабе, так как вы слышали сейчас в докладе Коминтерна и вы все знаете и о наличии известного уклона в левизну в рядах революционного международного рабочего движения. Уклон, о котором мы сейчас говорим, это то же самое, что анархистский уклон у немецкой коммунистической рабочей партии, борьба которой ясно выявилась на предыдущем съезде Коминтерна. Слова, которые там употреблялись для его оценки, были часто более резкими, чем слово «уклон». Вы знаете, что это—вопрос интернациональный. Поэтому покончить с ним в **таком** смысле—не дискуссируй больше и конец— было бы неправильным. Но одно дело теоретическая дискуссия, другое дело—политическая жизнь партии, политическая борьба. Мы—не дискуссионный клуб. Издавать сборники, специальные издания мы, конечно, можем и будем, но мы должны прежде всего бороться в самых трудных условиях, и поэтому должны сплотиться воедино. Если при этом в политическую дискуссию, в политическую борьбу будут вмешиваться предложения вроде организации всероссийского съезда производителей, мы не можем тогда итти дружно и сплоченно; это не та политика, которую мы на несколько лет себе определили. Это— политика, которая сбивала бы дружную работу партии, и эта политика не только теоретически неверна, она неверна потому, что неверно определяет отношения между классами,—то коренное и основное, без чего нет марксизма, и о чем вынес резолюцию второй съезд Коминтерна. Момент сейчас такой, что стихия беспартийная поддается

тем мелкобуржуазным колебаниям, которые при современном экономическом положении России неизбежны. Мы должны проявить сплоченность не только формальную, а идущую далеко глубже. Для создания такой сплоченности мы не можем обойтись без подобной резолюции.

Дальше очень важным я считаю параграф 4-й этой резолюции, который дает толкование нашей программы, аутентичное толкование, т.-е. такое толкование, которое исходит от автора. Съезд является автором ее, и поэтому съезд должен дать толкование, чтобы положить конец шатаниям, а иногда даже игре, которая ведется с нашей программой. Как будто в программе о профсоюзах сказано то же самое, что хотелось бы там кое-кому видеть. Вы слышали критику этой программы тов. Рязановым с этой трибуны,—поблагодарим автора этой критики за теоретические изыскания. Вы слышали критику, данную тов. Шляпниковым. Нельзя обходить этого молчанием. Мне кажется, что здесь, в этой резолюции, мы имеем то, что нам нужно сейчас. От имени съезда, который утверждает программу и который является высшим органом партии, надо сказать: вот как мы эту программу понимаем. Повторяю, что теоретические споры этим не пресекаются. Предложения изменить программу могут делаться: на этот счет не вносится никакого запрета. Мы программу не считаем настолько великолепной, чтобы в ней нечего было изменять, но мы сейчас не имеем формальных предложений, мы не посвящали времени на разбор этого вопроса. Читая внимательно эту программу, мы находим здесь следующее: «Профсоюзы должны притти к фактическому сосредоточению» и т. д. Должны притти к фактическому сосредоточению—это надо подчеркнуть. А выше мы читаем, что, «согласно закону, профсоюзы являются участниками всех местных и центральных органов управления производством». Мы знаем, что производство капиталистическое, при содействии всех передовых стран мира, строилось десятилетиями. Разве мы впали уже в ребячество, чтобы думать, что в момент величайшей нужды, обнищания в стране, где рабочие составляют меньшинство, в стране с измученным, истекающим кровью пролетарским авангардом и массой крестьян, мы можем закончить так быстро этот процесс. Мы даже основного фундамента еще не положили. Мы начали намечать только на опыте, как это управление производством при участии профсоюзов вести. Мы знаем, что главное препятствие, это—нужда. Неправильно, что мы не привлекаем массы; наоборот, всякий, сколько-нибудь заметный талант, малейшая выдающаяся способность в рабочей массе встречает самую искреннюю поддержку с нашей стороны. Надо только, чтобы положение стало чуточку легче. Нам не-

обходим год или два отдыха от голода, не меньше. С точки зрения истории, это—ничтожный срок, а в наших условиях, это—срок большой. Год или два отдыха от голода, год или два правильного снабжения топливом, чтобы фабрики работали, и мы получим от рабочего класса в 100 раз больше поддержки, и из его рядов выдвинется талантов гораздо больше. Никто не сомневается, не может сомневаться в этом. Сейчас мы не получаем этой поддержки не потому, что не хотим. Мы все делаем, что можно сделать для этого. Никто не сможет указать, что правительство, профсоюзы, Центральный Комитет партии упустили хотя бы одну возможность в этом отношении; но мы знаем, что нужда отчаянная, что всюду голод и нищета, и сплошь и рядом на этой почве возникает пассивность. Не будем бояться называть зло и бедствие настоящим именем. Вот что тормозит подъем энергии из масс. При таком положении пытаться сейчас слова программы: «профсоюзы должны притти к фактическому сосредоточению» и т. д., когда мы знаем из статистики, что 60 процентов рабочих сидят в управлениях, пытаться их толковать по-шляпниковски—абсолютно невозможно.

Аутентичное толкование даст нам возможность соединить необходимую тактическую сплоченность и единство с необходимой свободой дискуссии, что и подчеркнуто в конце резолюции. К чему сводится революция? Читаем пункт 6-й. Разве вы не видите, вы, агитаторы и пропагандисты в той или иной форме, разве вы не видите разницы между пропагандой идей внутри борющихся политических партий и обменом мнений в специальных изданиях и сборниках? Я уверен, что эту разницу видит всякий человек, желающий вникнуть в эту резолюцию. И мы надеемся, что и ЦК, в котором мы берем представителей того уклона, о котором здесь говорится, и представители отнесутся к решению партийного съезда, как всякий сознательный дисциплинированный член партии, мы надеемся, что они и мы при их помощи в ЦК эту грань разберем, не создавая особого положения. Что происходит внутри партии—пропаганда идей внутри борющихся политических партий, или обмен мнений в специальных изданиях и сборниках? Кто интересуется изучением цитат из Энгельса до тонкостей,—пожалуйста. Есть теоретики, которые всегда дадут партии полезный совет. Это необходимо. Но разве это похоже на борьбу платформ, разве это можно смешивать? Этого никто из желающих вникнуть в наше политическое положение не смешает.

Не тормози нашей политической работы, особенно в тяжелый момент, но не оставляй научных изысканий. Если тов. Шляпников, к примеру сказать, в дополнение к своему тому, который он недавно выпустил об опыте его революционной борьбы в эпоху еще нелегального положе-

ния, добавит от своих досугов в ближайшие месяцы второй том с анализом понятия производителя,—пожалуйста. А данная резолюция, она послужит нам вехой. Мы открыли самую широкую, самую свободную дискуссию. Платформа «рабочей оппозиции» печаталась в центральном органе партии в количестве 250.000 экземпляров,—мы взвешивали ее со всех сторон и всячески, мы выбирали на основе этой платформы, мы собрали, наконец, съезд, который подводит итоги политической дискуссии и говорит: уклон определился, не будем играть в прятки, скажем открыто: уклон есть уклон, его надо исправить, исправим его, а дискуссия будет дискуссией теоретической.

Вот почему я возобновляю и поддерживаю предложение о том, чтобы мы обе эти резолюции приняли, подкрепили единство партии и дали правильное определение того, чем должны заниматься партийные собрания, и чем в свободные минуты свободны заниматься отдельные лица—марксисты, коммунисты, которые хотят помочь и заняться теми или иными вопросами теории.

Товарищи, мы здесь слышали невероятно резкие выражения. Но бывают такие резкости, которые сами себя разоблачают. Вы резолюцию имеете. Вы знаете, что мы двух представителей «рабочей оппозиции» взяли в ЦК, что мы употребили выражение «уклон». Я подчеркиваю его значение. Ни Шляпников, ни Медведев не предложили другого слова. Мы здесь критиковали тезисы, которые до съезда критиковались представителями всех оттенков. Как можно говорить после этого о демагогии и извращении точки зрения «рабочей оппозиции». Если бы приписали людям то, что фактически опровергается, тогда это резкое слово имело бы смысл. Сейчас это—просто выражение известного раздражения. Это несерьезное выражение.

Дальше говорилось о том, что единство не создается такими резолюциями, что будто бы критика согласно резолюции должна направляться непременно только через губкомы, что будто бы выражается какое-то недоверие к товарищам из «рабочей оппозиции», чем затрудняется их присутствие в ЦК. Но и это сплошь неверно. Я с самого начала указал, почему выбрано слово «уклон». Если оно вам не нравится, сдайте эту резолюцию, приняв ее за основу, в президиум для возможного смягчения. Если мы найдем более мягкое слово, то я предложил бы поставить его вместо слова «уклон», а также и в других местах внести смягчение. Против этого мы не будем возражать. Сейчас здесь, конечно, не время заниматься такими деталями. Сдайте резолюцию в президиум для редактирования, для смягчения. Усиление тут немыслимо,—против этого я возражать не стану. Но, когда говорят, что

эта резолюция означает натравливание одной части партии на другую, то опять-таки это неверно.

Я не знаю состава группы «рабочей оппозиции» в Самаре, я никогда там не был, но я уверен, что, если бы член ЦК любого оттенка или член съезда любого оттенка, кроме «рабочей оппозиции», стал бы доказывать на собрании самарской организации, что в резолюции нет натравливания, а есть призыв к единству, то он сумел бы это сделать. Когда здесь употребляют такое выражение, как «натравливание», то забывают о пункте 5-м резолюции об единстве, где говорится о признании заслуг «рабочей оппозиции». Разве там это не поставлено рядом? С одной стороны, «допускают уклон», а с другой стороны, читайте § 5-й: «Съезд заявляет в то же время, что по вопросам, привлекающим особое внимание, например, группы так называемой «рабочей оппозиции»,—об очистке партии от непролетарских и ненадежных элементов, о борьбе с бюрократизмом, о развитии демократизма и самодеятельности рабочих и тому подобное какие бы то ни было деловые предложения должны быть рассматриваемы с величайшим вниманием» и т. д. Разве это натравливание? Это признание заслуг. Мы говорим: с одной стороны, вы в дискуссии проявили уклон, который политически опасен, и даже резолюция тов. Медведева в других словах это признает, а дальше говорится: что касается борьбы с бюрократизмом, то мы согласны, что мы еще не все делаем, что возможно. Это есть признание заслуг, а не натравливание.

Когда в ЦК включается товарищ из «рабочей оппозиции», это есть выражение товарищеского доверия. И после этого, когда кто-нибудь пойдет на собрание, не разложенное фракционной борьбой, то это собрание скажет, что тут натравливания нет. Есть выражение товарищеского доверия. Если вы находите, что мы теоретически неправы, то у нас есть возможность издать десятки сборников, и если есть молодые товарищи, например, в самарской организации, которые имеют сказать что-то новое по этому вопросу, то—пожалуйста, товарищи самарцы! Мы напечатаем несколько ваших статей. Ведь нет ни одного человека, который не понимал бы разницы между тем, что говорится на съезде, и тем, что бросается вне его. Если вы сопоставите точный текст резолюции, то вы увидите, что здесь сделано теоретическое принципиальное указание, ничего оскорбляющего здесь нет, а рядом с этим есть признание заслуги в борьбе с бюрократизмом, выражение желания получить помощь, и кроме того представители этой группы включены в ЦК, а это есть проявление высшего доверия, больше которого в партии не может быть. Вот почему, товарищи, я предлагаю эти обе резолюции принять, при чем принять поименным голосованием,

затем сдать в президиум для средактирования, для смягчения формулировки, и так как в президиум входит тов. Шляпников, то он, может быть, найдет более подходящее выражение вместо слова «уклон».

А по поводу заявленной отставки я предлагаю принять следующую резолюцию: «Съезд призывает всех членов распущенной группы «рабочей оппозиции» подчиниться партийной дисциплине, обязать их оставаться на порученных им местах и не принимать отставки товарища Шляпникова и каких-либо других отставок».

---

40. О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии

(Резолюция X съезда РКП)

1. За последние месяцы в рядах партии явно обнаружился синдикалистский и анархистский уклон, который требует самых решительных мер идейной борьбы, а также очистки и оздоровления партии.

2. Указанный уклон вызван отчасти вступлением в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое миросозерцание, главным же образом уклон этот вызван воздействием на пролетариат и на РКП мелкобуржуазной стихии, которая исключительно сильна в нашей стране и которая неизбежно порождает колебания в сторону анархизма, особенно в моменты, когда положение масс резко ухудшилось вследствие неурожая и крайне разорительных последствий войны и когда демобилизация миллионной армии выбрасывает сотни и сотни тысяч крестьян и рабочих, не могущих сразу найти занятия и средств к жизни.

3. Одним из наиболее законченных и наиболее оформленных выражений этого уклона являются тезисы и другие литературные произведения группы так называемой «рабочей оппозиции». Достаточно показательным является, например, следующий ее тезис: «Организация управления народным хозяйством принадлежит всероссийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством Республики».

Идеи, лежащие в основе этого и других подобных заявлений, в корне неправильны теоретически, будучи полным разрывом с марксизмом и коммунизмом, а равно с итогами практического опыта всех полупролетарских и настоящей пролетарской революции.

Во-первых, понятие «производитель» объединяет пролетария с полупролетарием и с мелким товаропроизводителем, отступая таким образом в корне от основного понятия классовой борьбы и от основного требования точно различать классы.

Во-вторых, неправильная постановка вопроса об отношениях между партией и широкими беспартийными массами, приводящая к подчинению партии беспартийной стихии, данная в приведенном тезисе, является не менее коренным отступлением от марксизма.

Марксизм учит—и это учение не только формально подтверждено всем Коммунистическим Интернационалом в решении второго (1920 г.) конгресса Коминтерна о роли политической партии пролетариата, но и практически проверено всем опытом нашей революции,—что только политическая партия рабочего класса, т.-е. коммунистическая партия, в состоянии объединить, воспитать, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который способен противостоять неизбежным мелкобуржуазным колебаниям этой массы, традициям и неизбежным рецидивам профессионалистской узости или профессионалистских предрассудков среди пролетариата и руководить всеми сторонами пролетарского движения, а значит, и всеми трудящимися массами. Без этого диктатура пролетариата немыслима. Неправильное понимание роли коммунистической партии в ее отношении к беспартийным рабочим массам, с одной стороны, и столь же неправильное понимание роли рабочего класса в его отношении ко всей массе трудящихся, с другой,—являются коренным теоретическим отступлением от коммунизма и уклоном в сторону синдикализма и анархизма, каковой уклон пропитывает все воззрения «рабочей оппозиции».

4. X съезд РКП заявляет, что он считает также в корне неправильным все попытки указанной группы и отдельных лиц защитить ошибочные взгляды ссылками на § 5 экономической части программы РКП, посвященной роли профсоюзов. Этот § говорит, что профсоюзы «должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым», и что они обеспечивают таким образом неразрывную связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся, «вовлекая» эти массы «в непосредственную работу по ведению хозяйства».

Предварительным условием такого положения, к которому «должны притти» профсоюзы, программа РКП в том же самом параграфе считает процесс «все большего освобождения профсоюзов от цеховой узости» и охватывания ими большинства, «а постепенно и всех поголовно» трудящихся.

Наконец, в том же самом параграфе программа РКП подчеркивает, что профсоюзы «являются уже, согласно законам РСФСР и установившейся практике, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью».

Вместо учета именно этого практического опыта участия в управлении, вместо дальнейшего развития этого опыта в строгом соответствии с достигнутыми успехами и исправленными ошибками, синдикалисты и анархисты ставят непосредственный лозунг «съездов или съезда производителей», «избирающих» органы управления хозяйством. Руководящая, воспитательная, организующая роль партии по отношению к профсоюзам пролетариата, а этого последнего—по отношению к полумещанским и прямо мелкобуржуазным массам трудящихся, обходится и устраняется, таким образом, совершенно, и вместо продолжения и исправления начатой уже советской властью практической работы строительства новых форм хозяйства, получается мелкобуржуазно-анархическое разрушение этой работы, способное повести лишь к торжеству буржуазной контр-революции.

5. Кроме теоретической неверности и в корне неправильного отношения к практическому опыту начатого советской властью хозяйственного строительства, съезд РКП видит во взглядах указанной группы и аналогичных групп и лиц громадную политическую неправильность и непосредственную политическую опасность для сохранения власти за пролетариатом.

В такой стране, как Россия, громадное преобладание мелкобуржуазной стихии и неизбежные в результате войны разорение, обнищание, эпидемии и неурожаи, крайнее обострение нужды и народных бедствий порождают особенно резкие проявления колебаний в настроениях мелкобуржуазной и полупролетарской массы. Эти колебания идут то в сторону укрепления союза этих масс с пролетариатом, то в сторону буржуазной реставрации. Весь опыт всех революций XVIII, XIX и XX веков показывает с безусловнейшей ясностью и убедительностью, что ничего иного, кроме реставрации (восстановления) власти и собственности капиталистов и помещиков от этих колебаний—при условии малейшего ослабления единства, силы, влияния революционного авангарда пролетариата—получиться не может.

Поэтому взгляды «рабочей оппозиции» и подобных ей элементов не только теоретически неверны, но и практически служат выражением мелкобуржуазных и анархических шатаний, практически ослабляют выдержанную руководящую линию компартии и на деле помогают классовым врагам пролетарской революции.

6. На основании всего этого съезд РКП, решительно отвергая указанные идеи, выражающие синдикалистский и анархический уклон, постановляет:

1) признать необходимой неуклонную и систематическую борьбу с этими идеями;

2) признать пропаганду этих идей несовместимой с принадлежностью к РКП.

Поручая ЦК партии строжайшее проведение в жизнь этих своих решений, съезд указывает вместе с тем, что в специальных изданиях, сборниках и т. п. может и должно быть уделено место для наиболее обстоятельного обмена мнений членов партии по всем указанным вопросам.

---

41. Чем была „рабочая оппозиция“—1920—1922 г.г.?

(*Из доклада тов. Зиновьева на XII съезде РКП*)

Я думаю, что так называемой «рабочей оппозиции» можно уже подвести итог. И для того, чтобы этот итог был окончательный, следовало бы ликвидировать и самое название,—по крайней мере, в нашем партийном обиходе. Это не была рабочая оппозиция. Это, объективно говоря, была антирабочая оппозиция, это была ликвидаторская оппозиция, которая шла в одну дверь, а попала в другую. Надо было в 1921 г. голодать, надо было начинать с крестьянства и надо было итти по той дороге, по которой наша партия пошла и довела рабочий класс до победы.

1924—1926 г.г.

А. „Рабочая оппозиция“ в дискуссии 1923—1924 г.г.

Б. „Бакинская платформа“ Медведева-Шляпникова.

В. „Рабочая оппозиция“ и оппозиционный блок 1926 г.

1924—1926 годы

1922—1924 г.г. были для остатков некогда «левой» «рабочей оппозиции» годами оппортунистического линяния, потери всяких революционных перспектив, годами постепенного «врастания в меньшевизм».

Партийная дискуссия 1923—24 г.г. была «легальной возможностью», за которую не преминул ухватиться Шляпников. Его статья «Наши разногласия» (январь 1924 г.) показала, что Шляпников за эти годы ничему не научился, ничего не забыл и отнюдь не отказался от надежды воскресить свою фракцию и возобновить открытую борьбу.

Первым требованием Шляпникова, выдвинутым в этой статье, было требование нескончаемой и широчайшей дискуссии. Он высказывал твердую уверенность, что «многолетний партийный штиль грозит разрешиться бурей». Троцкистская оппозиция казалась Шляпникову чересчур умеренной. Его не удовлетворяла ни позиция партийного большинства, осуждавшего фракционное поведение Троцкого, ни борьба оппозиции против «аппаратчиков». «Большевики привыкли,—писал Шляпников,—бить не по оглоблям, а по коню». Плоха не только внутрипартийная практика—плоха вся политика партии. «Не разделяя политику ЦК на отдельные участки, мы считаем ее ошибочной в основном, в хозяйственной области, по отношению к которой равнялась вся политика ЦК, направленная на удержание власти». Повидимому, к задаче удержания власти в руках пролетариата Шляпников относится не вполне одобрительно. Действительно, если на пути «удержания власти» государство и партия неминуемо обречены на перерождение,—стоит ли цепляться за власть? «Наши обвинения ЦК,—продолжает Шляпников,—мы формулировали и до X съезда, и на нем, и на XI съезде. Мы выражали недоверие политике ЦК потому, мягко говоря, что он проявил мало забот и внимания инте-

ресам промышленности на деле, чем обусловил распыление кадров пролетариата и вызвал рост безработицы в стране». Такую политику ЦК Шляпников объясняет уже совершившимся переходом ЦК на точку зрения мелкой буржуазии.

Антиленинская природа шляпниковской программы просвечивает в этих рассуждениях вполне отчетливо. Игнорируя крестьянство, как союзника рабочего класса, рассматривая деревню, как враждебную пролетариату стихию, Шляпников неизбежно приходит к ликвидаторским, к капитулянтским выводам.

Но в статье «Наши разногласия», помещенной в «Правде», эти выводы еще не уточнены, они еще прячутся под толстым слоем общих разглагольствований. Зато так называемая «бакинская платформа» Медведева—Шляпникова, написанная в том же 1924 году, но предназначенная не для печати, а для товарищей по фракции,—обнажает во всей красе махрово-ликвидаторскую концепцию ее авторов. «Письмо Медведева—образец уклона от большевистской линии в завершенном виде. В нем «брожение идей» «рабочей оппозиции» дошло до той предельной точки, когда эти «идеи» выделили из себя почти химически чистый меньшевизм» (из статьи ЦО ВКП). Анализируя медведевскую платформу, ЦО партии устанавливает, что осуществление ее предполагает ни больше ни меньше как: 1) «ликвидацию социалистического строительства в нашей стране»; 2) «ликвидацию рабоче-крестьянского союза»; 3) «ликвидацию пролетарского интернационализма»; 4) «ликвидацию большевистской партии и курс на политическую демократию в стране». Такова шляпниковщина «в завершенном виде»...

«Новая оппозиция» 1925/26 г. дала новый толчок остаткам «рабочей оппозиции»; она «вызвала оживление среди осужденных партией группировок и толкнула эти жалкие обломки антипартийных и заведомо раскольнических групп к тому, чтобы вновь начать работу против партии и ее единства, опираясь на поддержку новой оппозиции» [1].

---

[1]) См. резолюцию пленума ЦК и ЦКК 23 июля 1926 г. по делу тов. Лашевича и других и о единстве партии.—Резолюция устанавливает, что „тов. Михайлов — директор одного из заводов Москвы, принадлежавший ранее к так наз. мясниковской „рабочей группе" (ее партия еще три года назад осудила, как контр-революционную группу), перепечатывал для широкого распространения секретные партийные доку-

Оппозиционный блок 1926 г., объединивший оппозицию XIV партсъезда (Зиновьев, Каменев, Сокольников и др.) с троцкистами и бывшими «демократическими централистами» (Троцкий, Пятаков, Преображенский, Сапронов и др.), не пожелал отмежеваться от фракции, которую партия признала носителем правой опасности. Наоборот, блок обнаружил «тенденцию к поддержке и покрыванию ультра-правых, явно скатывающихся к меньшевистским уклонам в нашей партии (например группа тов. Сергея Медведева, бывшего руководителя так называемой «рабочей оппозиции», которая договорилась до сдачи нашей социалистической госпромышленности иностранному капиталу, до речей о ликвидации Коминтерна и Профинтерна и т. д., т.-е. до ликвидации всех революционных целей нашей партии)»[1]. Эту «поддержку и покрывание» нетрудно объяснить, если принять во внимание, что элементы медведевщины играют значительную роль в принципиальной программе блока. Окрыленный поддержкой, Шляпников выступил на страницах «Большевика» с ответом на статью ЦО,—ответом, который по наглости оставляет далеко позади прежние литературные выступления бессменного вождя «рабочей оппозиции».

Но ликвидаторы оказались в рядах ВКП изолированными. Партия решительно осудила и оппозиционный блок, и взятую им под крыло капитулянтскую группку Медведева—Шляпникова. Партия оценила линию этой группы, как дорожку, прямиком ведущую в лагерь II Интернационала; партия резко высказалась против фракционной борьбы, разлагающей ряды ленинской партии, срывающей великую работу по строительству социализма.

менты с помощью беспартийных машинисток и тоже устраивал нелегальные собрания". „Тов. Шугаев, принадлежавший когда-то к так наз. „рабочей оппозиции", осужденной на X съезде по предложению тов. Ленина, спустился до антисоветской агитации среди спецов, высказываясь в разговорах с ними за прямую борьбу с советской властью путем использования ожидаемого им разложения нашей партии в результате деятельности новой оппозиции".

[1]) Из той же резолюции.

42. Наши разногласия

(Статья тов. Шляпникова в „Правде“ от 18 января 1924 г.)

По поводу дискуссии

По уверениям некоторых товарищей на страницах партийной печати, дискуссия по важнейшим вопросам партийной жизни и политики, начавшаяся с вопроса о внутрипартийной демократии, подходит к концу. Однако, эти утверждения скорей выражают личные желания товарищей, но совершенно не отвечают действительности. Даже в пределах Москвы всколыхнувшиеся партийные массы не обнаруживают желания войти в тихие прежние берега и полагают, что дискуссия еще далеко не исчерпала важнейших вопросов партийной жизни. Есть даже кое-какие предвестники, что многолетний партийный «штиль» грозит завершиться бурей, но не по вопросу о рабочей демократии, а около и в связи с нею. Начавшаяся полемика между отдельными членами Центрального комитета по существу дела переходит с вопросов о рабочей демократии на другие. Из Москвы все дискуссионные вопросы и околодискуссионные вопросики разольются по всему Советскому Союзу; остановить этого нельзя и следует озаботиться лишь о том, чтоб дискуссия на местах получила принципиальное направление. Страхи о вреде дискуссии должны быть отброшены, и все внимание сосредоточено на том, чтоб в процессе даже страстных принципиальных споров никто не забывал о партии и не снижал бы дискуссию до уровня сенсационных разоблачений и рассказиков «из тайн мадридского двора». Этим мы не хотим сказать, что являемся сторонниками сокрытия и покрытия ненормальных отношений, имеющихся внутри партии и в ее руководящих органах. Однако, не мелочные споры, даже не споры отдельных членов партийных учреждений на страницах партийной печати должны быть предметом внимания и дискуссии перед широкими партийными массами. Из нашего опыта, из истории нашей партии мы знаем, что на-ряду, а чаще в связи с принципиальными расхождениями в партии, в верхах у нас были склоки, интриги, взаимная грызня. Но никогда они не

привлекали особого внимания широких партийных кругов, зато всегда выпиранием этих безобразных явлений и фальшивыми криками негодования против них марксистски несостоятельная сторона стремилась отвлечь внимание широких партийных кругов от действительной сути политического спора. Партия же в целом выносила свои решения только по линии политических расхождений, и только ими определялась ее работа. Все остальное, как мусор, отбрасывалось в корзинку истории. И теперь нужно стремиться лишь к тому, чтоб эта развернувшаяся дискуссия послужила повышению сознательности членов партии, проявлению их активности и как можно меньше привлекала внимание к партийно-историческому мусору.

На партийных собраниях последних дней уделялось много внимания и проявлено много страстей по поводу полемических приемов нашего центрального органа—«Правды», допущенных по отношению к оппозиции. Далекие от мысли оспаривать право редакции центрального органа на защиту Центрального комитета и его линии, мы присоединяем свой голос протеста против попыток политического шельмования оппозиции. За последние годы мы видели на страницах партийной печати немало статей и речей, шельмовавших оппозицию. Среди протестующих ныне против подобных недостойных приемов полемики между членами партии мы видим и таких, которые еще в весьма недавнее время немало потрудились в деле дискредитирования и шельмования инакомыслящих. Мы можем лишь приветствовать их перемену и выразить пожелание, чтоб их урок не пропал даром для тех, которые теперь занимаются подобным ремеслом.

Историческая справка

Мы, большевики, никогда не рассматривали формы партийной организации и методы партийной работы вне связи с условиями, временем и местом. Наши методы работы мы всегда согласовали и подчиняли политическим задачам пролетарской партии. То историческое объяснение причин появления «демократической весны» только в декабре 1923 г., которое дается официальными представителями организации и некоторыми товарищами из оппозиции, страдает отсутствием полноты и точности. Некоторые из защитников Центрального комитета и всякого другого комитета, становясь в позу защитников единства партии, оперируют такими доказательствами правоты руководящих органов партии относительно признания ими необходимости замены прежней линии ЦК в партстроительстве, что оставляют сомнение у многих членов партии. Сами представители Центрального комитета, открывшие дискуссию, дают в своих речах такие объяснения новому повороту партии, которые

показывают, что мысли «рабочей оппозиции», в известной части им теперь стали не чужды, если не подозревать их в том, что они взяли их напрокат для овладения «стихией демократии». Товарищи цекисты теперь пустились в защиту постановлений X съезда о внутрипартийной демократии, произносят такие речи, высказывают такие мысли и положения, за которые те же самые цекисты судили и осуждали рядовых рабочих членов партии всего лишь несколько месяцев тому назад.

Выступающий от известной части оппозиции т. Преображенский, солидаризируясь и оправдывая общую линию Центрального комитета, решительно отмежевывается от мыслей бывшей «рабочей оппозиции» и находит ошибку лишь в том, что Центральный комитет немного запоздал в переходе ко внутрипартийной демократии. Его исторические справки не вызывают опровержения со стороны выступающих в дискуссии членов ЦК, ибо они ничем не отличаются от их толкования. Вопрос о прошлом, о причинах задержки в осуществлении решений X съезда далеко не маловажный, являясь ключом к пониманию некоторых сторон современного положения.

К моменту X съезда всеми было понято, что прекращение войны и переход к мирному хозяйственному строительству требуют от партии изменения как форм организации, так и приемов ее работы. Особенно отчетливо это было осознано, когда была принята съездом новая экономическая политика, требовавшая от каждого члена партии активнейшего участия в проведении ее в жизнь. Резолюция о внутрипартийной рабочей демократии в значительной степени удовлетворяла все представленные тогда на съезде направления. Оппозиционные направления видели в осуществлении этой резолюции возможность втягивания в партийную жизнь широких рабочих кругов и средство воздействия на политику партии. Однако на-ряду с этими были приняты еще две резолюции о борьбе «с анархосиндикализмом» и о единстве. После съезда повелась борьба против «уклона», т.-е. против всех тех, кто голосовал на съезде делегатов «рабочей оппозиции», а также и против самих делегатов съезда того же направления. Борьба велась не по идейной линии, а путем недопущения и вышибания с мест работы, систематических перебросок и даже исключения из партии. Всякий член партии, выступивший в защиту резолюции X съезда о рабочей демократии, объявлялся сторонником «рабочей оппозиции» и разлагателем партии и подвергался всем бичам упрочивающегося в ней приказного режима.

Эта борьба продолжалась вплоть до последних дней кануна нынешней дискуссии. И она велась со всей ожесточенностью не только

официально руководящими кругами партии, но и руководителями нынешней оппозиции, большая часть которой была в числе членов руководящих партийных органов. В один голос с аппаратчиками нынешние руководители оппозиции запугивали партийные круги криками об опасности «рабочей оппозиции» и безоговорочно поддерживали все методы внутрипартийного подавления всякого члена партии, пытавшегося опереться в своих выступлениях в защиту оздоровления рядов партии именно на резолюции X съезда, которые теперь руководители «оппозиции» объявляют своим «символом веры». Вот что является одной из важнейших причин того обстоятельства, что резолюции X съезда не были проведены.

Получая полное одобрение и поддержку со стороны теперешних деятелей оппозиции мерам расправы со сторонниками «рабочей оппозиции», Центральный комитет после XII съезда почувствовал себя в силе применить часть из этих мер и в отношении тех, кто, по мнению руководящего состава Политбюро, не разделяет его линии работ и ведет против него открытую или скрытую борьбу. Удары учетно-распределительного аппарата были направлены на не покаявшихся троцкистов и демократических централистов. Начались снятия с политических постов сторонников этих направлений. Борьба породила конфликты как внутри ЦК, так и вне его. Эти конфликты совпали с весьма тревожными явлениями в рабочем классе, показавшими нашу слабость.

Случайна ли эта внутрипартийная борьба? Всякий, даже не старый большевик, знающий историю партии, должен сказать, что не случайна. Большевизм как направление рос и креп во фракционной борьбе. В интересах поставленных себе политических целей большевизм нелегальных времен не боялся итти даже на внутрипартийные расколы. Большевистская позиция оправдывалась истиной. В подпольные времена наша партия следила очень зорко за тем, чтобы в ее командном составе, особенно на местах, была максимальная спевка, единомыслие с центром, жестоко боровшимся на протяжении всей истории большевизма за принципы революционного марксизма и последовательно пролетарскую линию в общей борьбе. И вот эти-то испытанные старые традиции подбора и организационные навыки воскресли с особенной силой именно после X съезда. Однако наши товарищи не учли двух вещей: радикально изменившейся по сравнению с подпольными временами общей обстановки и изменения в социальном и партийном составе самой РКП и испытанные старые традиции подбора работников и организационные методы наполнили чуждым содержанием. Состав нашей партии социально разнороден и коренным образом отличается от того, чем он был во времена подполья, свыше 85% членов ее не проходили подпольного опыта. Кроме того, партия имеет изрядное

количество (свыше $22\frac{1}{2}$ тысяч) выходцев из других партий. Немалая доля их состояла на руководящих партийных постах. Наша партия вела и продолжает вести борьбу за то, чтобы быть единственной партией российского пролетариата. В этих условиях наши старые организационные навыки оказались недостаточными, требуют пополнений и изменений. То, что партия пережила и переживает теперь, мы предвидели еще два года тому назад. Все опасности, которые не скрываются ныне официальными представителями ЦК, мы неоднократно ставили перед ним, но ЦК оставался глух к нашим предостережениям.

Положение внутри партии

О том, что наша партия переживает теперь кризис, никто не спорит. Не спорят также и о том, что переживаемый кризис требует таких мероприятий, которые всеми называются «решительным поворотом к новому курсу». Но не все сходятся в объяснении причин внутрипартийного кризиса, в определении температуры этого кризиса и разное вкладывают в понятие нового курса. Официальные выразители «партийного мнения» озабочены больше тем, чтобы не дать сторонникам оппозиции «нажить капитал» на новом курсе. Они стараются изо всех сил добыть себе доверие, получить приветствие ЦК за объявленный новый курс и одобрение его политики.

Оппозиция в лице т. Преображенского и И. Н. Смирнова, защищая общую политику Центрального комитета от наших обвинений за его ошибки, находит неправильной политику ЦК лишь в одной ее части— в области внутрипартийного строительства. Мы считаем исходное толкование оппозиции ограниченным и неверным. Никогда большевики не отделяли «общей политики» партии от ее организационной части. Если оппозиция считает, что общая линия политики ЦК была верна, то ЦК имеет все основания доказать и заявить, что она верна и во внутрипартийной политике.

Мы не согласны с этой оппозицией, а также и со сторонниками других курсов как в определении причин, так и характера самого кризиса. *Не разделяя политики ЦК на отдельные участки, мы считаем ее ошибочной в основном—в хозяйственной области, по отношению к которой равнялась вся политика ЦК, направленная на удержание власти.* Это положение находит подтверждение и в том обстоятельстве, что самое появление дискуссии совпадает с хозяйственным кризисом и по сути им вызвано. *Наши обвинения ЦК мы формулировали и до X съезда, и на нем, и на XI съезде.* Мы выражали недоверие политике ЦК потому, мягко говоря, что *он*

проявил мало забот и внимания интересам промышленности на деле, чем обусловил распыление кадров пролетариата и вызвал этот рост безработицы в стране. Только в этом году мы услышали признание совершенных ЦК ошибок по отношению к крупной промышленности.

Доказательства тому, что политика партии имела за последние годы уклоны от пролетариата, его «узких» цеховых интересов, мы видим и в том, что социальный состав партии за эти годы также неуклонно изменялся не в пользу пролетариата. Перепись 1922 г. дает 514 529 членов партии и кандидатов. По социальному составу они тогда распределялись следующим образом: членов партии и кандидатов фабрично-заводских ячеек—54 283, или 10,5% ко всему числу, членов партии транспортных ячеек—36 626, или 7,1%, военных ячеек—122 542, или 23,8%, крестьянских—154 228, или 30%, советских ячеек—97 571, или 19%, школьных—49 279, или 9,6%. Таким образом, пролетариев и служащих, связанных с производством и транспортом, мы имеем всего 17,6%. Этой цифрой выражается наша повседневная связь с широкими беспартийными массами. Та же цифра говорит и о степени действительного доверия рабочих нашей партии. Не первый день мы видим опасность партии в преобладании в ней непролетарских элементов. Явление это мы также считаем не случайным. Случайно влились в нашу партию крестьянские элементы, служилая интеллигенция и мещанство? Их вхождение объясняется тем, что в политике партии они находили выражение своих интересов. Это признание политики партии «своей политикой» со стороны мелкобуржуазных элементов не было бы плохо, если бы мы не наблюдали на-ряду с этим уменьшения в партии удельного веса и роли пролетарского элемента. Когда происходит процесс признания политики нашей партии со стороны непролетарских элементов и в то же время наблюдается отчужденность и даже отход от партии рабочих и бедняков деревни, это должно быть учтено как показатель того, что политика партии, ее руководящих органов таит в себе большие опасности. О том, что эта отчужденность и отход рабочих масс совершались, мы находим указания не только в статистике, но также и в последних событиях и в стачечной волне рабочих. Подтверждение отчужденности и отхода бедняков деревни мы находим в резолюции петроградской губпартконференции. Это же явление отмечает и т. Калинин в своей речи в Колонном зале. Политические последствия этого партия должна немедленно учесть. Такова политическая сторона вопроса.

Ошибка партии в области основной политики (хозяйственной) по-

вела за собой склоки и в организационной работе Центрального комитета. Не случайно расцвел у нас тот партийный режим, который ныне находит такое резкое осуждение. Политика, проводившаяся до сих пор, не могла опираться на пролетарскую самодеятельность, а непролетарские партийные слои по своей психологии оказались благодарными элементами для приказной системы работы, и установившиеся методы работы не вызывали у них возмущения. В политике же ЦК, проводившейся при этой системе и методах, они находили удовлетворение своих общественно-классовых интересов. Но всему есть предел. Партийный режим, построенный на удушении внутрипартийной самодеятельности и критики, не только изжил себя,—он изжил себя давно,—но поставил партию за последнее время на край опасности. Эта опасность очень резко определилась в направлении отрыва от пролетарских и полупролетарских масс и в потере руководства ими.

В той игре в демократов, которую мы наблюдаем теперь, все сходятся в отрицании «старого режима» в партии. Теперь все стали «демократами», вспомнили, наконец, о потерянной грамоте X съезда. Однако не все понимают связь этого режима с политикой и отсюда делают неверный шаг, обвиняя во всех грехах партийный аппарат. Что в партийном аппарате есть негодный элемент, есть чуждые ему по духу бывшие эсеры, бундовцы и меньшевики и не так уже много старых большевиков, в этом есть большая доля истины. Но где у нас гарантия, что эта шумливая борьба против «аппаратчиков», поднятая ныне, даст реальные политические результаты, а не приведет лишь к замене одних аппаратчиков другими? Большевики привыкли бить не по оглоблям, а по коню, и надо продумать это явление до конца. Самая ненависть к аппарату есть лишь отражение недовольства режимом, разорвавшим членов партии на два лагеря: управляющих и управляемых. Изжить это возможно лишь проведением в жизнь иной системы, установлением правильных взаимоотношений между руководящими партийными органами и широкими массами членов партии, а не простой заменой одних лиц другими. И если мы хотим осуществить новый курс всерьез и надолго, то меньше всего нужен в этом деле шум. Не нужно забывать, что новый курс сводится только к аппарату, а в шуме может получиться так, что дело сведется к простой замене одних лиц другими, без всякой пользы для рабочей демократии.

О рабочей демократии

Некоторые товарищи изображают внутрипартийный спор как тяжбу между партийным молодняком и стариками. Нет ничего более ошибочного, чем подобное утверждение. На почве расхождения в возрасте

никому не удавалось создавать какие-либо принципиальные расхождения внутрипартийных организаций. Спор начался с вопросов о методах работы, о формах организаций и переходит на почву определений взаимоотношений между партийными органами и всей партийной массой.

Борясь за внутрипартийную демократию, забывают оговориться, что в нашей партии дело идет не о демократии вообще, а о рабочей демократии. Эту «рабочую демократию» не следует понимать, как лишение права на демократию нерабочих элементов партии. Под рабочей демократией мы понимаем не только сумму прав каждого члена партии на участие в ее делах, но и указание направления в решении вопросов.

Некоторые товарищи склонны рассматривать внутрипартийную демократию как инструмент для упражнения голоса или как средство для развития ораторского искусства в нашей партии. Мы решительно расходимся с подобными любителями «чистой демократии». Мы рассматриваем внутрипартийную демократию лишь как средство повышения активности членов партии, как способ оздоровления ее рядов, увеличения ее сплоченности. Но самым важным мы считаем то, что рабочая демократия дает возможность всему партийному коллективу принять участие в решении политических вопросов партии и влиять на ее характер и направление. В то же время мы не закрываем глаз на то, что успешное развертывание рабочей демократии тесно связано с коренными изменениями социального состава нашей партии в сторону решительного преобладания пролетарских элементов. При этом слово «пролетарий» мы понимаем не в отвлеченном смысле, а ставим перед партией задачу привлечения в ее ряды рабочих, ныне занятых в производстве. Задача эта не техническая, и она не может быть решена мерами организационно-педагогическими, а должна быть осуществлена политически. Только направлением политики в сторону расширения и развития промышленности на деле, поднятия материального положения и обслуживания всех сторон быта рабочих не только в декларациях, мы можем рассчитывать на необходимый приток их в нашу партию. Только развитие всех отраслей промышленности и усиление производства предметов массового потребления позволит успешно расширить вопрос о «ножницах» и создаст крестьянскому хозяйству наиболее благоприятные условия дальнейшего развития. Только этим путем можно поглотить безработицу, собрать воедино распыленный за годы революции рабочий класс, поднять его удельный вес в государстве и дать выход стонущей от кулаков деревенской бедноте. Вот что вкладываем мы в понятие рабочей демократии и в успешное развертывание ее в современный момент.

Решение ЦК и ЦКК мы рассматриваем лишь как первый шаг по пути осуществления резолюции X съезда о рабочей демократии, но в этом же решении мы видим немало таких указаний (концентрация и т. п.), которые по самому существу своему направлены не на закрепление и развертывание, а на подрыв рабочей демократии. И современный социальный состав партии не дает нам уверенности в том, что партия не станет на путь дальнейшего сужения пролетарской базы в нашей стране, и этот пункт о концентрации не будет осуществлен. Все колебания в партии и за ее пределами, о которых так много говорят теперь, есть лишь результат крайней ослабленности основной базы нашего господства в стране—крупной государственной промышленности—и крайнего распыления и материальной неудовлетворенности рабочего класса. Дальнейшее его ослабление таит в себе глубочайшие опасности всестороннего ослабления и даже утраты нашего политического господства. Эта опасность стала теперь ясной, понятной для всех, и если Центральный комитет, став на путь рабочей демократии, не дополнит его политикой в указанном направлении, он не сможет успешно противостоять этим опасностям, изжить всяческие разногласия внутри партии, в том числе и наши собственные.

Членов партии волнует вопрос о том, где «гарантии» в том, что резолюция ЦК и ЦКК не окажется «пропавшей грамотой», что ее не поглотит «аппарат». Ответ на эти опасения может быть теперь один: это—активность, самодеятельность низов без давящей опеки, в этом гарантия прежде всего. Все попытки партийных должностных лиц противодействовать или помешать проведению в жизнь резолюции от 5 декабря должны быть решительно осуждены и встречать самое энергичное противодействие со стороны каждого рядового члена партии, а виновные в этих попытках должны быть столь же решительно отстранены от руководящих постов.

Гарантией от забвения и потери грамоты являются также все те мероприятия, которые направлены на приближение всей массы членов партии к обсуждению и решению вопросов партийной политики. Для этого надо упразднить все средостения между широкой массой членов партии и руководящими органами. Следует внести в практику общие собрания не только «ответственных», «активных» и т. п., но всех членов партии, не деля их на категории. Надо лишить партийных должностных лиц, а также исполнительные органы права решать партийно-политические вопросы без полномочий на это и помимо общих собраний, комитетов и ячеек. У нас завелся такой порядок, что организаторы, «группорги», секретари считают присвоенным их должности правом решать и выражать мнения организаций, ячеек, без полномочий и без

обсуждения последних. Этому нужно положить конец. Ячейки должны быть освобождены от назойливой опеки и иметь право собираться без предварительного разрешения должностных лиц и комитетов. Простое уведомление комитета вполне обеспечивает связь и порядок работы. Мы все имеем единые партбилеты, являемся членами Российской коммунистической партии, однако мы лишены права присутствовать на собраниях членов партии, если эти собрания происходят не на том «дворе», к которому мы приписаны. Этот порядок должен быть уничтожен, и члены партии должны, по предъявлении билета, пропускаться на все партийные собрания и даже открытые заседания комитетов. Необходимо сейчас же прекратить систему секретных характеристик, секретных личных дел членов партии. Характеристики должны даваться общим собранием ячейки и совершенно открыто. Перейти от слов «сближения» с производством к делу и предоставить членам партии свободно судить о том хозяйстве или работе учреждения, в котором они работают. Осуществление этих, хотя бы только этих скромных пожеланий было бы достаточно для того, чтобы в корне подорвать нездоровую постановку вопроса об «аппаратчиках».

От вопроса внутрипартийной рабочей демократии неотделим и вопрос о материальном неравенстве членов партии. В условиях новой экономической политики мечтать о всеобщем равенстве утопично. Однако есть способ уничтожения тех вопиющих излишеств, которые разлагающе действуют не только на совершающих их, но и на окружающую среду. Для решения этого вопроса не лишне напомнить, что однажды мы решали эту задачу и решили правильно. После Октябрьских дней мы провели декретом положение о жалованьи государственным ответственным работникам, которое определяли по заработной плате высококвалифицированных рабочих. Почему не пойти теперь по этому пути? Почему не запретить платное совместительство и т. п. «подножный корм»? Эта мера внесла бы удовлетворение не только в партийную среду, но далеко за ее пределы. Нужно напомнить, что таким путем шла и Парижская Коммуна.

О фракциях и группах

В ходе дискуссии представители большинства в партии постоянно ставят перед партийной массой вопрос о группировках и фракциях и вполне правильно указывают, что при современном составе партии создание обособленных групп, связанных организационно и скрепленных особой дисциплиной, неизбежно поведет к расколу партии. Раскол партии, это—тот реальный призрак, которым волнуют и пугают теперь рядовых членов партии все противники оппозиций. Однако мало одних

указаний на опасность раскола, надо подумать и над тем, какими путями избежать этой опасности. Одной доброй воли одной стороны не всегда бывает достаточно. Мы это очень хорошо знаем по нашему трехлетнему опыту. Мало требовать от всякой оппозиции добровольно отказаться от закрепления во фракцию—необходимо также создать в партии такие условия работы и взаимоотношений, которые не гнали бы оппозицию в сторону замкнутой изоляции. Те условия, которые существовали в нашей партии до нового курса, толкали членов партии на групповую замкнутость. Партийная живая мысль искала исхода, и она могла выливаться только помимо официальных партийных путей.

Много поучительного мы можем поведать из опыта борьбы ЦК и с его примера—местных комитетов со сторонниками «рабочей оппозиции». Со времени X съезда тысячи товарищей судились и осуждались за мысли о рабочей демократии внутри партии, за критическое отношение к хозяйственным делам. Десятки партийных работников месяцами занимались поисками фракции «рабочей оппозиции», но все их поиски терпели жалкую неудачу. После X съезда, несмотря на то, что никто не мог установить наличия какой-либо организационной фракционной группы «рабочей оппозиции» внутри наших партийных организаций, ее сторонников постоянно травили и судили именно как организаторов групп и разлагателей партийного единства. И этими мерами усердно, но безуспешно толкали их на путь фракционной обособленности. И как это ни казалось бы чудовищным, но мы имеем основания сказать, что некоторых из сторонников «рабочей оппозиции» пытались вызвать на выступления против партии. В тех же целях политической дискредитации систематически делались попытки связать нас как бывшую «рабочую оппозицию», как известное идейное направление в партии, то с Панюшкиным и его партией, то с Мясниковым и его «рабочей группой». Панюшкин и Мясников, однако, никогда не были выразителями мнений «рабочей оппозиции». Во время X съезда Мясников был сторонником платформы десяти. Отход его от РКП не стоит ни в какой связи с идеями «рабочей оппозиции», а по отношению к самым ее идеям Мясников не менее враждебен, чем Ярославский, пытающийся и теперь в целях все той же дискредитации связать нас с «Рабочей Правдой». Подпись Мясникова в письме 22-х служит лучшим доказательством того, что оно не имело под собой никакой фракционной группировки. В своей статье в «Правде» от 19 декабря Ярославский пытается связать «рабочую оппозицию» с «Рабочей Правдой» на том единственном основании, что «Рабочая Правда» считает «рабочую группу» левым крылом «рабочей оппозиции». Ведь если «Рабочая Правда» весьма сочувственно относится к «рабочей

группе», то эта последняя считает себя не просто «рабочей группой», а «рабочей группой РКП». Отсюда, по методу Ярославского, вытекает неопровержимо, что он есть прямая и неразрывная родня «Рабочей Правды». По существу же направление «Рабочей Правды» глубоко враждебно именно к бывшей «рабочей оппозиции». «Рабочая Правда» характеризует «рабочую оппозицию», как группу объективно «реакционную» и как «волков в овечьей шкуре», и первую из этих характеристик приводит в своих выдержках из документов «Рабочей Правды» сам же Ярославский.

Почему, несмотря на сознание опасности раскола, на всеобщую жажду единства, в ходе нынешней дискуссии так остро ставится вопрос о недопустимости группировок? На деле нужно признать, что объективные предпосылки разобщения партийных рядов, создания групп и группочек имеются в нашей партии. Эта социальная и национальная пестрота таит в себе эти опасности, и одной «доброй воли», к которой взывают теперь, недостаточно. Покончить с этим призраком раскола возможно лишь путем расширения в партии ее пролетарской базы. Опасность фракционности до укрепления партия пролетарским цементом возможно устранить только путем решительного осуществления внутрипартийной рабочей демократии. Осуществление рабочей демократии поможет партии вскрыть все те чаяния, которые замаскированы ныне общим криком о новом курсе. Направление же внутрипартийной демократии по рабочей линии предохранит организацию от схода с рельс пролетарской революции. Если же в процессе осуществления рабочей демократии партии удастся вскрыть, что некоторые части ее социального состава («секторы») намерены отойти от задач пролетарской революции, нужно будет облегчить им дорогу. Обвинения во фракционности, в создании группировок неоднократно формулировались против пишущего эти строки и сотен других товарищей. Мы с негодованием отвергали эти обвинения, но не из боязни какихлибо мероприятий, направленных против нас. Среди того идейного направления, которое приняло наименование «рабочей оппозиции», стало немало старых партийных рабочих подполья, видавших и проделывавших фракционные расколы. Большевики не боялись раскола, если признавали, что он полезен революционным целям пролетариата. В переживаемой же ныне обстановке мы считаем раскол партии гибельным для пролетариата. Он поставил бы пролетариат перед возможностью новой гражданской войны в тягчайших условиях и повел бы к утрате его революционных завоеваний. Этих мыслей мы не скрывали никогда и по этой причине и из ясного сознания того, что образование группировок неизбежно приведет партию к расколу, избегали фракционных закрепле-

ний. То обстоятельство, что, живя в разных городах, единомышленники «рабочей оппозиции», подпольщики и пролетарии, несмотря на всю травлю их, единодушно выступали в указанном направлении, служит показателем степени их пролетарской сознательности, а отнюдь не уликой во фракционной связи. Открывающаяся теперь возможность внутрипартийного обсуждения политики партии и вытекающая отсюда возможность влияния на самую политику партии отнимает почву для фракционных закреплений.

Об аппарате и троцкизме

Дискуссия о внутрипартийной демократии начинает наполняться политическим содержанием. Разговоры о демократии увенчиваются лозунгом смены аппарата. Письмо тов. Троцкого дало повод говорить о перетряске аппарата, напоминались многим старые споры относительно организационных принципов большевизма. Однако самое письмо тов. Троцкого не дает еще нам достаточных оснований для исчерпывающего выяснения всех особенностей его позиции, для упреков его в «троцкизме» прежних времен. Но у нас есть ряд оснований судить о позиции тов. Троцкого по отдельным моментам изложения ее в других местах. Мы помним дискуссию о профсоюзах. В его постановке вопроса, что партия должна подчинить себе «аппарат», мы видим попытку решать вопросы организационного порядка вне связи с политическими задачами партии. Таким путем партийная политика подменяется организационными схемами, а спор по существу партийной политики подменяется борьбой за аппарат, при чем эта борьба не связывается с политическими целями. Это-то и дает основание к заключению, что в настоящей дискуссии единственной целью тов. Троцкого и оппозиции является лишь захват аппарата. Это же мы видим и в вопросе об отношении к Госплану и его роли в связи с решением по этому поводу и вопросу XII съезда. Мы обвиняем ЦК и Политбюро не в том, что они помимо и без заключения Госплана решают те или другие хозяйственные вопросы, а в том, что они при решении их поддаются влиянию чуждых пролетариату элементов. Вопрос о хозяйстве есть прежде всего вопрос политический, и в этой части он вызывает разногласия. Вся сумма предложений тов. Троцкого, известная нам из печати, сводится в отношении хозяйственной политики к дальнейшей концентрации государственной промышленности и к усилению роли Госплана. На пути все большего сокращения предприятий крупной государственной промышленности,—на пути дальнейшего сокращения нашей материальной и социальной базы и усиления лишь регулирующего начала в самой этой промышленности, он предлагает искать скорейшего выхода из

не прекращающегося в течение последних лет промышленного и хозяйственного кризиса в стране и особенно жестокого кризиса в тяжелой государственной индустрии. Мы не разделяем его взглядов и надежд найти разрешение этих вопросов в области концентрации промышленности и являемся сторонниками решительного увеличения, расширения производства предметов массового потребления, а также машин и орудий для реорганизации и устранения технической отсталости нашей индустрии и сельского хозяйства. Спор об аппарате приобретает политический характер. Тов. Троцкий не дал указаний о том, в каком же направлении он мыслит себе работу «нового» или обновленного аппарата. К партийному аппарату тянется много рук, в частности тянутся они для решительной концентрации нашей промышленности. В этой тяге к аппарату мы видим опасность подмены политической задачи техническим мероприятием. Вопрос о концентрации есть вопрос о судьбе рабочего класса, является вопросом политики. Отойти от нее и прикрыться организационными мероприятиями не удастся никому. До сего времени нет никаких оснований отделять тов. Троцкого в вопросах политики от других членов ЦК. По всем крупным вопросам политики он был солидарен с другими членами ЦК. Теперь в ходе дискуссии вопрос о направлении хозяйственной политики поставлен вновь. По ответам на этот вопрос мы можем судить о том, насколько основательны поддерживаемые им лозунги овладения партийным аппаратом.

Дискуссия 1923 года происходила с сентября 1923 г. до XIII конференции партии (начало 1924 г.). Вопросы, обсуждавшиеся в этой дискуссии, делятся на две группы: а) вопросы партийного строительства (партаппарат и бюрократизм в партии, старая гвардия и молодежь, вопрос о фракциях и группировках); б) вопросы хозяйственной политики. Против партийной линии выступила объединенная оппозиция, состав которой резолюция XIII партконференции охарактеризовала так: „Ядром оппозиции выступают члены бывшей группы „демократического централизма", боровшейся против линии партии в течение ряда лет. К этому ядру присоединяются несколько бывших членов ЦК, не переизбранных на X съезде РКП по предложению т. Ленина (Преображенский, Смирнов, Серебряков). Весь этот оппозиционный блок возглавляется т. Троцким".—„Тов. Троцкий в эту дискуссию стал уже совершенно явственно рупором мелкобуржуазного уклона" (из резолюции пленума ЦК и ЦКК от 17 января 1925 г.).

Говоря о решении ЦК и ЦКК, Шляпников имеет в виду резолюцию Политбюро и президиума ЦКК о внутрипартийном строительстве, принятую 5 декабря 1923 г. Эта резолюция была принята единогласно; но уже через два дня после ее опубликования т. Троцкий выступил с письмом „Новый курс"—„фракционным манифестом, направленным против ЦК", как оценила это письмо резолюция XIII партконференции.

Идеологическая связь „рабочей оппозиции" с „Рабочей Правдой" и особенно с „Рабочей группой" несомненна. В своей работе о „Рабочей группе" т. В. Сорин показал, что идеология „Рабочей группы"—это «доведенная до логиче-

ского конца и поставившая все точки над і идеология „рабочей оппозиции“ (стр. 114). Интересно отметить, что из 28 членов „Рабочей группы“ 8 принадлежало к „рабочей оппозиции“ (Н. Кузнецов, М. Берзина, В. Демидов, М. Михайлов, Г. Шоханов, А. Баранов, И. Мах, А. Медведев; из них первые шесть исключены из партии), а четыре подписали „заявление 22-х“ (в том числе и Г. Мясников). В „Правде“ от 19 декабря 1923 г. в статье „Что такое „Рабочая Правда“ т. Ем. Ярославский писал: „Группа „рабочей оппозиции“ была сильна наличием революционных пролетарских элементов, но объективно она реакционна, стремясь к возрождению до конца изжитых лозунгов и методов военного коммунизма. Наша задача—привлечь революционные элементы „рабочей оппозиции“, отрешившись от реакционных идеалов. В мою задачу, конечно, не входит защищать „рабочую оппозицию“, но все-таки это в значительной степени—„рабочая оппозиция“, в ней действительно были ценные рабочие революционные элементы. Однако, мы считаем необходимым указать, что уже не совсем-то это верно, что никакой связи между „рабочей оппозицией“ и „Рабочей Правдой“ не было... „Рабочая Правда“ правильно определяет, что с тех пор (т.-е. со времени X съезда) утекло много воды. „Рабочая оппозиция“ с ее требованием возврата методов военного коммунизма разложилась и выделила „рабочую группу“ РКП. И вот эту-то „рабочую группу“ РКП „Рабочая Правда“ упрекает в утопизме, в непоследовательности. Она считает „рабочую группу“ левым революционным крылом „рабочей оппозиции“. Но если подумать хотя бы минуту о том, что это левое крыло „рабочей оппозиции“ стало главным козырем в руках наших классовых врагов—белогвардейцев за границей, тогда нам ясна будет роль подобной оппозиции. И все же мы должны установить на основании документов совершенно точно, что „Рабочая Правда“, которую сам Мясников характеризовал как меньшевистскую, была связана с „рабочей группой“ РКП, что член „Р. П.“ входил для связи в „рабочую группу“ РКП.»

— См. также статью тов. Ем. Ярославского „Чего не следует забывать“ (в приложениях к настоящему сборнику, стр. 251).

---

43. О правой опасности в нашей партии

(Статья ЦО ВКП(б).)

Не так давно в «Правде» сообщалось о деятельности немногочисленной группы, так называемой «бакинской оппозиции». Этой группой идейно руководили небезызвестные «вожди» бывшей «рабочей оппозиции»—товарищи Медведев и Шляпников. Тов. Медведев определял политическое лицо бакинской группы, давал ей директивы, идейно вдохновлял всю ее работу, целиком направленную против нашей партии и ее Центрального Комитета. Центральная контрольная комиссия, рассмотрев вопрос о деятельности бакинской группы, постановила смягчить суровые приговоры, вынесенные местными партийными организациями, над членами группы—рядовыми рабочими, в надежде на то, что эти товарищи сумеют в дальнейшем исправиться и признать свои вольные или невольные политические ошибки.

При разборе этого дела в ЦКК большую роль играл один важный

политический документ. Этот документ—большое *письмо* т. *Медведева*, адресованное членам бакинской группы. Письмо датировано 1924 годом. Непосредственно оно касается вопросов и споров, поднятых в нашей партии во время сентябрьской и послесентябрьской дискуссии. Однако и к настоящему времени письмо это не только не устарело, но даже приобрело ударную политическую свежесть. Письмо-«брошюра» т. Медведева совершенно неожиданно проливает ослепительно яркий свет на вопрос о вырождении некоторых оппозиционных группировок, на вопрос об их прямом «врастании» в меньшевизм.

Содержанием письма т. Медведева является как ожесточенная критика проводимого нашей партией принципиального политического курса, так и противопоставление этому курсу «рабоче-оппозиционной» политической контр-платформы. Тов. *Медведев* занимается не тем, что подвергает сомнениям ту или иную отдельную сторону нашей политики, те или иные частные моменты этой политики. *Медведев* обрушивается на всю политику партии в целом, докапывается до ее самых сокровенных основ и от этих основ начисто и наотрез отрекается. *Медведев* сам заявляет, что он ведет поход на *основы* существующей политики партии, политики *внутренней* (партийной, хозяйственной), *коминтерновской* и всякой иной. Мы увидим дальше, в чем заключаются, по Медведеву, злокачественные «язвы» и «пороки» «основ» нашей политики, а пока спросим, в чем усматривает сам Медведев путь к спасению, в чем заключается существо его собственной контр-платформы.

В нескольких словах «программа» Медведева такова: *ликвидация самостоятельного коммунистического движения на Западе, ликвидация Профинтерна, ликвидация самостоятельной советской госпромышленности путем вытеснения последней концессионным капиталом.*

Как?—спросит, вероятно, ошеломленный читатель. Ведь это же абсолютно непостижимо! Ведь от названных предложений на сотни верст кругом отдает самым доподлинным стопроцентным меньшевизмом! Ведь т. Медведев—представитель «рабочей оппозиции»! Ведь Медведев атакует наш ЦК «слева», может быть только чересчур «слева»! Ведь Медведев — ближайший соратник и правая рука т. *Шляпникова*, а т. *Шляпников* разве не озарен «сиянием» «левого», «классовосознательного» сверхрадикализма? Ведь Медведев сам подчеркивает в своем письме, что он только развивает «наши общие» с т. *Шляпниковым* «положения»? Ведь «общепринято» считать группировку *Шляпникова-Медведева* крайней *левой* группировкой в нашей партии, группировкой, ухитряющейся стоять

«левее» большевизма? Между тем ребенок поймет, что в платформе Медведева, изложенной им в письме к «бакинским товарищам», не содержится ни атома «левизны», что в ней, наоборот, в цинично оголенной форме выставлены крайние правые, махрово-меньшевистские требования.

Как же это случилось, как же это могло случиться, что «левое» стало «правым»? Как же могло случиться, что герои «левой» фразы стали вдруг повторять зады «Социалистического Вестника», делать глазки социал-предателям и взывать с тоской по концессионным варягам? Посредством какого загадочного «хода мыслей» левый Медведев дошел до «правого» меньшевизма? Каким образом мелкобуржуазная правая опасность в рядах нашей партии выросла из «рабоче-оппозиционной» идеологии Шляпникова-Медведева?

Чтобы объяснить это явление, понять, что оно вовсе не случайно, но исторически обусловлено, нужно прежде всего обратиться непосредственно к новому «символу веры», дать из письма Медведева возможно более подробные выдержки.

1. „Хозяйственный курс" т. Медведева

Почему т. Медведев не приемлет того хозяйственного курса, который проводит наша партия? Он его не приемлет потому, что в нем, по его мнению,

«для всех видов крупной государственной промышленности отводится по существу роль придатка, дополнения к мелкому и даже мельчайшему крестьянскому двору (подчеркнуто здесь и дальше нами. *Ред.*).

«Когда... Цека провозглашает, что для государственной промышленности этот крестьянский рынок есть предел, за который она не может выходить, что именно в этом направлении он будет разрешать все вопросы о промышленности, мы, естественно, видим в такой политике угрозу крупной госпромышленности и самому существованию рабочего класса».

«Вот тот основной характер экономической политики партии на ближайший период нашего господства у власти. В нем таится по-нашему громадная опасность интересам рабочего класса и дальнейшим судьбам государственной крупной промышленности».

Хозяйственная политика нашей партии таит в себе «громадную опасность интересам (для интересов? *Ред.*) рабочего класса». Более того, она ставит под угрозу «самое существование рабочего класса». Порок ее в том, что она пытается сочетать интересы крупной госпромышленности с интересами мелкого крестьянского производства, или, как для вящшего эффекта выражается Медведев, крупную промыш-

ленность превращает в «придаток и дополнение к мелкому крестьянскому двору». Почему же, однако, ленинские заботы о хозяйственной смычке города и деревни изгоняются из статутов медведевско-шляпниковской платформы? Почему «приспособление» крупной госпромышленности к нуждам сельского хозяйства Медведевым «строго воспрещается»?

Ответ тов. Медведева прост и ясен. Согласовать развитие крупной промышленности с развитием крестьянского хозяйства, по Медведеву, бессмысленно, потому, что мелкое крестьянское хозяйство вообще не имеет перспектив какого бы то ни было развития. Мелкое крестьянское производство должно неминуемо разлагаться и гибнуть.

«Мы считаем,—провозглашается в оппозиционной платформе,—что мелкое и мельчайшее производство в обстановке нэпа, в зависимости от международного рынка, обречено на гибель».

«Все попытки спасти его, помочь ему удержаться и даже развиться есть реакционные утопические попытки».

«Выходом из такого положения этих разоряемых крестьянских масс может быть только развивающаяся, растущая государственная промышленность, на арене которой эти массы могли бы найти приложение своих рук и сил».

«Та же часть деревенщины (!?), которая остается за исключением указанной массы, есть деревенская мужицко-кулацкая буржуазия, враждебная нам не меньше буржуазии старой формации».

Таков безнадежно-суровый приговор т. Медведева над «деревенщиной». Вся она, за исключением кулацко-буржуазной верхушки, неизбежно должна разложиться, «разориться», быть вытолкнутой из ее хозяйственных пор, превратиться в необозримую промышленную (резервную армию» и лишь «на арене крупной госпромышленности» искать «приложения своих рук и сил». А раз это так, то нелепо, разумеется, заботиться о какой-то смычке с каким-то поголовно «обреченным» средним крестьянством, нелепо поддерживать с ним хозяйственный контакт, нелепо «развивать» крестьянское хозяйство, нелепо вводить его в социалистическое русло через кооперацию, нелепо вести соответствующую экономическую политику, соответствующую политику цен, кредита и т. д. Все это, по мнению т. Медведева, есть не что иное, как «реакционно-утопическая» бессмыслица, угрожающая «самому существованию рабочего класса».

«Выходом» для неизбежно разоряемых миллионных масс крестьянских хозяйств т. Медведев считает только одно: максимально быстрое развитие крупной госпромышленности. Развертывание госпромышленности должно итти таким темпом, чтобы могла быть в ней занята вся роковым образом разоряемая масса «деревенщины». Но откуда

взять огромные средства, необходимые для того, чтобы обеспечить такой сказочно быстрый темп развития городской индустрии?

Здесь мы подходим к самой сути медведевской платформы. Предоставим слово опять самому т. Медведеву. Тов. Медведев разъясняет прежде всего то, откуда нельзя, по его представлениям, извлечь такие огромные средства для развития промышленности.

«Думать, что мы можем... собрать необходимые массы капитала для разворачивания потушенной промышленности путем налогов,— значит тешить себя напрасной иллюзией».

«Думать же, что эти массы капитала мы сложим «из пятаков», только более длительно,—это значит дополнять прежнюю иллюзию иллюзией мелкобуржуазных эпигонов».

Нельзя собрать необходимые «массы капитала» путем налогов, нельзя сложить их «из пятаков». Что же можно и что же нужно сделать? Нужно пойти на поклон к международному капиталу,— отвечает группа Медведева-Шляпникова.

«Мы требуем,—гласит документ,—чтобы правительство сделало более энергичные поиски этих средств путем иностранных и внутренних госзаймов и допущения концессий с бóльшими потерями, материальными жертвами, чем те, что готово было предоставить наше государство за предоставление ему таких кредитов. Мы считаем, что при современном хозяйственном состоянии нашей страны... большие материальные жертвы международному капиталу, готовому пойти на оживление наших нарушенных (?) промышленных районов,—есть меньшее из зол, чем то состояние, в котором мы можем оказаться в ближайшие годы в области нашего промышленного и сельского хозяйства, и которое может оказаться для нас гибельным».

Или «гибель», или концессионная политика без всяких границ!— такова безотрадная дилемма, перед которой ставит группа Шляпникова-Медведева рабочий класс СССР. Рабочий класс СССР должен, разумеется, выбрать «меньшее из зол»: по призыву Шляпникова-Медведева он должен опуститься на колени перед господами Уркартами, пойти в кабалу к международному капиталу.

2. Международно-политический курс тов. Медведева

«Международная политика нашей партии,—заявляет тов. Медведев,—есть продолжение нашей внутренней политики на международной арене».

А поскольку мы видели, что политика партии внутри страны

является «гибельной», что она «угрожает самому существованию рабочего класса», и что она поэтому нуждается в радикальном пересмотре,— постольку совершенно естественно ожидать от т. Медведева не менее коренной ревизии политики нашей партии внутри Коминтерна, точно так же как и ревизии линии самого Коминтерна.

Документ не оставляет на этот счет ни малейших сомнений. Медведев черным по белому объявляет себя принципиальным врагом политики Коминтерна.

«Та почва, на которой Коминтерн питается,—европейские рабочие массы—явно безнадежна. Она не только не сближает нас с массами международного пролетариата, но, наоборот, разобщает».

«Во всех... средне-европейских странах, имеющих решающее значение для международной революции, эта тактика (тактика Коминтерна. Ред.) привела к тому, что из общей массы организованных сил пролетариата были вырваны силы коммунистической частицы его..., чем дезорганизовали и общее движение рабочего класса, и эту коммунистическую часть его, изолировав ее от общей массы организованного пролетариата и тем лишив возможности постоянного воздействия на эти массы изнутри их рядов. Мы—злейшие противники этой политики».

«Злейший противник» политики и тактики Коминтерна в целом, Медведев выступает также и «злейшим противником» отдельных коммунистических партий. Самое существование последних Медведев объявляет следствием «попыток механического насаждения наших методов работы во всех западно-европейских странах». Между тем:

«...эти попытки приводят буквально к дезорганизации рабочего движения этой страны; насаждению материально немощных «коммунистических» секций и к содержанию их за счет того достояния российских рабочих масс..., которое для себя они использовать не могут при современных условиях».

«На деле создаются оравы мелкобуржуазной челяди, которая за русское золото изображает себя самих за пролетариат и представительствует в Коминтерне, как более «революционные рабочие».

Бешеная атака против Коминтерна у Медведева дополняется неприкрытой защитой II и Амстердамского Интернационалов. Если Коминтерн превратился, по Медведеву, в организацию «орав мелкобуржуазной челяди», то зато международная социал-демократия и реформистские профсоюзы становятся в глазах Медведева организациями доподлинных «рабочих масс».

«Наши оценки западно-европейских с.-д. партий глубоко расходятся с теми оценками, которые даются им нашими руководителями».

Группа Медведева протестует против «систематической травли и дискредитации пролетарски-классовых объединений западно-европейского пролетариата (объединений социал-демократических! Ред.). Равным образом группа Медведева протестует против «такой же дискредитации всякого с.-д. правительства вообще», например макдональдовского «рабочего правительства в Англии».

«Это последнее сплошь и рядом изображается как правительство буржуазии. Мы ни на одну иоту не можем согласиться с такой политикой и тактикой».

«Она губительна для дела действительной социалистической революции».

Чтобы предотвратить «губительный» исход дела «действительной социалистической революции», группа Медведева-Шляпникова рекомендует ликвидировать самостоятельные коммунистические партии и закрыть Красный Интернационал профсоюзов. Главный лозунг медведевской «международной политики» есть лозунг: назад в ряды социал-демократии!

«Мы считаем, в соответствии с фактическим положением, дела, что такие объединения наши, как «Профинтерн», фактически являются вольно или невольно орудием разобщения и российских рабочих масс и западно-европейских коммунистических масс от решающих масс всего пролетариата».

«Мы стоим за то, чтобы коммунистические рабочие массы остались составной частью рабочих масс, организованных в профсоюзах, кооперации и социалистических партиях и т. д., чтобы всякие попытки к тому, чтобы... организовать свою обособленную от этих масс организацию того же порядка—были решительно отброшены, как авантюры, дезорганизующие рабочее движение».

Такова поистине замечательная «платформа» действительно вырождающихся представителей бывшей «рабочей оппозиции». Итак, рабочая оппозиция требует:

1) ликвидации компартии, как «орав мелкобуржуазной челяди»; 2) обратного вхождения в социал-демократические партии; 3) ликвидации Профинтерна; 4) вхождения в Амстердам; таков «символ веры» группы Медведева-Шляпникова.

3. Эволюция „рабочей оппозиции". Врастание в меньшевизм

В приведенных цитатах мы исчерпали в основном содержание медведевского письма к членам «бакинской оппозиции». Теперь читателю должно быть ясным, почему наша партия не может пройти мимо этого

документа-платформы. Медведевский документ имеет глубокий политический смысл. И не только и не столько потому, что он в чрезвычайно яркой форме вскрыл перед нами своеобразные пути политических блужданий группы членов «рабочей оппозиции». Ведь удельный вес всей группы Шляпникова-Медведева в нашей партии крайне ничтожен, да и вся партия превосходно помнит ту борьбу, которую вел с этой группой тов. Ленин. Значение письма Медведева глубоко поучительно в том отношении, что оно с небывалой силой и наглядностью вскрывает закономерности развития антибольшевистского уклона вообще.

Письмо Медведева—образец уклона от большевистской линии в завершенном виде. В нем «брожение идей» рабочей оппозиции дошло до той предельной точки, когда эти «идеи» выделили из себя почти химически чистый меньшевизм. Письмо Медведева обнаруживает, какие лозунги и каким образом могут и неизбежно должны перерастать в меньшевизм. Тем самым письмо сигнализирует перед партией ту опасность, что тот или иной политический зигзаг «влево», в сторону блокировок с группой Медведева-Шляпникова может стать роковым зигзагом вправо, перерасти в меньшевизм. Таким образом, письмо Медведева есть выразительное предупреждение о правой опасности в рядах нашей партии.

Программа Шляпникова-Медведева есть программа развернутой ликвидации большевизма посредством меньшевизма. То, на что держит курс медведевское письмо, есть всесторонняя замена большевизма меньшевизмом. Чтобы убедиться в этом, следует только несколько повнимательней проанализировать документ-платформу со стороны его содержания.

Осуществление платформы Шляпникова-Медведева предполагает:

1. Ликвидация социалистического строительства в нашей стране. Наша партия считает, что при активном участии рабочего класса она может строить социализм в нашей стране. Наша партия считает, что в нашей стране социализм может победить. Основным решающим рычагом социалистического строительства партия считает развитие у нас крупной, высоко развитой технически промышленности.

Но не всякое развитие крупной промышленности у нас следует расценивать как успех социалистического строительства. Только тогда развитие промышленности у нас будет означать собой победоносное шествие социализма, если это развитие будет развитием промышленности совершенно определенного социального по-

кроя, если подыматься будет именно социалистическая промышленность, если расти и крепнуть будут «предприятия последовательно-социалистического типа», если будет обеспечен растущий перевес социалистическим элементам в нашем народном хозяйстве. Если же такого растущего перевеса социалистических предприятий мы не достигнем, то дело социализма в нашей стране будет безнадежно проиграно.

Между тем, то, на что ориентируется тов. Медведев, есть не развитие крупной социалистической промышленности, но развитие крупной промышленности концессионной, подъем хозяйства на государственно-капиталистической основе. Преобладание в медведевской «крупной промышленности» обеспечено не социалистическим предприятиям, а предприятиям концессионным. Главные «массы капиталов», необходимых для оживления «потушенной промышленности», для восстановления «нарушенных промышленных районов» Медведев предполагает извлекать из мошны международной буржуазии. Но ведь мистер Уркарт не ради прекрасных глаз наших выедет на белом коне спасать нашу «потушенную промышленность». За огромные средства, влагаемые в нашу промышленность, гг. Уркарты потребуют огромную, львиную долю создаваемой рабочими прибавочной ценности. Но это неминуемо будет означать растущее хозяйственное влияние концессионеров и заграничных банкиров в нашей стране; это будет означать, что командовать нашим народным хозяйством станет международный капитал. «Наша» промышленность станет вотчиной, филиалом международного финансового капитала, а наш многомиллионный пролетариат станет предметом эксплоатации со стороны иностранных капиталистов. Конечно, мы должны стоять за концессионные договоры. И не в том ошибка (граничащая с преступлением против партии и рабочего класса) т.т. Шляпникова и Медведева, что они стоят за концессии. Эта ошибка в том, что они стоят за безграничные концессии, фактически за выдачу нашей промышленности международному капиталу. «Хозяйственный курс» Шляпникова-Медведева есть поэтому курс на самую настоящую дауэсизацию нашей страны, дауэсизацию, которая явится прологом к возврату капитализма и крушению диктатуры пролетариата.

Выпавшие на долю советского пролетариата первородство социалистического строительства Шляпниковы и Медведевы предполагают променять на концессионную похлебку. Их отношение к проблемам строительства социализма меньшевистски-наплевательское. Для них лишь бы развились производительные силы, до пролетар-

ского руководства развитием производительных сил им нет никакого дела. Пусть наши рабочие будут гнуть спины перед заграничной плутократией, лишь бы развивалась насаждаемая Уркартами крупная промышленность, лишь бы рабочие могли находить «приложение своих рук и сил», лишь бы они перебивались с копейки на пятачок. Меньшевизм Шляпниковых-Медведевых здесь дополняется его разновидностью—психологией цехового «экономизма», предрассудки которого они рассчитывают вновь воскресить в нашем рабочем классе, активном строителе социализма.

Период, протекший с тех пор, как был написан медведевский документ, явился периодом проверки шляпниковско-медведевских политических «идей» и ознаменовал их полное банкротство. «Потушенная промышленность» сделала гигантский шаг вперед. Равновесие «нарушенных промышленных районов» в основном налажено. Пролетариат вовсе не капитулировал, как ему предлагали ликвидаторы новейшей формации. Политика партии не только не привела рабочий класс СССР к медведевской «гибели», но в весьма значительной степени укрепила его мощь и удельный вес в стране. Ценою громадных усилий, шаг за шагом, делая ошибки и их исправляя, выскребывая «пятак» за «пятаком», рабочий класс подвел промышленность СССР к довоенным высотам. Теперь рабочий класс двигает нашу страну по пути индустриализации, и банкротами окажутся теперь те, кто вздумает усомниться в возможностях социалистического строительства, попытается потащить партию по стопам Медведева, начнет опять каркать о «гибели» нашей страны. «Неверие в возможность социалистического строительства», о котором говорилось в резолюциях XIV партийного съезда, получило в документе Медведева свое наиболее яркое выражение. Поэтому эта «идеология» провалилась наиболее жалко и позорно.

II. Ликвидация рабоче-крестьянского союза является одной из самых важных составных частей политической платформы Шляпникова-Медведева. Непонимание, или, вернее, откровенное непризнание основ учения Ленина о блоке пролетариата с крестьянством у Шляпникова-Медведева связано непосредственным образом с их ликвидаторским отношением к строительству социализма и с их ставкой на спасение страны посредством концессионного капитала. Над этим обстоятельством не лишне вновь и вновь призадуматься всем тем, кто грешит слишком вольным обращением с ленинизмом в крестьянском вопросе, кто склонен вносить поправки и «поправочки» к коренным положениям Ленина, кто объявляет «скучными» и «надоевшими» разговоры о незыблемости смычки,

кто считает, что диференциация отодвинула вопрос о середняке на задний план и т. д.

Действительно, от непризнания ленинских взглядов на крестьянство до неумеренного лобызания Уркартов всего один единственный шаг. Отпадение перспективы прочного союза с середняком неумолимо влечет за собой отпадение перспектив строительства социализма в крестьянской стране.

Платформа Шляпникова-Медведева доказывает это с математической простотой. В письме Медведева все крестьянство третируется свысока, как «деревенщина». Вся эта «деревенщина» рассматривается лишь как враждебная пролетариату мелкобуржуазная стихия—и только. Никакого «блока», никакого экономического и политического союза с основной массой крестьянства быть, разумеется, при таких условиях не может.

Раз, однако, составляющий меньшинство нашего населения пролетариат окружен враждебным кордоном «деревенщины», раз, наряду с этим, крестьянское хозяйство «обречено» на разложение и «разорение»; раз «реакционным утопизмом» объявляют Шляпников и Медведев все попытки «спасти» его от «разорения»; раз невозможно перевести крестьянское хозяйство на социалистические рельсы через кооперацию; раз даже самое слово «середняк» в медведевском лексиконе отсутствует; раз в представлении Медведева городская промышленность может развиться лишь по капиталистическому «образу и подобию», т.-е. за счет «разорения» и гибели деревенского хозяйства,—то как же, спрашивается, может находящийся во враждебном окружении 20 миллионов крестьянских дворов пролетариат руководить народным хозяйством страны, строить в ней социализм? Социализм нельзя построить в «осажденном городе». Геркулесовы столбы нелепости представляла бы собой «идея» построить социализм в крестьянской стране, воюя с крестьянством. А раз это так, то не следует ли похерить всякие «социалистические перспективы», подобрать старое струвистское барахло и бежать со всех ног «на выучку к капитализму»?

Медведев так и сделал, ибо ничего другого ему не оставалось делать. Он вынужден был это сделать, иначе ему не удалось бы свести концы с концами. Его платформа «обрекает» крестьянское хозяйство на вырождение. Вся «деревенщина», кроме кулаков, должна, по Медведеву, «разориться» и образовать огромное море безработных. Этим десяткам миллионов безработных Медведев обещает найти «скорое приложение их рук и сил». Но для этого он обещает предоставить неограниченное «приложение» в нашей стране «силам»

международного капитализма. Отсюда его лозунг: шире дорогу концессионному капиталу!

Отречение от ленинского учения о пролетарско-крестьянском союзе отомстило за себя жестоко. В платформе Шляпникова-Медведева это отречение выступило как меньшевистская капитуляция перед буржуазией.

Политической наивностью была бы мысль, что заигрывание Медведева с международным капиталом—простая случайность, что мы имеем дело с «нечаянным» и непродуманным концессионным «привеском» к чрезвычайно «левой» во всех остальных отношениях платформе. Вынув из экономической программы Шляпникова-Медведева ее центральную ставку, ставку на концессионный капитал, мы поставили бы и пролетариат и крестьянство нашего Союза перед перспективами еще более безотрадными: в глазах крестьянства это была бы перспектива абсолютно безысходного разорения; для пролетариата это была бы зловещая перспектива мужицкой Вандеи.

III. Ликвидация пролетарского интернационализма—боевой клич правых ликвидаторов наших дней. Медведевская «критика» Коминтерна и коммунистических партий отличается особенной ожесточенностью. Медведевская программа «международной политики» есть единственный в своем роде пасквиль на Коммунистический Интернационал и не менее отвратительная апология международного социал-предательства. Программа «международной политики» у Медведева действительно служит дополнением его «экономической» программы. За «готовность» международного капитала притти в СССР и восстанавливать в нем «нарушенный» порядок Медведев готов предложить немалую цену: он готов преподнести ему голову Коминтерна! Ликвидация пролетарского интернационализма, закрытие и роспуск международных рабочих революционных организаций—это, действительно, веская гарантия в глазах международной буржуазии «спокойной» и безграничной концессионной работы. Ленин и вся наша партия отлично знали, что можно и должно «платить» за концессионную «науку». Но Шляпников и Медведев, докатившись до меньшевизма, додумались до того, чтобы заплатить за концессии изменой международной революции и пролетарскому Интернационалу!

Самое возмутительное и самое чудовищное в письме Медведева—это то, что свое отступничество от международного коммунизма Медведев пытается обосновать «интересами международного пролетариата»! Каким жалким, однако, выглядит это «обоснование»!

Коммунистические революционные партии объявляются «оравами мелкобуржуазной челяди». Зато партии Барматов и Носке,

Реноделей и Макдональдов объявляются подлинными «пролетарски-классовыми объединениями». Не потому ли, что Ренодели и Шейдеманы гнали пролетариат на поля сражения во время мировой бойни? Не потому ли, что эти господа помогали и помогают империалистической расправе над колониальными и отсталыми странами? Не потому ли, что гг. Носке и К⁰ расстреляли тысячи немецких рабочих в 1918 году? Не потому ли, что «пролетарски-классовые» гг. Каутские травят советский режим наравне с Сувориными и Милюковыми?

Коммунистические секции Коминтерна суть «оравы мелкобуржуазной челяди», они только «дезорганизуют» международное рабочее движение. Зато «организуют» международное рабочее движение классово-пролетарские «тайные советники короля», Томасы и Бонкуры, организуют его в министерских передних, за столом Лиги Наций, в капиталистических генеральных военных штабах...

Капиталистические тюрьмы переполнены «оравами мелкобуржуазной челяди». Зато оравам «классово-пролетарских» с.-д. вождей капиталистическая буржуазия воздает всякие почести и милости (уж не во имя ли торжества дела «действительной социалистической революции», которую губит «тактика и политика» Коминтерна?). Правительство СССР есть «омелкобуржуазившееся» правительство. Зато правительство Макдональда есть настоящее «рабочее» правительство (не потому ли, что оно продолжало душить и грабить Индию не хуже Гладстонов и Чемберленов, что оно не хуже других расправлялось с индусскими «бунтовщиками»?).

А медведевское «язвительное» шипение насчет «русского золота»? Как хорошо оно знакомо всем большевикам, всем революционным рабочим!

Каждый сознательный рабочий понимает, что СССР есть опорная база международного социализма. Каждый сознательный рабочий понимает и то, что успех строительства социализма в нашей стране связан с успешным развитием революционного движения в международном масштабе. Пролетарская власть в СССР сильна не только мощью нашего пролетариата и нерушимостью рабоче-крестьянского союза. Пролетарская власть в СССР сильна и той поддержкой и теми симпатиями, которые оказывают ей широчайшие слои международного рабочего класса. Революционный пролетариат СССР помогал и будет помогать своим иностранным братьям. И никакое исступление наших врагов не помешает тому, что дело интернационального пролетариата всегда останется делом победоносного пролетариата СССР.

Танцуя вокруг «русского золота», Медведев подбирает грязное оружие эсеровских «Дней» и реакционных держиморд вроде Чер-

чилля. Тем самым Медведев служит международной реакции меньшевистскую службу. Чистейшим лицемерием является его «сожаление» о «русском золоте». Он протестует против той пролетарской помощи, которую советский пролетариат оказывает международным революционным рабочим. Зато он готов оптом продать «русское золото» концессионным капиталистам. Русские рабочие не смеют помогать своим братьям по классу. Вместо этого Медведев предлагает из пота и крови рабочего класса соорудить на весь СССР пышный концессионный храм для империалистической буржуазии, отдав ей все ключи на руки. И Медведев думает кого-то уверить, что это делается на благо «действительной социалистической революции». Нечего сказать, недурно выглядит «действительная социалистическая революция» по Медведеву!

«Развенчивая» Коминтерн, Медведев восхищается ангельской кротостью международной социал-демократии. Он решительно «не согласен с той «травлей и дискредитацией», которые ведутся против «классово-пролетарских» социал-демократических лидеров.

«...Нет ничего противоестественного в том,—говорит Медведев,—что он (международный пролетариат. Ред.) доверяет все руководство своей борьбой именно тем, кто преподносит ему не красные вымыслы (!), а умело защищает его от повседневных невзгод».

Для оменьшевичившегося вконец Медведева слово «красный» стало уже ругательным. Медведеву не нравятся «красные вымыслы», он жаждет концессионных «реальностей» и того же желает советскому пролетариату. И он поступает совершенно последовательно, когда бежит прочь от «красных вымыслов» и пытается укрыться под желтым знаменем Амстердамского Интернационала.

IV. Ликвидация большевистской партии и курс на политическую демократию в стране есть логический вывод платформы Шляпникова-Медведева. Меньшевизм в «экономике» и меньшевизм в «международной политике» должны неотвратимо привести к меньшевизму во внутренней политике и в политике партии.

В самом деле. Что должна представлять собой партия по мнению Шляпникова-Медведева? Она должна собой представлять известную сумму «течений», «оттенков», разноречивых фракций и группировок. Всем этим фракциям, группам и группочкам Шляпников с Медведевым считают нужным предоставить в партии полную свободу. Так как, далее, согласно Медведеву, наша партия «на шесть седьмых» стала мелкобуржуазной, то из всех фракций и группировок надо выбрать «пролетарско-классовую группировку» и на нее политически ориентироваться. «Единственная фракция,—пишет Медведев членам «бакинской оппозиции»,—которая имела будущность в рабочем классе,—это... фрак-

ция «рабочей оппозиции». Между тем, как показал пример самого Медведева, «будущим» рабочей оппозиции оказался самый обыкновенный вульгарный меньшевизм.

Отсюда вытекают следующие важные выводы.

Наша партия организационно должна быть переведена на меньшевистские рельсы (сумма групп и фракций).

Из всех фракций решающее влияние в партии должна иметь «фракция рабочей оппозиции», т.-е. фракция, стоящая на медведевско-меньшевистской и идеологической платформе.

Но, допустив меньшевизм внутри нашей партии, более того, обеспечив меньшевизму в партии преобладающий вес,—нельзя не допустить меньшевизма вне нашей партии. Легализация старой меньшевистской партии должна дополнить собой логически легализацию меньшевизма нового, медведевско-шляпниковского. С точки зрения «бакинской» платформы, вопиющей непоследовательностью была бы борьба с меньшевизмом, т.-е. с тем, что представляет сама медведевская платформа. Медведев готов перейти в лагерь II Интернационала, в лагерь международного меньшевизма, в тот лагерь, в котором русские меньшевики и эсеры состоят активными деятелями. Нельзя брататься с амстердамскими ренегатами, с Макдональдами и Каутскими, не протягивая одновременно руки Шварцам, Далиным и Абрамовичам. Чем хуже, в самом деле, русские меньшевики их «пролетарско-классовых» мелкобуржуазных собратьев?

Таким образом, медведевская платформа становится рупором политической свободы для меньшевиков и тем самым—рупором политической демократии в нашей стране.

Буржуазная политическая демократия идет в медведевской платформе и с другого конца. Буржуазная политическая демократия есть неизбежная производная экономического курса Шляпникова-Медведева. Экономический курс платформы—это исключительная ставка на концессионный капитал, ставка на его руководящую роль в народном хозяйстве одновременно с утратой руководящей хозяйственной роли пролетариата. Но экономическая гегемония концессионного капитала не может не стать, в конце концов, его политической гегемонией. Концессионному капиталу нужны политические «гарантии» его господствующего положения в хозяйстве. Ему нужна не политическая оболочка пролетарского государства, но добропорядочная буржуазная демократия.

Значение платформы Медведева-Шляпникова заключается в том, что она с поразительной ясностью раскрыла нам механизм нарастания правой опасности внутри нашей партии.

* *
*

Наша партия есть единственная монопольная политическая партия в стране. Мелкобуржуазная правая стихия имеет поэтому естественную тенденцию просачиваться именно через каналы нашей партии. Она может свить себе гнездо во «фракциях» и «группировках» внутри нашей партии. Но как? Конечно, правая опасность может выступить и с открытым забралом. Та или иная мелкобуржуазная группировка может прямо выбросить правые лозунги, лозунги буржуазной демократии, возврата к капитализму и т. д. Но в этом случае она откровенно выступит сразу как правая опасность, она сразу разоблачит себя в глазах всей партийной массы, она всем будет видна. И ленински руководимой партии нетрудно будет сразу с правой опасностью покончить.

Поэтому правая тенденция должна выступить на первых порах в замаскированном виде, под левым флагом. Раз нельзя нашу партию взять фронтальной лобовой атакой, то ее надо попытаться обойти с тыла. Чтобы свалить ленинское руководство партии, являющейся величайшей в мире массовой партией, правым элементом следует «попытать счастье» самим стать «массовой силой». Ведь массовая сила есть первоклассная материальная сила. Чтобы потащить партию вправо от большевизма, надо предварительно обмозговать подход к массам «слева», правое содержание преподнести под левым флагом.

А для этого надо начать действовать оружием социальной демагогии. Надо задрапироваться на время «стопроцентным» рабочелюбием. Надо «умело» поиграть на цеховых струнках в рабочем классе. Надо спросить отсталые слои: «Чего изволите?», а затем все пообещать. Можно пообещать безработной массе немедленное «приложение их рук и сил», а потом этого не выполнить. Можно пообещать немедленную сверх-индустриализацию, а затем эту индустриализацию выполнить по-медведевски с помощью Уркарта и генерала Дауэса. Можно посулить золотые горы бедноте, а затем ей ничего не дать. Можно пообещать высокую заработную плату, не сказав, из какого кармана ее выложить. А для всего этого надо шатать и шатать единство нашей партии (шляпниковская «рабочая демократия»: «группировки», «фракции», лозунг «свободы всех бывших групп» и т. п.). Истинные мотивы борьбы могут быть при этом временно скрыты.

Таковы «правила маскировки» правых, неудачно драпирующихся в левую тогу.

«Промах» Шляпникова-Медведева в том, что они уже сожгли за собой корабли. У них «тайное» стало явным. У них большевизм стал меньшевизмом, «левое»—правым. «Действительная социалистическая революция» у них стала осуществляться концессионными рыцарями без страха и упрека. На место «красных вымыслов» у них выступила буржуазная демократия, на место Ленина—Макдональд и Носке.

Платформа Шляпникова-Медведева сигнализирует правую опасность в нашей партии. Партия эту опасность видит. Она видит, куда растет позиция «рабочей оппозиции». Она видит и то, что растет, какие лозунги, какие посулы превращаются в шляпниковщину и медведевщину, как нарастает и как может нарастать правая опасность.

Мы отлично знаем, что есть такие любители свободы «фракций» и «группировок», которые сейчас усиленно кокетничают с шляпниковско-медведевской «группировкой». И поэтому вся партия может всем им задать вопрос, за что же они, в сущности, стоят:

За укрепление Коминтерна или за ликвидацию его?

За то, чтобы считать компартии «оравой мелкобуржуазной челяди», или за то, чтобы видеть в них главную революционную силу движения?

За укрепление Профинтерна или за вхождение в Амстердам?

За блок с «кровавыми собаками», вроде Носке, или за борьбу с ними?

Зз социалистическое строительство или за уркартовскую кабалу?

За рабоче-крестьянский блок или за подчинение международному капиталу?

За Ленина или за Макдональда?

Вся партия даст решительный отпор попыткам меньшевистской измены Коминтерну и революции. Вся партия, конечно, даст отпор и укрывателям, союзникам и покровителям меньшевистских тенденций внутри ленинской ВКП.

Дело группы бакинских оппозиционеров разбиралось на объединенном заседании партколлегии КК Азербейджанской КП(б) 12 января 1926 г. По этому делу привлекалось 17 членов партии, обвинявшихся „в продолжении работы по организационному оформлению фракции, направленной против единства партии, и в нарушении этим постановлений X и XIII съездов РКП(б)“. Постановлением КК четверо (И. Землянский, Л. Сальман, Д. Колосов и Р. Аксенов-Разин) были исключены из партии, шестеро получили выговор и предупреждение (И. Гандюрин, И. Синегубов, М. Маневич, Ф. Матвеев, Мордяхин, И. Углик), дело одного передано в ЦКК РКП(б), а остальные шесть реабилитированы. ЦКК РКП(б), рассмотрев этот приговор, постановила смягчить его. В своей статье „Поторопились и погорячились“, помещенной в бакинских газетах, тов. А. Сольц писал: „Предложение послать товарищей за директивами к Шляпникову и Медведеву не встретило отклика среди собравшихся (для чтения медведевского письма). Медведеву и Шляпникову, конечно,

лестно давать директивы, но охотников получать их не нашлось“ (см. бакинский „Труд“ № 43 от 24 июня 1926 г.). Таким образом попытка вождей „рабочей оппозиции“ создать фракционный опорный пункт среди бакинских пролетариев провалилась. „Расследование выяснило, — гласит резолюция ЦКК РКП(б),—что со стороны т.т. Колосова и Разина была попытка организовать и оформить группу, но она не увенчалась успехом вследствие объективных причин— идеологической и политической беспомощности выдвигавшейся платформы и равнодушия к ней со стороны привлекавшихся рабочих“.

---

44. О демонстративной атаке и правой опасности в партии

(Статья тов. Шляпникова в № 17 „Большевика“ за 1926 г.)

I

В «Правде» от 10 июля с. г. в статье «Правая опасность в нашей партии» помещен разбор личного письма тов. Медведева бакинскому партийному пролетарию. Это письмо относится к периоду внутрипартийной дискуссии 1923—1924 гг. и имело исключительно личный характер, но уже в том же 1924 году, со времени начала, по провокации, дела против рабочих членов партии в Баку, получило партийно-общественное значение и стало известно членам политбюро ЦК партии. Однако лишь спустя два года после получения его членами ЦК редакция нашего центрального органа внезапно увидела в нем выражение «правой опасности» в нашей партии и решила уделить внимание поставленным в нем вопросам. Еще недавно мы добивались опубликования письма тов. Медведева и особенно настойчиво в связи с нашими протестами против приговора над бакинскими рабочими-партийцами, обвиненными в организации группы «бакинской оппозиции». Но в публикации его нам было отказано.

Мы были бы весьма благодарны редакции «Правды» даже за запоздалое внимание к поставленным в нем вопросам, даже в форме отдельных цитат из него и за частичное опубликование письма тов. Медведева, если бы они делались без сознательных извращений, чего мы в праве требовать от редакции «Правды». Сама редакция считает личное письмо тов. Медведева, написанное на запрос партийного товарища из Баку еще в январе 1924 года, «важным политическим документом», и притом не только не утерявшим интерес за истекшие два с половиной года, но, по мнению самой редакции, это письмо «даже приобрело ударную политическую свежесть». Такое определение письма, казалось, обязывает редакцию отнестись к нему действительно как к важному политическому документу и опубликовать его полностью. Но редакция «Правды» этого не сделала. Редакция не сделала этого

потому, что опубликование подлинного содержания письма не дало бы ей возможности нанести задуманный руководителями ЦК очередной политический удар по тов. Медведеву и по пишущему эти строки, а через нас и по тем товарищам, которые не разделяют политики большинства ЦК. Таким образом столь внезапное просветление редакции «Правды» и постановка вопроса о письме тов. Медведева понадобились руководителям большинства ЦК отнюдь не в целях разбора и освещения поставленных в письме тов. Медведева вопросов и информации партии о правой опасности в ее рядах и не для разъяснения ошибочности изложенных в нем взглядов, а для политического шельмования нас и в целях запугивания тех, кто не разделяет политики нынешнего большинства ЦК партии и, усматривая в ней наличие подлинно правой опасности, боится ее признать.

Политическая клевета на «рабочую оппозицию» и на оппозицию вообще давно уже стала орудием партийной борьбы и средством быстрых достижений для примазавшихся к партии карьеристов.

На-ряду с ними невежественные историки и заинтересованные в групповой борьбе политиканы пытаются дискредитировать нас ссылкой на идейную борьбу с нами В. И. Ленина, не понимая ни подлинных мотивов ее, ни политического значения. Мы расскажем партии в свое время об этой борьбе. Однако, ведя с нами борьбу, В. И. Ленин чутко прислушивался к нашим тревогам за судьбы нашей революции. Нынешние же руководители ВКП (б) в своем отношении к оппозиции кричащим образом отличаются от Владимира Ильича тем, что давно потеряли подлинное чувство тревоги за судьбу нашей революции.

Очень часто в такой нечестной политической борьбе клеветники пытаются опереться на В. И. Ленина. Но их попытки должны быть решительно разоблачены: В. И. Ленин не прибегал к нечестным приемам, и ссылки на него являются грязной клеветой.

Наша внутрипартийная идейная борьба 1920—1922 гг. отличается от нынешней глубиной содержания и поучительностью. Уроки того времени не пропали даром ни для партии, ни для нас. Но ныне не те времена: 1926 год—не 1921 и по разногласиям нашего времени, мы глубоко убеждены, что были бы вместе с В. И. Лениным против руководителей нынешнего большинства ЦК, как были с ним в самые первые дни Февральской революции против вождей нынешнего большинства ЦК.

Очевидно, желание автора выслужиться перед руководителями большинства ЦК побудило его прибегнуть к подлогам, фальшивым цитатам и шуллерским приемам, а партийная редакция, видимо, по тем же мотивам не устранила приемов намеренного извращения документа и собственные измышления автора о «платформе» тов. Медведева и моей.

II

Уже первые строки статьи о «Правой опасности в нашей партии» бьют фонтаном неправды. Статья начинается со ссылки на дело о бакинской оппозиции», и при этом редакция не остановилась перед извращением фактов и даже постановлений ЦКК и Политбюро по этому делу. Опубликованное по делу «бакинской оппозиции» решение ЦКК ВКП(б) и статья тов. Сольца, говорят прямо, что «никаких данных действительного оформления в группу не было, а посему оценка работы этих товарищей как оформленной группы не обоснована, а шельмование их контр-революционерами и предупреждение беспартийных рабочих, что в случае повторения участия в подобных подпольных организациях дело на них будет передано в соответствующие советские органы, «свидетельствуют о недопустимой горячности в этом деле». Так писал тов. Сольц, которого мы открыто считаем крайне пристрастным ко всякому делу, где имеются наши имена. Но иное сообщает партийная редакция.

Редакции «Правды» должно быть известно то решение ЦКК, в котором значится выговор секретарю ЦК и председателю ЦКК азербайджанской КП(б) за создание этого дела. Даже президиум ЦКК, рассматривавший по нашему протесту это дело, вынужден был отменить приговор, а не смягчить его, как говорится в статье. Так говорят официальные документы, но редакция шагает через них и много раз в одном лишь столбце повторяет, что письмо тов. Медведева было «адресовано членам бакинской группы» и т. д., явно извращая факты.

В первом разделе статьи «Правая опасность в нашей партии», говоря об отношениях тов. Медведева к хозяйственной политике партии, автор пытается поднять спор с нами на принципиальную высоту, но быстро скатывается на излюбленный и выгодный путь извращений цитируемого документа.

Высказанная в письме тревога за судьбу нашей государственной крупной промышленности, превращена редакцией «Правды» в нежелание тов. Медведева «согласовать» развитие крупной промышленности с развитием крестьянского хозяйства. Указания тов. Медведева на ограниченность непосредственного крестьянского рынка для продуктов тяжелой индустрии (металлургии, машиностроения, угольной и т. п.) выдаются редакцией за стремление разрушить хозяйственную смычку города с деревней.

Только злостное намерение редакции позволило ей толковать тревогу тов. Медведева за состояние крупной промышленности как отрицание важности смычки. Нам достаточно указать редакции «Правды»

хотя бы лишь на то, что в тот год, когда писалось письмо, положение крупной промышленности было крайне тяжелое, а «ведомственная» борьба против заказов для нее, угрожала самому ее существованию. Мы напомним только несколько моментов из этой борьбы, особенно ярко выявившейся в споре между Наркомпути и ВСНХ по вопросу о железнодорожных заказах. Кто не знает, что НКПС добивался полного «освобождения» себя от заказов на паровозы, вагоны, рельсы и тому подобный материал и требовал, чтобы ВСНХ перевел металлургические и машиностроительные заводы на обслуживание непосредственных нужд деревенского хозяйства? А спор о нужности заводов Ленинграда, разве не угрожал он существованию крупнейших заводов? Истекшие со времени последней дискуссии годы только подтвердили тревогу тов. Медведева. Дальнейшие события показали всей партии необходимость постановки вопроса об индустриализации всего хозяйства страны, и XIV съезд открыто поставил в порядок дня задачу проведения индустриализации в жизнь. Промышленная отсталость нашей страны становится очевидной угрозой всем завоеваниям Октябрьской революции.

Рассуждение тов. Медведева о неустойчивости мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства в условиях существующей капиталистической конкуренции, общее всем марксистам, ленинцам-большевикам, оспаривается редакцией нашего ЦО. На признании неустойчивости таких хозяйств зиждется вся наша программа практических мероприятий в деревне, в том числе и различные виды кооперации. Но редакция зачарована «смычкой с крестьянским хозяйством» вообще, а не с беднотой и вместе с ней с середняками и не видит, как смычка превращается у нее в смычку с кулаком.

Мы хорошо помним нашу старую борьбу с реакционными эсеровскими теориями о жизненности мелкого хозяйства, и, поскольку в сельском хозяйстве у нас существуют капиталистические отношения, мы не намерены обманывать бедноту обещаниями спасти ее карликовое «самостоятельное» собственническое хозяйство в условиях нэпа и жестокой рыночной борьбы. Редакция не опровергает тов. Медведева фактами, доказывающими, что развитие нашего мелкособственнического сельского хозяйства идет по иному пути. Почему не пишет она, что беднацкие хозяйства идут по иному пути? Почему не пишет она, что бедняцкие хозяйства в деревне укрепились на основе частной собственности? Нет, этого сделать она не может, ибо слишком хорошо известно ныне каждому, что за два года, истекшие со времени написания тов. Медведевым письма, расслоение в деревне сделало огромный шаг вперед. О судьбе этого мелкого и мельчайшего хозяйства и писал

тов. Медведев, его судьбой интересовался он прежде всего, а не развитием «крестьянского хозяйства» вообще, как пишет редакция. Да, крупное (кулацкое и по-современному «мощно-середняцкое») хозяйство в деревне имеет богатые перспективы, о смычке с ним хлопочет «Правда», когда упрекает нас в желании размычки. Ведь капиталистические отношения в деревне нами не изжиты, а поскольку они есть, законы капиталистической конкуренции продолжают действовать. Забывать об этом не следует.

Редакция указывает на кооперацию, как на путь развития для мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, но явно не понимает, что этот путь развития означает отказ от перспективы развития собственнического самостоятельного мелкого хозяйства и лишь подтверждает высказанное тов. Медведевым положение о неизбежности гибели самостоятельного мелкого крестьянского хозяйства. Только эпигоны кулацкой буржуазии могут говорить о радужных перспективах, о розовом будущем для бедняцких хозяйств. Но все эти уверения способны укрывать лишь капиталистическую действительность в угоду эксплоататорской части деревни, нуждающейся в сохранении таких иллюзий у бедноты.

Тов. Медведев поставил в своем личном письме лишь общую задачу партии в сельском хозяйстве и отметил ошибочность такой политики, которая стремится обеспечить самостоятельное развитие мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства и тем увековечить ныне сложившиеся в деревне отношения. Этот путь давно изведан и осужден историей. Можно и нужно все сделать для того, чтобы экономический процесс вытеснения маломощных хозяйств в деревне носил менее болезненные формы, чтобы им был облегчен выход на путь кооперативного, товарищеского объединения; но обещать бедноте сохранить и еще поднять ее самостоятельное хозяйство на почве сохранения частной собственности будет обманом. Привлечь эти элементы крестьянства через товарищества, кооперацию и т. п. путями к переходу от индивидуальных и мелких форм хозяйства к крупным—задача важная, насущная, и мы нигде не отклоняем ее. В письме тов. Медведева многого нет, но по вопросу о «смычке с деревней» сказано достаточно—и именно о смычке с той частью деревни, о которой большевики, наперекор всем эсеро-меньшевистским благожелателям «крестьянства», твердили всегда особенно упорно. Мы имеем прежде всего смычку с деревенской беднотой. Смычка с середняком решается проще—возможностью и способностью нашей госпромышленности удовлетворить товарный голод. Для деревенской бедноты вопрос о смычке гораздо острее и сложнее. В отношении огромной массы бедноты даже кооперация существенно помочь

бессильна. И на этот вопрос тов. Медведев дает ответ: смычка такой деревенской бедноты с городом зависит от степени развития нашей промышленности, от объема госстроительства и прочих крупных работ.

III

Тревога за положение и будущность рабочего класса и бедноты, связанная с медлительностью развития производительных сил нашей страны, которая сквозит во всех строках письма тов. Медведева, истолковывается редакцией как приглашение на поклон к международному капиталу. Автор статьи «о правой опасности» не останавливается перед прямым измышлением и в доказательство нашей неправоты приводит свои собственные мысли в виде цитаты из письма, по которой выходит, будто «мы требуем, чтобы правительство сделало более энергичные поиски этих средств путем иностранных и внутренних госзаймов и допущения концессий с большими потерями, материальными жертвами, чем те, что готово было предоставить наше государство за предоставление ему таких кредитов».

Мы категорически заявляем, что такого места в письме тов. Медведева нет. Всякий партийный товарищ может проверить наше утверждение о лживости редакции по подлиннику письма тов. Медведева, находящемуся в ЦК и ЦКК. Откуда взяла редакция эту фразу? Около не существующей в письме цитаты построена добрая половина всего обвинения нас. Вот какими средствами борется редакция с нами. Зачем понадобился редакции такой подлог? Этот подлог и измышление понадобились редакции лишь для того, чтобы изобразить нас сторонниками «концесионной политики без всяких границ». Так правдиво передает документ редакция нашего центрального органа.

Отбросив в сторону нечестный прием борьбы, ложь и клевету, мы смеем спросить редакцию, пересмотрела ли она свое отношение к предложениям тов. В. И. Ленина о концессиях? Мы разделяем их целиком и не боимся проведения в намеченных им пределах концессионной политики в жизнь. Нас не смущает крикливость автора и его отрицательное отношение к концессиям. Фразерам и болтунам мы можем напомнить слова В. И. Ленина, что, «насаждая государственный капитализм в виде концессий, советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственные экономические отношения в противовес мелкобуржуазно-анархическим. В меру и осторожно проведенная концессионная политика несомненно поможет нам

улучшить быстро (до известной небольшой степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян, конечно, ценой известных жертв, отдачи капиталисту десятков и десятков миллионов пудов ценнейших продуктов. Определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и неопасны нам, зависит от соотношения сил, решается борьбой, ибо концессия тоже есть вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром. Способы борьбы покажет практика».

Мы разделяем полностью эти мысли В. И. Ленина и иного от партии не требуем.

В измышлении редакции, однако, есть доля правды: сторонники расширения концессионной политики за намеченные В. И. Лениным пределы есть, но они находятся в Политбюро. Еще весной прошлого года тов. Рыков провел через него решение о расширении концессионной политики. Не разделяя ныне во многом взглядов и действий тов. Рыкова, тем не менее мы не можем еще бросить ему обвинение, что он является сторонником «концессионной политики без всяких границ». Мы надеемся, что, проводя решение о расширении концессионной политики, он не забыл сказанного В. И. Лениным—«в меру и осторожно» [1]).

Редакция извратила весь смысл части письма, в которой говорится о промышленности и концессиях. Обвиняя тов. Медведева в том, что он хочет «ликвидировать самостоятельную советскую госпромышленность», редакция просто клевещет и дальше через два столбца после такого обвинения сама же опровергает его, упрекая тов. Медведева уже в том, что он хочет слишком быстрого развития нашей госпромышленности. Разбирая вопрос о судьбе мелкого хозяйства и бедноты, редакция говорит, что тов. Медведев «выходом для неизбежно разоряемых миллионных масс крестьянских хозяйств считает только одно: максимально быстрое развитие крупной госпромышленности». Так и сказано—крупной госпромышленности, а не какой-либо другой.

Развивая правильно взятую из письма тов. Медведева мысль, далее редакция пишет, что по нему, «развертывание госпромышленности должно итти таким темпом, чтобы могла быть в ней занята вся роковым

---

[1]) Никаких решений о „расширении концессионной политики за намеченные В. И. Лениным пределы" ни тов. Рыков, ни ЦК никогда не принимали. Наоборот, всякие такие попытки встречали отпор ЦК ВКП (б). Все решения, которые принимались партией, были лишь оформлением и практическим применением тех принципиальных предложений, какие были высказаны по вопросу о концессиях В. И. Лениным в статьях и речах. Они были направлены к тому, чтобы устранить неправильности и недочеты, которые обнаружились на практике при проведении концессионной политики. *Примечание редакции „Большевика"*.

образом разоряемая масса деревенщины». Можно ли толковать эти мысли как желание тов. Медведева сдать Урквартам нашу крупную промышленность? Нет, только злостное намерение ошельмовать нас толкнуло редакцию на такое явно ложное использование письма. Не сдача нашей государственной промышленности является нашей «платформой», а максимальное ее развитие и привлечение к делу создания новых отраслей промышленности и усиления уже существующей внутренних средств и иностранных капиталов, но «в меру и осторожно».

Вторая часть той же статьи посвящена разбору, по выражению автора, «международного политического курса» тов. Медведева. И здесь редакция пользуется излюбленным способом—подлогом, и объявляет тов. Медведева «принципиальным врагом политики Коминтерна». Для этой цели она приводит в качестве довода поддельную выписку, гласящую, что «та почва, на которой Коминтерн питается,—европейские рабочие массы—явно безнадежна», объявляет ее взятой из письма тов. Медведева и на протяжении ряда столбцов размазывает это лживое измышление. Мы заявляем, что данная фраза целиком и полностью выдумана, подложна. В письме тов. Медведева такого места нет.

Характер измышления и направление фальшивой цитаты будут особенно ясны, когда мы обратимся к подлиннику. В письме тов. Медведева на этом же месте говорится, что «те методы, которыми Коминтерн пытается завоевать западно-европейские рабочие массы—явно безнадежны. Они не только не сближают нас с массами организованного международного пролетариата, но, наоборот, разобщают». Стоит только сравнить это место с той выдержкой, которую преподносит «Правда», чтобы понять разницу.

Вся часть статьи о якобы «международном политическом курсе» тов. Медведева полна намеренными искажениями содержания письма: сказанное в письме о положении дела в Норвегии после раскола умышленно распространяется на все партии, входящие в Коминтерн. Под «оравой мелкобуржуазной челяди», использующей средства Коминтерна, тов. Медведев имел в виду только «челядь», вроде Руднянских и К°, присасывающихся к коммунистическому движению. Совершенно не соответствует ни духу, ни содержанию письма характеристика его как «бешеной атаки на Коминтерн». Если это письмо действительно являлось «бешеной атакой на Коминтерн» то почему ЦК хранил два года молчание о нем? Почему он молчал о нем на XIV партконференции и даже на XIV партсъезде? Нет, такое изображение письма редакцией «Правды» понадобилось только теперь и только для запугивания недовольных существующей политикой, осуществляемой руководящим большинством ЦК партии.

Тем же путем подделки достигается обвинение тов. Медведева в «неприкрытой защите Второго Интернационала». Редакция взяла несколько слов из письма тов. Медведева, разбавила их своими измышлениями и еще добавила к ним по тому же способу измышление о том, будто тов. Медведев протестовал против дискредитации «социал-демократического правительства вообще», например макдональдовского «рабочего правительства в Англии». Мы заявляем, что подобного протеста, а равно упоминания с.-д. правительств, и макдональдовского в частности, в письме тов. Медведева нет и не могло быть. Когда писалось письмо тов. Медведева, макдональдовского правительства еще не было на свете. Все это говорит автор по этому случаю,—чистейшая выдумка, основанная на подлоге и сознательном извращении текста письма [1]).

Идя по излюбленному способу передержек, редакция доказывает далее, что тов. Медведев «рекомендует ликвидировать самостоятельные коммунистические партии и закрыть Красный Интернационал Профсоюзов» и даже зовет «назад, в ряды социал-демократии». Достигается это очень просто и легко. В ту часть письма, где говорится о том, что «мы стояли и стоим за то, чтобы коммунистические рабочие массы оставались составной частью рабочих масс, организованных в профсоюзах, кооперации», автор подлогов вставил еще два слова «и социалистических партиях». Эти словечки набраны жирным шрифтом и служат основанием для обвинения тов. Медведева в «ликвидаторстве Коминтерна».

Крик о нашем намерении «ликвидировать Профинтерн» принадлежит все к тому же арсеналу средств, которыми хотят прикрыть действительную ликвидацию. Нет, не мы ликвидируем Профинтерн. Эта ликвидация происходит давно. Редакция должна знать, что политика «единого фронта», стремление достигнуть некоторой связи с профессиональными рабочими союзами и их объединениями вынудили ВЦСПС действовать помимо и через голову Профинтерна. Эти действия в обход Профинтерна уже давно подорвали и не могли не подорвать его авторитет и значение. Маневры с англо-русским комитетом и стремление превратить его в новый международный центр фактически свели на-нет как деятельность, так и международное значение Профинтерна. Этот «обход» Профинтерна зашел столь далеко, что из уставов наших всесоюзных профессиональных объединений давно уже вытравлены и самые слова «Красный Профинтерн».

Наши разногласия по вопросу о Профинтерне лежат не в той

---

[1]) Первое газетное сообщение об образовании правительства Макдональда появилось в нашей прессе только 24/I—1924 г. *А. Ш.*

плоскости, в которую пытается перенести спор автор статьи. Наши разногласия по вопросу о Профинтерне и Амстердаме вызываются тем беспринципным делячеством, которое руководители большинства ЦК положили в основу своих отношений к Амстердаму. Мы против такой политики.

Мы совершенно не разделяем и той идейной капитуляции, под знаменем которой подготовляется ликвидация Профинтерна и которая особенно ярко выражена тов. Сталиным еще на XIV партконференции, когда он от имени «среднего массового рабочего» упрекал европейских коммунистов: «Вы хотите разрушить то дело, которое я создавал десятилетиями, доказывая мне, что коммунизм лучше тред-юнионизма. Я не знаю, может быть, вы правы в своих теоретических выкладках насчет коммунизма,—где же мне, простому рабочему, разобраться в ваших теориях,—но я знаю одно, что у меня есть свои профсоюзные крепости, они вели меня на борьбу, они отстаивали меня плохо ли, хорошо ли—от нападок капиталистов, и всякий, кто думает разрушить эти крепости, тот разрушает мое собственное рабочее дело; перестаньте атаковывать мои крепости, войдите в профсоюзы, поработайте там лет пять, а то и больше, помогите их улучшить и укрепить, а я погляжу на вас, какие вы есть ребята, и если окажетесь действительно подходящими ребятами, я, конечно, не откажусь поддержать вас» [1]).

Нет, совершенно иначе работали мы в наших профсоюзах и не такими путями завоевывали их. Мы не шли на выучку к меньшевистским рабочим политикам и не тащились у них на поводу. Мы не просто «улучшали и укрепляли» союзы, а вели в них борьбу не только за улучшение положения рабочих, но и вели в них политическую борьбу, не гнушаясь мелочами и связывали эти мелочи с основными задачами и конечными целями рабочего класса. В этой борьбе мы были не просто «подходящими ребятами», а деятелями нашей партии, проводившими ее политику, связывая ее с повседневной работой союза. Мы не входили в блок с с.-д. меньшевиками, а переизбирали их, смещали с руководящих мест профессионального движения.

IV

Все попытки редакции доказать «ликвидаторство» тов. Медведева, как мы уже указали, покоятся на извращениях и ложных цитатах. Все эти извращения положены в основание третьей части статьи, говорящей об «эволюции рабочей оппозиции». Но неудачны все потуги автора из-

---

[1]) И. Сталин. „К итогам XIV конференции РКП(б)“, стр. 23—24.

образить меня и тов. Медведева меньшевиками, как фальшиво и само основание обвинений.

Меньшевистские суждения о нас очень хорошо известны руководителям большинства нашего ЦК. Если бы меньшевики оценивали нас так, как это делает за них «Правда», то эти оценки были бы уже давно использованы против нас. Ссылки редакции «Правды» на меньшевиков ошибочны. Как и что думают о нас меньшевики, редакция может узнать в их «центральном органе» «Социалистическом Вестнике». «Соц. Вестник» давно считает нас «реакционно-коммунистическими утопистами», а подводя итоги нашему XIV партсъезду, он оценил руководящее его большинство как реальных политиков. Мы знаем, что меньшевики всегда считали себя и себе подобных «реальными» политиками, а нас, большевиков—«утопистами».

Упрекая нас «в неверии» в социалистическое строительство в «одной стране», редакция высказывается по существу против государственной подконтрольной крупной промышленности, скрывая это свое отношение под заявлением, что «не всякое развитие у нас крупной промышленности следует расценивать как успех социалистического строительства». Редакция забыла то, о чем часто напоминал В. И. Ленин всем фразерам и написал в известной брошюре «О продналоге», что в наших условиях «не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борется вместе, заодно и против государственного капитализма и против социализма».

В. И. Ленин предпочитал крупные предприятия «подконтрольных предпринимателей» предприятиям мелкой буржуазии. Он особенно подчеркивал угрозу мелкобуржуазной хозяйственной стихии и полагал, что «кто не видит этого, тот как раз своей слепотой и обнаруживает свою плененность мелкобуржуазными предрассудками» [1]).

Мы не боимся сказать, что всякое подконтрольное нашему государству крупное предприятие мы рассматриваем по существу как шаг, более приближающий нас к социализму, по сравнению с окружающей нас патриархальщиной и кустарничеством.

Эпигоны мелкобуржуазного порядка предпочитают миллионы мелких хозяйчиков крупному капиталу, так как считают последний политически более опасным. Мы же вместе с В. И. Лениным продолжаем видеть опасность там, где она действительно налицо, а именно в мелкобуржуазной стихии. Вместе с ним мы полагаем, что «либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если

---

[1]) Н. Ленин. „О продовольственном налоге“, стр. 5—6.

сорганизуем бедноту, т.-е. большинство населения, или полупролетариев вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос», говорил и писал В. И. Ленин [1]), и это ценное указание мы не забываем и не забудем.

На передержках из письма, ложных цитатах построены и последующие обвинения тов. Медведева и меня в ликвидации «рабоче-крестьянского союза». Мы продолжаем стоять за тесный союз с деревенской беднотой и вместе с ней и через нее—со средним крестьянством.

На той же основе измышлений зиждется и обвинение в ликвидации «пролетарского интернационализма». Клевета, лживая цитата, извращенная мысль—вот что служит автору для построения своего обвинения.

Особенно много чернильного возмущения потратила редакция в защиту «мелкобуржуазной челяди», использовавшей деньги Коминтерна. Не тов. Медведев «танцует вокруг золота», а редакция клеветнически распространяет его выражение, относящееся к определенному типу использователей, подхалимов и карьеристов.

Не менее чудовищным измышлением является и все построение обвинения нас в «ликвидации большевистской партии и курсе на политическую демократию в стране»; создавая шум вокруг будто бы нами проповедуемого «курса на политическую демократию в стране», редакция на деле отвлекает внимание партии от действительных проводников и идейных защитников его.

Указания редакции о том, что «нельзя брататься с амстердамскими ренегатами», мы принимаем к сведению, но не можем не указать ей, что этот упрек надо направить не нам, а тем, кто действительно братается с амстердамскими ренегатами. Это обвинение заслано к нам явно по ошибке, и мы возвращаем его редакции.

Что же касается обвинения нас в держании «курса на политическую демократию», то и в этом случае редакция поступает неправильно и сваливает вину с больной головы на здоровую. В газете, редактируемой той же партийной группой, мы читали на-днях [2]) справки о «некоторых итогах перевыборов советов», которые красноречиво иллюстрируют, что подлинная буржуазная демократия уже празднует свои победы ныне. Редакция напрасно сваливает на нас вину за чужой курс и нападками на нас прикрывает их лицо. Не тов. Медведев и не пишущий

---

[1]) Там же.

[2]) См. „Правду“ от 8/VII с. г.

эти строки определяют политику в нашей стране. Господство буржуазной демократии подготовляется теми, кто особенно рьяно ведет борьбу с оппозицией.

В то время когда редакция скосила глаза на «медведевско-шляпниковскую опасность», справа растет и двигается прямая буржуазная опасность. 10 июля редакция громит нас за курс на «политическую демократию», а 8 и 9 июля мы читаем в той же «Правде», что опасность воплощения этого курса уже налицо, существует в политической действительности, и этот курс воплощается за счет рабочих и деревенской бедноты.

Статья тов. В. Карпинского в той же «Правде» от 8/VII приводит к выводу, что «расширение круга избирателей в деревне за счет ее эксплоататорских элементов происходит при одновременном сужении участия в политической жизни полупролетарских и пролетарских элементов и уменьшении влияния партии в советах». Таковы итоги политики большинства ЦК в деревне.

Не лучше обстоит дело в городах. В статье того же автора в «Правде» 9/VII значится, что «расширение круга избирателей за счет городской мелкой буржуазии происходит одновременно с некоторым падением удельного веса пролетарской части избирателей в общей их массе и при гораздо меньшей политической активности их по сравнению с новыми кадрами избирателей из мелкой буржуазии».

А в то же самое время редакция громит нас за существующий якобы у нас «курс на политическую демократию», когда этот курс проводится в жизнь теми самыми кругами, поручения которых выполняет центральный орган. Призывая партию дать «решительный отпор» тов. Медведеву и мне, а также пособникам и укрывателям, редакция направляет ее на ложный след.

Автор фельетона совершает ныне ту же ошибку, как и большинство соглашателей и «тоже социалистов» национально ограниченного типа в 1917 г., когда они видели опасность в левом секторе революции и не замечали ее в лагере буржуазной контр-революции. Опровергая возводимые на нас обвинения, построенные на основании вымышленных данных, ложных цитат и извращений, мы считаем своей партийной обязанностью протестовать не только против подобных методов борьбы, но и против той политики, интересами которой диктуется борьба нынешнего большинства ЦК против нас.

З а п о с л е д н и й г о д п а р т и я с т а н о в и т с я а р е н о й ч у д о в и щ н ы х я в л е н и й. Господствующая ныне в ЦК фракция разгромила ленинградскую организацию за выражение ею опасений по поводу растущей кулацкой опасности в стране. В бакинской организации,

среди подлинно пролетарской части ее открыли «контр-революцию», подвергли гонениям 14 рабочих и троих служащих, из них ряд старых партийцев с 1904 и 1905 гг. исключили из партии. Вся жизнь партии за время после XIV партсъезда приспособлена для «выявления» инакомыслящих, для борьбы со всеми партийцами, которые выражают недовольство современной политикой партии.

Как будто в прямое дополнение к этому в экономике идет буквально наступление на рабочий класс. На девятом году после Октябрьской революции рабочие наших основных отраслей промышленности еще не смеют и мечтать о довоенной заработной плате [1]). На деле и под различными предлогами (снижение расценок, повышение норм выработки и т. д.) происходит понижение уже достигнутого рабочими реального заработка. Режим экономии извращается и направляется по линии усиления эксплоатации рабочих. Во всем этом таится для партии огромная опасность, и обстрел нас имеет цель отвлечь внимание партии от действительных опасностей, стоящих перед ней.

ЦК нашей партии уже два года известно содержание письма тов. Медведева. На XIV съезде партии о нем никто не обмолвился ни одним словом. За последние полтора года тов. Медведев и пишущий эти строки неоднократно виделись и обменивались мнениями почти со всеми членами Политбюро нынешнего состава. Никто из них не рассматривал письмо «как бешеную атаку на Коминтерн». Наоборот, генеральный секретарь ЦК, тов. Сталин, своими суждениями подтверждал изложенную в письме критику методов работы Коминтерна [2]).

За последний год те же руководители ЦК, неоднократно предлагая нам работать, не требовали от нас признания их линии и борьбы с ленинградской оппозицией. Как дисциплинированные члены партии мы соглашались работать, но борьбу с оппозицией, которая указывает партии на кулацкую опасность, объявили гибельной. Нас пытались вызвать на эту борьбу, бередя наши чувства обиды на тех, кто особенно

---

[1]) Это перепев обычных статей из меньшевистского „Социалистического Вестника“, повторяющий ложь насчет того, что рабочие не смеют и мечтать о довоенной заработной плате. Уже сейчас заработная плата в некоторых отраслях перешагнула довоенную норму, а в других неуклонно растет. То же самое—о режиме экономии. Какова в этом вопросе точка зрения партии, все знают из недавно опубликованного обращения, подписанного тт. Сталиным, Куйбышевым и Рыковым. *Примечание редакции „Большевика“.*

[2]) Именно тов. Сталин в особом письме, разосланном членам Политбюро, отмечал откровенную меньшевистско-ликвидаторскую линию медведевского письма и требовал отпора таким „платформам“. Тов. А. Шляпников и здесь говорит прямую неправду. *Примечание редакции „Большевика“.*

яро боролся с нами на XI съезде партии. Нам прямо и косвенно говорили о том, кто являлся вдохновителем и водителем избиения «рабочей оппозиции». Из тех же кругов нам стало известно, что В. И. Ленин не пошел на призывы части членов ЦК, требовавших от него выступления на XI съезде за наше исключение из партии. Но, как бы иногда ни были горьки личные обиды и воспоминания, мы не сочли возможным подчиниться мотивам политической и личной мести. Всю свою жизнь мы руководились только интересами нашей пролетарской партии и ее конечной победой.

Нет, не наличие «правой опасности в нашей партии» заставило редакцию опубликовать статью о письме тов. Медведева через два года. Эта опасность угрожает партии не с нашей стороны. Тон статьи, подбор цитат и, наконец, пользование подложными выписками, говорит об ином. Выбрав нас мишенью для атаки, руководители ЦК решили произвести расправу с растущими в партии оппозиционными настроениями. Все оппозиционные настроения партийно-пролетарской и родственной ей среды направлены ныне против душащего партию бюрократизма и формализма, против бюрократического принижения инициативы, внутрипартийной критики и против подавления независимой от чиновников партийной мысли [1]). Партийная бюрократия защищается и с этой целью не гнушается никакими средствами. Но такими методами побороть оппозиционных явлений нельзя. Шельмованием нас (или других отдельных товарищей) можно смутить и запугать только политических трусов, но всякий пролетарий, работавший с нами или слышавший нас, не верит и не поверит клевете на нас.

Над нами вновь повисла «июльская угроза». Но мы безбоязненно пережили июльскую угрозу в 1917 году, и нас не устрашат июльские угрозы автора. Мы уверены в конечной победе революционного пролетариата нашей страны над всеми мелкобуржуазными стихиями и сделаем все, чтобы «рабочая демократия» восторжествовала внутри нашей партии и чтобы в интересах подлинного единства исчезла разлагающая наши ряды система внутрипартийного сыска, доносов, шельмования и угроз.

---

[1]) Точь в точь этими словами пишут „Последние Новости“ в номере от 3/IX 1926 г. в статье „Кто хуже и кто лучше“. *Примечание редакции „Большевика“.*

45. Еще раз о правой опасности в нашей партии

(Ответ тов. А. Шляпникову).

...„Нельзя относиться к этой группе, как к здоровой группе“.

„Не надо теперь оппозиции, товарищи. И я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций“ (аплодисменты).

В. И. Ленин. Речь на X съезде ВКП (б).

„Я утверждаю, что от демократизма нашей оппозиции до социал-демократизма — один шаг“.

Речь т. Смилги на X съезде ВКП (б).

...„Всякий рабочий поймет, что „рабочая оппозиция“ открывает двери для врага“.

Речь т. Радека на X съезде ВКП (б).

...„По существу вы находились на позиции, которая грозит вас поставить вне Интернационала, тем самым вне партии“.

Речь т. Троцкого на X съезде ВКП(б).

Статья в «Правде» (№ 156 от 10/VII—26 г.) «Правая опасность в нашей партии» нашла живейший отклик, встретила самый глубокий интерес в нашей партии. Правда, для многих, привыкших судить о представителях «рабочей оппозиции» по их былым «левым» выступлениям, страшно левым анархосиндикалистским платформам и речам перед X съездом партии и на самом съезде, по их знаменитому заявлению 22-х в ИККИ, по их брошюре-манифесту тов. А. Коллонтай «Рабочая оппозиция», охотно и сочувственно изданной IV Интернационалом,— показалось новым и даже неожиданным это замечательное произведение ума и пера тов. С. Медведева, с которым вполне солидарен и тов. А. Шляпников.

Что же так поразило читателя «Правды»? Что вызвало такое ликование в зарубежной—белогвардейской и меньшевистско-эсеровской—прессе? Поразили и вызвали возмущение членов партии именно эти правые выводы «рабочей оппозиции», пахнущие ренегатством, ликвидаторством,—выводы, которые заставляют ликовать злорадно наших классовых врагов. Тут не отвертишься от ответа ни гнилыми ссылками на то, что это письмо написано в начале 1924 г., ни жалкими попытками уверить читателя, что письмо это имеет «исключительно личный характер». Вся-

кому ясно, что оценки нашей хозяйственной политики, данные «рабочей оппозицией» в этом документе в январе 1924 г., имеют значение и для сегодняшнего дня,—это особенно ясно после «ответа» тов. Шляпникова, защищающего их правильность. Всякому ясно, что если в таком «личном письме» тов. С. Медведев в начале 1924 г. дает оценку всей нашей международной политики Коминтерна, Профинтерна, социал-демократии и намечает особую линию международной политики «рабочей оппозиции», то эту оценку можно было бы только в том случае не принимать всерьез, если бы сегодня, осенью 1926 г., «рабочая оппозиция» от этой оценки отказывалась. Но так как эту оценку тов. А. Шляпников сегодня берет под защиту, то незачем ссылаться на то, что это письмо тов. С. Медведева относится к прошлому.

Да к тому же в начале 1926 года тов. Шляпников требовал опубликования этого документа, ни слова не говоря о том, что он не согласен с меньшевистской платформой тов. Медведева, которую он и теперь защищает.

Члены Центрального Комитета еще в прошлом году, вскоре после получения этого документа из Баку, поручили одному из членов Политбюро (тов. Зиновьеву) ответить на этот меньшевистский документ. К сожалению, это поручение, которое он принял на себя тогда, не было этим товарищем выполнено, хотя он тогда, вместе с другими, возмущался реакционными, ликвидаторскими мыслями автора или авторов этого письма. Но когда, после XIV съезда партии, стало ясно, что новая оппозиция в своем «центростремительном» движении готова включить в свой круг и жалкие обломки «рабочей оппозиции», руководствуясь правилом—«в добром хозяйстве всякая дрянная веревочка пригодится»,—тогда «Правда» показала партии лицо одного из союзников «новой оппозиции». «Лицо» это, конечно, не в состоянии привлечь на сторону «рабочей оппозиции» ни одного честного, революционно настроенного и коммунистически сознательного пролетария.

Страничка прошлого „рабочей оппозиции“

Напрасно тов. А. Шляпников, однако, прибегает к приемам, которые он без всякой славы для себя и своей фракции испробовал в полной мере в 1920—1921 гг., разъясняя попытку «Правды» вскрыть правую опасность существующей будто бы необходимостью во что бы то ни стало политически «ошельмовать» обломки «рабочей оппозиции» «в целях запугивания тех, кто не разделяет политики нынешнего большинства Центрального комитета партии».

Нетрудно убедиться, что в эти же самые 1920—1921 гг. Шляпников и Медведев упрекали В. И. Ленина.

«Некоторые товарищи,—говорил Ленин на X съезде партии,—с которыми мне приходилось встречаться и спорить на дискуссии, когда я несколько месяцев тому назад говорил: «Смотрите, тут есть угроза господству рабочего класса и диктатуре рабочего класса», говорили: «Это способ запугивания, вы нас терроризуете». Я несколько раз должен был выслушивать эту приклейку к своим замечаниям,—что я кого-то рерроризую»... (Протоколы X съезда ВКП(б).)

Именно В. И. Ленина и руководимый В. И. Лениным ЦК обвиняла «рабочая оппозиция» во всех тех смертных грехах и уклонах, в каких она обвиняет теперь ЦК и ЦКК ВКП(б): и в политической клевете, и в расправах как средствах борьбы с «рабочей оппозицией», и в антирабочей, крестьянской политике, и в невнимании к промышленности и т. д., и т. п. Новое в «рабочей оппозиции» заключается в том, что в 1920—1921 гг. «рабочая оппозиция» не смела говорить в таком неприлично меньшевистском тоне о Коминтерне, в каком она говорит в 1924—1926 гг. Новое сегодня заключается в ее откровенных правых выводах, тогда как в 1920—1921 гг., как это видно из неопубликованной части стенограммы речи В. И. Ленина на X съезде, тов. Ленин предупреждал партию, что «если же они будут продолжать играть в оппозицию, тогда партия должна будет их исключить»; не кто другой, как В. И. Ленин, характеризовал это течение как отражение мелкобуржуазной стихии; не кто другой, как В. И. Ленин, предлагал в 1921 г. меру по отношению к тов. Шляпникову, которую июльский пленум ЦК и ЦКК применил на основании предложения, внесенного тогда на X съезде Лениным, к тов. Лашевичу—исключение из состава ЦК.

А теперь, в 1926 г., тов. Шляпников с ясным лбом говорит о «невежественных историках и заинтересованных в групповой борьбе политиканах», которые де пытаются дискредитировать «рабочую оппозицию» ссылкой на идейную борьбу Ленина с этой некогда анархо-синдикалистской, ныне меньшевистско-ликвидаторской группировкой. Теперь, копируя другого неудачного лидера новой оппозиции, тов. Шляпников умничает насчет того, что «1926 г. не 1921 год», и уверяет, что «по разногласиям нашего времени» они, представители бывшей «рабочей оппозиции», были бы «вместе с В. И. Лениным против руководителей нынешнего большинства ЦК». Тов. Шляпников даже грозится: «И мы расскажем партии в свое время об этой борьбе». Мало ли что вы расскажете,—кто вам поверит? У партии есть источник более надежный, чем «рассказы» тов. Шляпникова—протоколы наших съездов, такие великолепные документы «классово спаянных» представителей «ра-

бочей оппозиции», как, например, брошюра тов. А. Коллонтай 1920 г. А если мы обратимся к этим бесспорным документам, то увидим: 1) что по всем тем вопросам, по каким В. И. Ленин был против «рабочей оппозиции», тт. Шляпников и Медведев расходятся и с нынешним ЦК и с партией; 2) что с тех пор «рабочая оппозиция» так далеко шагнула вправо, что растеряла почти всех своих сторонников; 3) что нынешнее большинство ЦК—это и есть, в основном, то большинство, которое поддерживало В. И. Ленина в его борьбе с «рабочей оппозицией». То обстоятельство, что против этого большинства, рука об руку с тов. Медведевым и Шляпниковым, подвизается кое-кто из тогдашних соратников Ленина, говорит только против этих товарищей, но не говорит ничего в пользу «рабочей оппозиции»: вот уж где—употребляя любимое слово этих товарищей—подлинное политиканство—это поймет всякий!

Но обратимся к документам. В чем обвиняла тогда в 1920—1921 гг. «рабочая оппозиция» Ленина и руководимый им ЦК? То обстоятельство, что Ленин обвинил «рабочую оппозицию» в анархо-синдикализме, т. Милонов, один из тогдашних соратников т. Шляпникова, объяснял «психологически» тем, что «Ленин—председатель Совнаркома, он руководит советской политикой. Очевидно, что всякое движение, откуда бы оно ни исходило, мешающее управлению, и воспринимается как движение мелкобуржуазное и как движение чрезвычайно вредное». Значит Ленин де просто поддался настроениям советского «аппарата», просто был враждебен «всякому движению». Тов. Коллонтай обвиняла в «закулисных интригах, в закулисной расправе посредством оргвыводов: «Мы знаем,—говорила она,—что закулисно ведется определенная оценка товарищей, расценка их, кого оставить, а кого убрать подальше от тех масс, на которые они оказывают влияние» [1]). Тов. С. Медведев уверял, что ЦК не проводил мер по оздоровлению партии, «не охранял и не проводил в рядах партии на деле принципов рабочей демократии», не боролся с бюрократизмом, не орабочивал советские руководящие органы. Он обвинял ленинский ЦК в том, что «политика ЦК в важнейших областях и по важнейшим вопросам коммунистического строительства имела ряд уклонов в сторону недоверия к творческим силам рабочего класса и уступок мелкой буржуазии и буржуазно-чиновничьим кастам». Внесенную В. И. Лениным резолюцию на X съезде т. Медведев объявлял «не-

---

[1]) Вот из какого арсенала—если еще не „древнее“—и сегодняшние упреки новой оппозиции в „расправах“ и „ссылках“. Как все это старо и потрепано! *Е. Я.*

достойной», «явно демагогической», «недопустимой», он заявил: «Ничего более демагогического и извращающего факты, чем эта резолюция, я не видел и не слышал в своей жизни за 20 лет пребывания в партии». Не ясно ли, что «демагогом», «извращающим факты», объявлялся здесь В. И. Ленин,—он обвинялся «рабочей оппозицией» в том, что «вводит в среду нашей партии раскол и натравливает мелкобуржуазные чиновные элементы партии на рабочую часть». Так было на X съезде партии. Между X и XI съездами В. И. Ленин предложил исключить тов. Шляпникова из рядов ЦК ВКП (б) [1]. Перед XI съездом значительно поредевшая «рабочая оппозиция», от которой отсеялось, с одной стороны, все наиболее здоровое, а с другой—начало отпочковываться уже тогда более «левое» крыло (впоследствии «рабочая группа»), обратилась в Коминтерн с «заявлением 22-х», под которым подписался в числе прочих—также в качестве партийца—исключенный уже из партии Г. Мясников. Раз уж т. Шляпников собирается «рассказывать» нам сказки о том, что было, не лишне воспроизвести хотя бы частью этот документ. В чем тогда, в конце 1921 года, обвиняла «рабочая оппозиция» т. Ленина и руководимый им ЦК и всю нашу партию? Как раз в том же самом, в чем обвиняет вся объединенная новая оппозиция нынешний состав ЦК и, конечно,—как это тогда сказал и теперь говорит Коминтерн,—с такой же необоснованностью, как и сегодня.

«Наши руководящие центры,—писали они,—ведут непримиримую, разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за это высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры».

Впоследствии из этого арсенала берут свое оружие все оппозиционные группировки, начиная от чистых троцкистов и кончая той помесью, которая выступает сегодня под именем НОП'а: стоит только вспомнить рассказы и писания о «разгроме ленинградской организации», которая между тем живет и развивается самым здоровым темпом.

«Стремление приблизить пролетарские массы к государству (вот еще когда и кто начал заниматься этим «приближением». *В. Л.*) объявляется «анархо-синдикализмом», а сторонники его подвергаются преследованиям и дискредитированию.

---

[1]) Ср. об этом документы в докладе тов. Рыкова. А. И. Рыков и Н. И. Бухарин, „Партия и оппозиционный блок". ГИЗ 1926 г. стр. 4—6. (см. данный сборник, стр. 48).

«В области профессионального движения та же картина подавления рабочей самодеятельности, инициативы, борьба с инакомыслием всеми средствами. Объединенные силы партийной и профессиональной бюрократии, пользуясь своим положением и властью, игнорируют решения наших съездов о проведении в жизнь начал рабочей демократии. Наши фракции союзов, даже фракции целых съездов лишаются права выявить свою волю в деле избрания своих центров. Опека и давление бюрократии доходят до того, что членам партии предписывается под угрозой исключения и других репрессивных мер избирать не тех, кого хотят сами коммунисты, а кого хотят интригующие верхушки...

«Положение дела в нашей партии настолько тяжелое, что побуждает нас обратиться за помощью к вам и этим путем устранить нависшую угрозу раскола нашей партии».

В таком виде изображает «рабочая оппозиция» нашу партию перед лицом Коминтерна. Комиссия Коминтерна осудила выступление 22-х, и XI съезд избрал специальную комиссию из 19 товарищей, резолюция которой была принята на этом съезде, при чем съезд констатировал, что «рабочая оппозиция» сообщила Коминтерну сведения, «ложность которых установлена специальной комиссией, выделенной Коминтерном». Съезд самым решительным образом клеймит поведение отдельных членов этой группы, сообщивших в своих объяснениях комиссии Коминтерна ложные сведения о партии, извращающие действительную картину взаимоотношений между РКП и всем рабочим классом в целом».

Все знают, что одним из товарищей, сообщивших эти ложные сведения Коминтерну о партии, был тов. Шляпников.

Говоря о «нависшей угрозе раскола нашей партии», «рабочая оппозиция» считает при известных условиях возможным расколоть нашу партию, «находя лишь недостаточно созревшим момент для этого раскола».

XI съезд постановил: «В случае проявления со стороны этих товарищей (речь шла о тт. Шляпникове и Медведеве в первую очередь) в дальнейшем подобного антипартийного отношения исключить упомянутых товарищей из партии» (резолюция XI съезда «о некоторых членах бывшей «рабочей оппозиции»).

Что же может нам еще «рассказать» т. Шляпников после этого об отношении В. И. Ленина к этой группе товарищей? Теперь он заявляет, что В. И. Ленин не прибегал к нечестным приемам, а тогда он его обвинял именно в нечестных приемах борьбы, обвинял перед лицом Коминтерна, бросался этими обвинениями по адресу В. И. Ленина

и руководимого им Центрального Комитета. Именно это на-ряду с явно неленинской, явно непартийной платформой «рабочей оппозиции» и неоднократными нарушениями партдисциплины со стороны т. Шляпникова заставило Ленина так резко осудить тов. Шляпникова. Попытка тов. Шляпникова уверить партию, что он «был бы вместе с Лениным против руководителей нынешнего большинства ЦК», является явно негодной попыткой доказать, что Ленин стал бы шляпниковцем в 1926 году, отказавшись от своих позиций. Другое дело, если бы т. Шляпников заявил, что он отказывается от тех позиций, которые он защищал за все эти годы,—позиций, осужденных партией при Ленине. Тогда, может быть, ему не пришлось бы выступать против партии так, как он выступает против нее сегодня.

Антипартийная позиция Шляпникова и его друзей была в то время понятна и т. Троцкому, и т. Зиновьеву, и т. Каменеву, и т. Смилге, и многим другим товарищам, с которыми пытается сегодня нападать вместе на руководящее большинство ЦК т. А. Шляпников. Так, т. Смилга на X съезде приводил в пример самарскую организацию и указывал, как в очень краткий период самарская организация от лозунга «рабочей оппозиции» перешла к лозунгу учредительного собрания. Он указывал, что:

«...лозунг большого демократизма, смягчения режима и партийного и советского в новом самарском губкоме (состоявшем тогда из оппозиции. *В. Л.*), конечно, не мог не отразиться на общем размягчении всеобщей обстановки, и это смягчение партийного режима сказалось по заводам и фабрикам; в результате наши товарищи отступили только на одну позицию, и сейчас же в этот окоп ворвались наши враги и использовали эту позицию в своей борьбе против власти».

Тов. Троцкий нашел настоящие слова для того, чтобы заклеймить эту негодную антипартийную линию «рабочей оппозиции». Он указал, что «в этой позиции—«мы» и «они» есть основной грех и основное преступление политической позиции Шляпникова».

Он говорил т. Шляпникову: «Вы ставите себя по отношению к партии в положение «мы» и «они», как если бы у вас была какая-нибудь другая партия в запасе» (не так ли держит сейчас себя новая оппозиция, как если бы у нее была уже теперь какая-либо другая партия в запасе? *В. Л.*). «Это есть политика, которая в своем логическом развитии угрожает, говоря словами резолюции Коминтерна, поставить вас вне партии, вне Коминтерна» (совершенно правильно, дорогие товарищи из новой оппозиции! *В. Л.*)... «Всякие заявления в таком роде,—так говорил т. Троцкий,—«мы» и

«они»,—где заявляющий выступает перед лицом широких партийных и беспартийных рабочих масс, придает критике характер и тон такого свойства, что она неизбежно и немедленно становится материалом в руках наших прямых классовых врагов»... «Поставить себя в положение «мы» и «они»,—говорил т. Троцкий,—с одной стороны—Центральный Комитет, а с другой стороны—вот такие факты поставить,—это уже будет значить—бедственное положение страны эксплоатировать для знамени, которое может стать знаменем Кронштадта, только Кронштадта (аплодисменты). (Речь т. Троцкого на XI съезде ВКП (б).)

Надо ли доказывать, что эта речь т. Троцкого целиком оборачивается сегодня против тех, кто ведет политику противопоставления по отношению ЦК и по отношению к нашей партии так, как будто бы у них в действительности «была в запасе другая партия» и как если бы они говорили от имени этой другой партии, кто так же ставит себя в положение «мы» и «они».

1926 г. не 1924 г.: Медведев „исправляет" свое письмо

Значительная доля в статье т. Шляпникова уделяется разговорам о «фонтанах неправды», о «лжи» и «клевете», об «извращении фактов» и тому подобных грехах, которые приписываются автору статьи «Правая опасность в нашей партии» и самой редакции «Правды», поместившей эту статью. Главное, чего добивается тов. Шляпников,—чтобы этот антипартийный документ был опубликован целиком в печати. Такого правила у нас нет в партии и не может быть такого правила, чтобы всякий антипартийный документ обязательно публиковался. На этом же основании партия не публиковала манифеста «Рабочей группы» Мясникова, хотя он является ничуть не более антипартийным документом, чем произведения тт. Шляпникова—Медведева. Но, чтобы членам партии было ясно, посредством каких «орудий» действует сейчас т. Шляпников, мы вынуждены рассказать, каким образом т. Шляпников располагает иным текстом письма к бакинским рабочим, чем цитируемый на страницах «Правды».

В начале 1924 г. т. Медведев составил свое «частное письмо», которое он переслал бакинскому товарищу с такого рода припиской:

«Я выражаю свое горячее пожелание (совершенно очевидно, что это было пожелание не одного т. Медведева), чтобы вы попрочнее связались с теми низовыми рабочими кадрами, которые, несомненно, в вашем районе отзываются на всероссийское явление—на вступление рабочих в партию. Если бы не все было выяснено и после

этого письма, не упускайте удобного случая снестись,—тогда можно будет сообщить что-либо и дополнительно.

Еще последняя просьба, настоятельная и горячая: если это письмо вам будет нужно хотя бы в течение некоторого времени сохранить, сделайте пожалуйста, все возможное, чтобы перепечатать для себя на машинке, а подлинник этот верните во что бы то ни стало».

Ну, не ясно ли, что это—«частный» документ и что он посылался в порядке частной переписки, а вовсе не имел характера фракционных директив?! Что же сделал т. Колосов, друг т. Медведева, с этим письмом? Он перепечатал его в нескольких экземплярах и роздал его тем товарищам, с которыми он надеялся сколотить группу «рабочей оппозиции». «Расследование выяснило, что со стороны тт. Колосова и Разина была попытка организовать и оформить группу, но она не увенчалась успехом вследствие объективных причин, идеологической и политической беспомощности выдвигавшейся платформы и равнодушия к ней со стороны привлекавшихся рабочих». (Постановление ЦКК ВКП (б) о так называемой бакинской рабочей оппозиции). Значит попытка организовать группу на основании медведевско-шляпниковской платформы была, но она не увенчалась успехом. Один из экземпляров документа—переписанная бакинскими рабочими платформа, попавшая в руки Бакинского комитета ВКП (б),—был переслан в ЦК и ЦКК. Допустим, что при переписке друзья т. Медведева пропустили что-нибудь,—пропуски при переписке бывают,—но чтобы при переписке вставить целые новые абзацы,—этого не бывает никогда. Когда дело дошло до разбирательства в ЦКК, в начале 1926 г., тов. Медведев прислал в ЦК «исправленный» им текст. Эти «исправления» были очень значительными,—в некоторых местах они обозначали просто-напросто частичный пересмотр того, что писал т. Медведев в 1924 г. Однако и после этого пересмотра и «исправления» сущность документа осталась той же самой. Однако кое-что настолько было изменено, что обойти это молчанием никак нельзя. Вот несколько примеров:

Бакинский экземпляр.	Экземпляр Медведева.
1) При внесении таких предложений обыкновенно пугают: а где взять на это средства? У нас их нет. Мы отвечаем на это так: если у нас на это средств в достаточной мере нет, то все же у нас есть такие средства даже в современном госбюджете, которые идут на развитие указанной нами политики, а в части своей и на поддержку тех утопических иллюзий мелкого крестьянского хозяйства, которые наша пар-	1) При внесении таких предложений обыкновенно пугают вопросами: а где взять на это средства? У нас их нет. Мы отвечаем на это так: если у нас нет на это средств в достаточной мере, то все же у нас есть такие средства даже в современном госбюджете, которые идут не на развитие крупного государ-

тия в лице ее подавляющего большинства поддерживает в этом слое крестьянства. Мы знаем, что, однако, этих средств недостаточно. И мы *требуем, чтобы правительство сделало более энергичные поиски этих средств путем иностранных и внутренних госзаймов и допущения концессий и с большими материальными жертвами, чем те, что готово было предоставить наше государство за предоставление ему таких кредитов.*	ственного хозяйства, а *на поддержку мелкобуржуазного хозяйства состоятельной части крестьянства* и на поддержку указанных утопических иллюзий мелкого крестьянства, которые наша партия сама упрочивает у этого слоя крестьянства.
Мы считаем, что при современном хозяйственном состоянии нашей страны с теми перспективами (о которых я говорил выше), которые ожидают нас, большие материальные жертвы международному капиталу, готовому пойти на оживление наших нарушенных промышленных районов, есть меньшее зло, чем то состояние, в котором мы можем оказаться в ближайшие годы в области нашего промышленного и сельского хозяйства, и которое может оказаться для нас гибельным.	Мы считаем, что при современном хозяйственном состоянии нашей страны с теми перспективами для него, о которых я говорил выше, большие материальные жертвы международному капиталу, готовому пойти на оживление наших потушенных промышленных районов, есть меньшее из зол, чем то состояние, в котором мы находимся и можем оказаться в ближайшие годы в области нашего промышленного и сельского хозяйства, — состояние, которое может оказаться для нас гибельным.
2) Та почва, на которой Коминтерн питается,—западно-европейские рабочие массы, — явно безнадежна.	2) Те методы, которыми Коминтерн пытается завоевать западно-европейские рабочие массы, явно безнадежны.
3) ... еще не идущего за коммунистическими лозунгами. Им же объясняется и такая же дискредитация всякого с.-д. правительства вообще, как и современного рабочего правительства в Англии. Это последнее сплошь и рядом изображается, как правительство буржуазии. Мы не можем ни на одну иоту согласиться с такой политикой и тактикой. Она губительна...	3) ... еще не идущего за коммунистическими лозунгами. Она губительна...

По поводу последнего примера тов. Шляпников уверяет нас, что об этом они и писать не могли, потому что в то время, когда писалось это письмо, не было еще рабочего правительства в Англии. Однако все мы знаем, что рабочее правительство в Англии было именно в *начале* 1924 г., что оно окончательно сконструировалось 12/II 1924 г. и что в январе было уже совершенно ясно, что мы стоим перед лицом образования рабочего правительства. Наша печать оживленно обсуждала эту возможность.

Видите, какие «исправления» получились у тт. Медведева и Шляпникова. А после этой грубейшей операции тт. Шляпников—Медведев позволяют себе упрекать центральный орган партии в подлоге и извращении фактов. Мы не обязаны верить больше «исправленному» таким образом тексту, чем тому, который был прислан нам из рук бакинских

рабочих. Однако, мы покажем, что и на основании «исправленного» т. Медведевым текста документ этот заслуживает вполне оценки, данной ему «Правдой», и что точка зрения Шляпникова—Медведева ничего общего не имеет с линией ВКП (б).

„Рабочая оппозиция" и нэп

Статья в «Правде» обвиняет тов. Медведева в том, что в его письме к бакинским рабочим содержится ликвидаторская платформа, которая в области хозяйственной сводится к тому, что обломки рабочей оппозиции совершенно отрицательно относятся: 1) к политике ВКП (б) по отношению к различным слоям крестьянства; другими словами, что «рабочая оппозиция» отрицает ту политику взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством, которую проводит по указаниям В. И. Ленина наша партия,—стремится ликвидировать эту политику; 2) «рабочая оппозиция» совершенно не согласна с нашей политикой по отношению к международному капиталу, требуя, чтобы рабочий класс СССР пошел на гораздо большие жертвы международному капиталу.

Далее «Правда» констатирует, что в письме Медведева бакинским рабочим заключается предложение 1) ликвидации компартий как «оравы мелкобуржуазной челяди», 2) обратного вхождения в социал-демократические партии, 3) ликвидации Профинтерна, 4) вхождения в Амстердам.

Тов. Шляпников довольно безуспешно и совершенно негодными средствами пытается доказать, что эти обвинения неправильны.

Начнем по порядку с вопроса о взаимоотношении между пролетариатом и крестьянством так, как ставил его Ленин, и так, как ставят его Шляпников и Медведев. Мы все помним, каким бешеным нападкам подвергался Ленин со стороны «рабочей оппозиции» за его «крестьянскую» политику.

Так как тов. Шляпников делает теперь вид, что он «был бы с Лениным», и в то же самое время защищает антиленинские взгляды, то не лишне кое-что напомнить из недавнего прошлого. Вот манифест «рабочей оппозиции», брошюра А. Коллонтай «Рабочая оппозиция», где тов. Коллонтай объявляла «рабочую оппозицию» «классово-спаянной, классово-сознательной и классово-выдержанной частью нашего промышленного пролетариата». Конечно, партия прежде всего обвинялась этими «классово-спаянными» личностями в том, что она ведет компромиссную политику, а, по мнению этих личностей, «пролетариат требует наибольшей чистоты и бескомпромиссности политики, успешного, форсированного марша на коммунизм». И говорили эти «классово-спаянные»

личности языком... Оссовского. Вот, например, мы читаем в этой брошюре тов. Коллонтай:

«Отчетливая классовая политика нашей партии в процессе отождествления себя с советским государственным аппаратом превращается все более и более в ту надклассовую политику, которая есть не что иное, как «приспособление» руководящих органов к разнородным и противоречивым интересам социально разнородного, мешанного состава населения. Это приспособление ведет к неизбежным шатаниям, к неустойчивости, к уклонам и ошибкам. Достаточно припомнить зигзагообразный путь нашей политики по отношению к крестьянству, приведший нас от «курса на бедняка» к курсу на «хозяйственного трудолюбивого мужика-собственника».

«Ваша политика,—поучала А. М. Коллонтай тов. Ленина,—выбирающая равнодействующую между тремя группами населения, весьма мудрая политика, но она пахнет старознакомым приспособленчеством, оппортунизмом».

Итак, Ленин—оппортунист, скатывающийся к защите мелких собственников от классово-выдержанной линии, которую защищал всегда, с первых дней рождения, такой выдержанный пролетарий, как тов. Шляпников.

Тов. Шляпников нападал на Ленина на XI съезде партии за то, что наша партия требовала создания наиболее дешевого правительства. Он доказывал, что «дешевое правительство очень дорого стоит пролетариату».

Тов. Медведев упрекал нашу партию за наказ по вопросам хозяйственной работы, в котором говорится, что «главной и неотложной задачей хозяйственной деятельности всех хозяйственных органов съезд приказывает считать достижение в кратчайший срок, во что бы то ни стало, прочного успеха в деле снабжения крестьянства большим количеством товаров, необходимых для подъема земледелия и улучшения жизни трудящегося крестьянства». «Эту цель, как главнейшую, не должны упускать из виду все органы по управлению промышленностью». «Этой же цели должно быть подчинено улучшение положения рабочих в том смысле, что на все рабочие организации, в первую голову на профсоюзы, возлагается обязанность заботиться о таком восстановлении промышленности, которое бы быстро и полно удовлетворяло потребности крестьянства, при чем от степени достигнутых в этом отношении успехов должно непосредственно зависеть увеличение заработка и улучшение жизни промышленных рабочих». «Этой же цели должна быть подчинена деятельность Наркомфина».

Надо ли доказывать, что взгляды и настроения «рабочей оппозиции»

того времени ничего общего не имели со взглядами нашей партии на крестьянство [1]). Это понимал даже т. Троцкий на XI съезде, когда указывал «рабочей оппозиции»: «Вспомним,—читаем мы в его речи,—что говорили здесь тт. Шляпников и Медведев: равняются по крестьянству, ЦК ищет опоры в крестьянстве. На самом деле ЦК говорит рабочим: «Для того, чтобы не сорвалась твоя диктатура, ты должен равнять себя по крестьянству». Ленин и пределы развития капитализма при нэпе определял потребностями крестьянства. Он говорил: «Капитализм мы допускаем, но в тех пределах, какие необходимы крестьянству» (речь Ленина на XI съезде).

А что же говорит бакинская платформа тов. Медведева? Во-первых, тов. Медведев нападает на партию за то, что она устанавливает возможность социалистического наступления на рельсах нэпа. Мы все знаем, что на XI съезде Ленин определял этот момент, как конец отступления. Расходятся ли в этом вопросе Медведев и Шляпников с нынешним большинством ЦК или с Лениным? Ясное дело, что расходятся с Лениным и ленинской партией; а если кое-кто не только из «рабочей оппозиции», но и из прежних соратников Ленина, попавших ныне в оппозицию, по сути дела защищает шляпниковско-медведевскую точку зрения на нэп, как на политику отступления и по сегодняшний день, то об этом можно только искренно сожалеть, что они «дошли до жизни такой». Шляпников и Медведев заявляют, что новая экономическая политика «на деле является прямым непосредственным выражением интересов мелкобуржуазных крестьянских и городских масс» (цитирую по «исправленному» т. Медведевым экземпляру).

Для тт. Медведева и Шляпникова даром прозвучала речь Владимира Ильича, когда он говорил в 1922 году: «Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильней прыгнуть вперед. Только под этим условием мы отступаем назад в проведении нашей новой экономической политики» (речь на пленуме Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, т. XVIII, ч. 2, стр. 103). А сумели ли мы после этого двинуться вперед,—это может отрицать только злейший враг рабочего класса нашей страны, так как всем известно, что рабочий класс достиг за это время огромных успехов в деле социалистического строительства, в деле наступления при нэпе.

---

[1]) „Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которого мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем“ (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 146).

Для тов. Медведева не существует решений Коминтерна по этому вопросу. У него своя точка зрения, и он считает, что он в праве эту точку зрения проповедывать в нашей партии, хотя она была отвергнута всеми решениями наших съездов, хотя она в корне противоречит ленинизму.

Среднее крестьянство и беднота

А вот образчик отношения тов. Медведева и тов. Шляпникова к среднему крестьянству. Между прочим, во всей бакинской платформе середняк, кажется, встречается только один раз и вот в какой связи:

«Дальнейшее ускоренное развитие сельского хозяйства, в первую очередь кулацкого, или более или менее состоятельных, так называемых середняцких масс крестьянства, являясь глубоко прогрессивным явлением для нашей упавшей экономики, неизбежно, однако, поведет к вытеснению наименее хозяйственно обеспеченных масс крестьянства и прежде всего бывших рабочих и заполнит ими все города».

Здесь, как вы видите, кулацкие элементы крестьянства берутся за одну скобку с середняками. А после этого тов. Шляпников пытается нас уверить, будто бы они стоят в этом вопросе на ленинской точке зрения.

В резолюции VIII съезда ВКП(б) об отношении к среднему крестьянству Ленин писал—и это было принято партией:

«Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества,— значит нарушать самым грубым образом не только все декреты советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата с средним крестьянством в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплоатации» (Росс. Комм. Партия (большевиков) в резолюциях ее съездов и конференций, ГИЗ 1923 г., стр. 256—258).

Тов. Шляпников разъясняет нам, что в отношении крестьянства они решительно отрицают такие меры помощи, которые обещают бедноте сохранить и еще поднять ее самостоятельное хозяйство. О кооперации, о которой тов. Шляпников расписывает теперь в своем «ответе», в письме Медведева к бакинским рабочим, нет ни слова. Странное совпадение! Мы уже видели в вопросе о нэпе наличие огромного сходства между постановкой тов. Шляпникова и тов. Медведева, с одной стороны, и постановкой вопроса у новой оппозиции перед XIV съездом и на XIV съезде. Тт. Шляпников и Медведев объединили

в своей платформе **середняка с кулаком**, а **кооперация** у **них исчезла совершенно**. Что сей сон означает? Не значит ли это, что эта платформа означает некоторую **идейную близость рабочей оппозиции с новой оппозицией**? Вот что написано у тов. Медведева в его платформе:

«Таким образом, мы не разделяем хозяйственной политики ЦК, которая в основном в ближайший период буедт направлена по своему содержанию к сохранению, укреплению и даже будто бы развитию мелкого крестьянского хозяйства, которая всю промышленную политику базирует на его лишь современных потребностях (конечно, такой политики никогда у партии не было,—это выдумка тов. Медведева. *В. Л.*). Мы считаем, что мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство в обстановке нэпа внутри страны и в зависимости от международного рынка обречено на прозябание в варварских условиях и **неминуемую погибель**. Все попытки спасти его, помочь ему удержаться и даже развиваться в его современном виде есть реакционно-утопические попытки. Выходом из этого положения этих разоряемых крестьянских масс может быть только развивающаяся, растущая госпромышленность, на арене которой эти массы могли бы найти приложение своих рук и сил» (цитирую по «исправленному» тов. Медведевым экземпляру, в бакинском экземпляре слов «развиваться в его современном виде» не было).

Что же говорит тов. Медведев о той массе крестьянства, которая стоит вне бедноты?

«**Та же часть деревенщины, которая остается, за исключением указанной массы, есть деревенская мужицко-кулацкая буржуазия, враждебная нам не меньше буржуазии старой формации. С ней у нас ничего, кроме жестокой политической борьбы, быть не может. Вот основная суть наших разногласий в вопросах хозполитики партии**».

Неужели кто-нибудь может в этих взглядах видеть что-нибудь ленинское? Если принять эти взгляды, тогда надо совершенно отбросить все то, что мы делаем для помощи бедноте. Так, например, мы знаем, что в 1925 году был образован особый фонд в 77 миллионов рублей для коренной реорганизации крестьянского хозяйства в трех засушливых районах: Нижнего Поволжья, Среднего Поволжья и Северного Кавказа, для создания там засухоустойчивого хозяйства. Куда же тратятся эти деньги? Прежде всего на землеустройство 132 тысяч крестьянских хозяйств, на их реорганизацию, на закупку рабочего скота, на сельскохозяйственные машины и орудия, на сортовые семена, на развитие садоводства и т. д. Конечно, мы стремимся, чтобы вся эта помощь шла главным образом через кооперацию (о которой ни слова

нет у тов. Медведева в его платформе), но не обязательно через кооперацию и не только через кооперацию. По схеме тов. Медведева выходит так, что незачем помогать бедноте,—она все равно осуждена на разорение; поэтому нужно только позаботиться о том, чтобы разоряемая масса быстро нашла приложение своих рабочих рук на фабриках и заводах. А мы вовсе не думаем, что вся беднота должна разориться. Мы уверены, что мы можем поднять значительную часть бедноты, чтобы она не была беднотой. Мы стремимся это сделать через кооперативы, через кооперативные объединения—всякого рода машинные, семенные товарищества, сельскохозяйственные артели и коммуны, через поддержку кустарной промышленности, кустарно-промысловой кооперации, посредством лучшей организации сбыта с.-х. продуктов. А у тт. Шляпникова и Медведева выходит так, все это—ни к чему, что все это—одна реакционная утопия. И рассуждают они так, как если бы у нас не было советской власти. Если бы у нас не было советской власти или не была бы национализирована земля, то все было бы, конечно, иначе, тогда другое значение имела бы и кооперация. А тов. Медведев предлагает

«...найти такие средства в современном госбюджете, которые идут не на развитие крупного государственного хозяйства, а на поддержку мелкобуржуазного хозяйства состоятельной части крестьянства и на поддержку указанных утопических иллюзий у мелкого крестьянства, которые наша партия сама упрочивает у этого слоя крестьянства».

Другими словами, тов. Медведев предлагает нам в корне пересмотреть нашу политику по отношению к основной массе крестьянства, в том числе к крестьянской бедноте, отобрать все те ассигнования, которые направлены на материальную поддержку этой основной массы крестьянства, потому что из этого все равно ничего не выйдет. Поэтому центр. тяжести шляпниковско-медведевской линии направлен острием не против кулака, так как против кулака у них одни только слова, громкие фразы и кичливость своим пролетарским происхождением,—а по отношению к основной массе крестьянства и в том числе к бедняку они предлагают ряд экономических мер, которые означают ухудшение, ослабление той материальной помощи, которую оказывает ему советская власть. Эта линия и есть правая опасность в нашей партии. Это и есть фактически ликвидация союза пролетариата и беднейшего и среднего крестьянства. И прав автор статьи в «Правде», что «ликвидация рабоче-крестьян-

ского союза» является одной из самых важных составных частей политической платформы Шляпникова и Медведева.

Такая политика, если бы на ее путь стала наша партия, повела бы неизбежно к тому, что огромная масса крестьянства попала бы в объятия кулака. Рабочий класс поставлен был бы в условия величайших трудностей, в условия войны с значительной частью крестьянства. Мы знаем, откуда эти схемы насчет неизбежности войны рабочего класса с крестьянством. Их в свое время проповедывал и тов. Троцкий. Они ничего общего не имеют с ленинизмом.

Именно постановка вопроса о крестьянстве в шляпниковско-медведевской платформе бьет в глаза своими чисто меньшевистскими чертами и полным отрицанием ленинской линии. Мы уже видели, что путь кооперации в платформе т. Медведева совершенно исчез. Теперь, задним числом, т. Шляпников пытается «поправиться». Но всякий видит что рассуждения Шляпникова о том, что «в письме т. Медведева многого нет», а потому нет ни слова о кооперации, что надо говорить только о смычке с бедняком, что «смычка с середняком решается проще—возможностью и способностью нашей госпромышленности удовлетворить товарный голод»—что все это, как небо от земли, далеко от ленинизма. Для Ленина кооперация при диктатуре пролетариата, при власти государства на все крупные средства производства, при наличии союза пролетариата «со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян», при «обеспечении руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации...—разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?» Как же это вы такого слона не приметили, дорогие товарищи, претендующие на то, чтобы на особой платформе сколачивать единомышленников? Верно ли Ленин писал весной 1923 г., что «это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»? Согласны ли вы с тем, что «если выделить особо концессии, которые, кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом»? (Ленин. «О кооперации». Собр. соч., том XVIII, ч. 2).

Конечно, взгляды шляпниковско-медведевской платформы ничего общего с этой линией не имеют. У т. Медведева дело обстоят так, что миллионы мелких и мельчайших хозяйств так же, как и середняцких, должны погибнуть, крестьяне должны пролетаризироваться, и эти

десятки миллионов пролетариев должна поглотить промышленность. А так как у нас такой промышленности нет, то надо итти в кабалу к международному капиталу, «готовому пойти на оживление наших потушенных промышленных районов».

Таким образом, под покровом крайне «левых» фраз и рассуждений т. Шляпникова по поводу того, что «редакция («Правды») зачарована «смычкой с крестьянским хозяйством», скрывается замазывание того факта, что шляпниковско-медведевская платформа проповедует:

1) Ликвидацию союза пролетариата с основной массой крестьянства—бедняков и середняков, союза политического, а не только основанного на товарообмене.

2) Такую политику, которая толкает середняка на союз с кулаком.

3) Лишение основной массы крестьянства той помощи, которая экономически освобождает эту массу из-под влияния кулачества.

4) Объявление этой помощи мелкобуржуазной и реакционной утопией.

5) Отрицание взгляда Ленина на кооперацию, как на путь к социализму для основной массы крестьянства, в том числе и деревенской бедноты: по т. Шляпникову, «в отношении огромной массы бедноты даже кооперация существенно помочь бессильна».

Медведев и Шляпников о социалистическом строительстве

Вопрос о крестьянстве решается Медведевым и Шляпниковым в связи с нашей концессионной политикой. Мы уже видели, что этот вопрос ставится и решается «рабочей оппозицией» совершенно противоположно тому, как ставил его В. И. Ленин, которого больше всего Медведев и Шляпников упрекали в «крестьянском» уклоне.

Теперь тов. А. Шляпников говорит о «нечестном приеме борьбы, лжи и клевете» на том основании, что автор статьи в «Правде» позволил себе цитировать бакинский экземпляр письма, из которого тов. Медведев не успел еще тогда вычеркнуть чрезвычайно скандальное приглашение итти «на большие материальные жертвы» иностранному капиталу, который будто бы готов пойти на восстановление разрушенных и потушенных промышленных районов СССР. «Рабочая оппозиция» явно не верит в то, что мы можем своими силами строить и построить социалистическое хозяйство—и в этом ее основное сходство с новой оппозицией. В то время, однако, как новая оппозиция еще путается в вопросе о том, какую линию занять по отношению к среднему крестьянству (одни за то, как тов. Преображенский, чтобы дополнительно отобрать у крестьян 200—

300 миллионов пудов хлеба на индустриализацию; другие за то, чтобы отобрать на индустриализацию специальный фонд бедноты; третьи за то, чтобы обложить дополнительными налогами зажиточное крестьянство (не отделяя середняка от кулака), за повышение отпускных цен на промтовары),—Медведев, как мы видели, берет середняка за одну скобку с кулацким слоем. Это может показаться кой-кому, кто сейчас не умеет различать «правая—левая где сторона» и очень радикальным взглядом. Однако нетрудно видеть, что он приводит к самым правым выводам, упирается вплотную в капитуляцию перед международным капиталом. Чтобы убедить рабочих в необходимости такой капитуляции, тов. Медведев прибег в своем письме даже к прямой неправде,—в начале 1925 г. запугивал бакинских рабочих перспективой неизбежного свертывания нефтяной промышленности в ближайшее время и связанного с этим неизбежного усиления безработицы для бакинских рабочих.

Ленин писал в марте 1923 г.:

«Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность путем величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для постройки Волховстроя и пр.

В этом и только в этом наша надежда. Только тогда мы будем в состоянии пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.».

А тт. Шляпников и Медведев?

Налогами, экономией, большей рационализацией промышленности и всего нашего хозяйства, сокращением управленческого аппарата, социалистическим накоплением мы ничего, по мнению тов. Медведева, не сделаем. «Из пятаков» сложить средства на индустриализацию нельзя, налоги ничего не дадут,—все расчеты на это—иллюзия, самообман и обман рабочих. Ничего не остается, кроме капитуляции перед международным капиталом.

В 1921 г. В. И. Ленин предупреждал партию против таких паникеров, как Медведев и Шляпников. Теперь они пытаются сеять панику в рабочем классе, распространяя неверие в социалистические пути развития нашей промышленности и нашего сельского хозяйства, чудовищно замалчивая такой фактор, как кооперативное

строительство,—в письме-платформе Медведева, как мы видели, ни одной строчки, ни одного слова нет о кооперации, которой В. И. Ленин и вся наша партия придают исключительное значение.

Разве же это не паникерство, не бегство от пролетарских, социалистических путей развития,—это провозглашение напрасной иллюзией нашу попытку без помощи иностранного капитала строить социализм?

«Думать, что мы можем—при том удельном весе рабочего класса, который он имеет в государственной политике,—собрать необходимые массы капитала для разворачивания потушенной промышленности путем подоходно-имущественной системы налогов,—значит тешить себя напрасной иллюзией».

«Думать же, что эти массы капитала мы сложим, только более длительно, «из копейки к копейке, из патрона к патрону» от самой промышленности, это значит дополнить иллюзию мелкого крестьянства иллюзией мелкобуржуазных эпигонов городов».

Медведев уверяет, что нельзя еще и примерно назвать срок, когда мы «выберемся из дефицитности нашего бюджета; говорить же при наличии этого обстоятельства о накоплении могут только пустые болтуны».

Ленин видел в режиме экономии спасение. «В этом и только в этом наша надежда»,—писал он. Медведев уверяет, что об этом накоплении могут говорить «только пустые болтуны».

Медведев не видит просвета. Он уверяет, что и сейчас «как гири» давит на рабочие массы экономика нашей страны, а в дальнейшем будет еще хуже. Эти речи, впрочем, не новы: они являются лишь желчным перепевом прежних речей и статей «рабочей оппозиции», когда «рабочая оппозиция» уверяла, что «один только основной класс советской республики, выносящий на своих плечах всю тяжесть ответственности периода диктатуры, в массе своей влачит позорно жалкое существование» (А. Коллонтай. «Рабочая оппозиция»).

Когда В. И. Ленин на X съезде сказал, что паникеров на войне расстреливают из пулеметов, тов. Шляпников сделал вид, будто Ленин грозит буквально расстрелом Шляпникову.

Однако, тогда паника «рабочей оппозиции» не доходила до таких пределов, до каких она дошла теперь.

«Или гибель», или концессионная политика без всяких границ. Такова безотрадная дилемма, которую ставит группа Шляпникова—Медведева перед рабочим классом СССР».

Такой вывод делала статья в «Правде» из знакомства с платформой Медведева по хозяйственным вопросам. Все попытки тов. А. Шляпникова доказать, что в ней содержится что-либо другое, не выдерживают ни малейшей критики. Никакого другого вывода нельзя сделать из добросовестного изучения этого документа. Это и есть капитуляция перед капиталистами; это и есть меньшевизм; это и есть безверие в социалистические пути развития СССР.

На примере других оппозиционных групп мы видели, что их критика линии ЦК, их попытки ревизии, пересмотра нашей ленинской линии в вопросах о взаимоотношениях между пролетариатом, в вопросах нашей хозяйственной политики,—приводила их неизменно на путь того же пессимизма, неверия в социалистическое строительство, на путь панических настроений: пророчили стране «гибель», пророчили путь Термидора, метались и мечутся от лозунгов «лицом к деревне» к крикам о «затоплении нижних этажей» советского аппарата крестьянством и т. д.

Напрасно тов. Медведев уверяет нас, что нужна концессионная политика. Мы никогда не отказывались и не отказываемся от концессионной политики. Вопрос о сдаче концессии Уркварту поднят был еще при В. И. Ленине. То обстоятельство, что он так тщательно взвешивается, свидетельствует только об одном: наша партия, ее ЦК и ЦКК чрезвычайно вдумчиво, осторожно подходят ко всякому шагу, когда речь идет о международном капитале.

В 1920 году тов. А. Коллонтай в брошюре «Рабочая оппозиция» уверяла, что

«в отчаяние могут приходить капиталистические правительства, действительно стоящие с иссякнувшим творчеством в тупике, но не мы, трудовая Россия, перед которой с Октябрьской революции открываются небывалые широкие возможности хозяйственного творчества, образование невиданных еще форм призводства с неслыханно высокой продуктивностью труда. Но надо научиться брать не из прошлого, а давать простор творчеству будущего».

А теперь? Теперь разговоры о тупиках для социалистического строительства, упадочный пессимизм, крики о гибели, паникерство. Теперь заявления, что мы погибнем, если не пойдем на большие материальные жертвы международному капиталу. Жалкое зрелище! От капиталистического мира ждут избавления Медведев и Шляпников. К нему простирают руки:

„Стонет и тяжко вздыхает
Бедный наш русский народ,
Руки он к вам простирает,
Вас он на помощь зовет".

Вот вам и архи-левая «рабочая оппозиция»!

Международный курс Медведева—Шляпникова

«Правда» писала:

«Итак, «рабочая оппозиция» требует: 1) ликвидации компартий, как «орав мелкобуржуазной челяди»; 2) обратного вхождения в социал-демократические партии; 3) ликвидации Профинтерна; 4) вхождения в Амстердам; таков символ веры «группы Шляпникова и Медведева».

Несмотря на то, что тов. Медведев «исправил» и в этой части бакинское послание, никакие «исправления» не помогли вытравить меньшевистский его дух. И эти «исправления», сделанные тов. Медведевым, меньше всего дают права тов. Шляпникову говорить в сотый раз о подлоге. Всякому ясно, что само «исправление» тов. Медведевым бакинского послания может быть истолковано как подлог. Мы уже привели образчики этих «исправлений». Возвращаться к этому не будем.

Что же говорит «исправленный» источник?

«Международная политика нашей партии, как такая же политика и всякой другой партии, есть продолжение нашей внутренней политики на международной арене».

Истина совершенно бесспорная. Например: так как группа Медведева—Шляпникова капитулирует в области внутренней политики перед трудностями самостоятельного социалистического строительства в СССР, то эта же группа, как мы сейчас увидим, капитулирует целиком и полностью и перед самостоятельной коммунистической международной политикой и проповедует ликвидаторство и в этой области.

В самом деле: в чем, по мнению Медведева—Шляпникова, основной порок нашей международной политики?

«Ее основной порок,— заявляет Медведев,— состоит в том, что она все хочет видеть в цвете нашей страны».

«Так называемое рабоче-крестьянское правительство, пришедшее на смену «рабочему правительству», есть выражение безнадежной попытки разрешить основные вопросы западно-европейского рабочего движения средствами и методами нашей страны».

А разве злейшие наши враги из 2-го и $2^1/_2$-го Интернационала говорили когда-либо что-нибудь другое? Разве это не есть полная

солидаризация с самыми подлыми меньшевиками, которые кричат, что революция делается по указке из Москвы, что русские большевики навязывают всем 21 условие, что они переносят всюду свои методы борьбы, непригодные в других странах? Нет ли здесь той музыки, которая звучит в утверждениях некоторых «100%-ных ленинцев», будто ленинизм есть учение о том, как строить диктатуру пролетариата только в таких условиях, как наши.

Нетрудно убедиться, что в этом вопросе шляпниковско-медведевская оппозиция решительнейшим образом расходится с отношением Ленина к вопросу о рабоче-крестьянском правительстве и к роли крестьянства в Западной Европе. Нетрудно также видеть, что в этом вопросе шляпниковско-медведевская оппозиция расходится со всеми решениями конгрессов Коминтерна по крестьянскому вопросу. Весной 1925 г. расширенный пленум Коминтерна принял тезисы по крестьянскому вопросу, в которых говорится (пункт 58):

«Во всей работе своей среди крестьянства коммунисты должны всячески избегать социал-демократического уклона (пассивность в крестьянском вопросе, с одной стороны, беспринципная ловля крестьянских интересов, со сдачей всех марксистских позиций—с другой), а равно и народнического уклона (стирание граней между пролетариатом и крестьянством, смазывание вопроса о расслоении крестьянства, отсутствие идеи пролетарской гегемонии). Коммунисты всюду и везде должны разъяснять крестьянству, что, как показал опыт всех революций, крестьянство неизбежно бывало разбито, обмануто, если оно пыталось вступить, как самостоятельная третья сила, вне союза и руководства со стороны пролетариата. Опыт так называемых крестьянских правительств (стамболийское) точно так же показал, что крестьянство не может удержать власти. Поэтому лишь диктатура пролетариата, поддерживаемая крестьянством, способна на деле обеспечить победоносную борьбу обоих классов против эксплоататоров. Коммунисты только тогда выполнят свою задачу, если будут руководствоваться тем учением о соотношении между рабочим классом и крестьянством, которое было разработано тов. Лениным».

Не ясно ли, что шляпниковско-медведевская оппозиция борется против этих решений Коминтерна?

Медведев уверяет, что такого крестьянства, которое могло бы помогать рабочему классу в борьбе, в Западной Европе нет, что оно существует только на Ближнем и Дальнем Востоке. Он уверяет, будто бы мы сделали в Болгарии попытку опереться на крестьянство и что эта попытка, навязанная Коминтерном, привела к крушению болгарской компартии. Можно ли так извращать факты, когда всем известно и ясно, что болгарская компартия потерпела поражение именно потому, что она недостаточно свя-

залась с крестьянством, что она недостаточно в свое время усвоила необходимость союза рабочих и крестьян в этой стране.

Тов. Шляпников возмущается тем, будто бы «Правда» извращает позицию Медведева, когда характеризует его линию как бешеную атаку на Коминтерн, и уверяет, что это понадобилось «для запугивания недовольных существующей политикой, осуществляемой руководящим большинством ЦК партии». Ничего более бессовестно-демагогического нельзя себе представить, как это утверждение тов. Шляпникова. В самом деле (цитирую по «исправленному» документу):

«Во всех этих средне-европейских странах (в Германии, Италии и Франции), имеющих решающее значение для международной революции, эта тактика привела к тому, что из общей массы организованных сил пролетариата были вырваны силы коммунистической части его и противопоставлены всей остальной массе пролетариата как наиболее революционные части, против неспособной будто бы на сознательное участие в революционных выступлениях рабочей массы, чем дезорганизовали и общее движение рабочего класса и эту коммунистическую часть, изолировав ее от общей массы организованного пролетариата, и тем лишили возможности постоянного воздействия на эти массы изнутри его рядов. Мы злейшие противники этой политики».

Итак, организация Коммунистического Интернационала, в создании которого Ленин принимал наиболее активное участие, в деятельности которого не было ни одного сколько-нибудь серьезного шага сделано без одобрения Ленина,—создание этой организации было сплошной ошибкой. Не надо было, стало быть, «из общей массы организованных сил пролетариата» вырывать «силы коммунистической частицы его», т.-е. не нужно было организовывать коммунистических партий в Германии, Италии и во Франции. Шляпников и Медведев являются «злейшими врагами» той политики, которая вела к созданию коммунистических партий в Германии, Италии и Франции. Этого не надо было делать. Только такой вывод можно сделать из писаний Шляпникова и Медведева.

За что же стоят Шляпников и Медведев? (Опять-таки цитирую «исправленный» Медведевым документ.)

«Мы стоим за то, чтобы коммунистические рабочие массы оставались составной частью рабочих масс, организованных в профсоюзах, кооперации, советах, фабзавкомах и т. д.; чтобы всякие попытки захватить власть в этих организациях помимо воли подавляющей массы их членов, или организовать свою обособленную от этих масс организацию того же порядка, были решительно отброшены, как авантюры, дезорганизующие рабочее движение».

Всем известно, что мы являемся злейшими врагами выхода из профсоюзов. Мы даже, считаясь с особыми условиями борьбы рабочего класса в Англии, рекомендуем коммунистам оставаться в составе рабочей партии. Кое-кто из новой оппозиции, правда, настаивает на том, чтобы мы проводили отзовистскую политику, разрушили кое-какие организации, созданные для международного объединения рабочего профессионального движения в различных странах. Но ленинцы никогда не стояли за то, чтобы коммунисты выходили из профсоюзов, из кооперации, из фабрично-заводских комитетов и советов. За это, как известно, стояли «левые» друзья Шляпниковых и Медведевых из коммунистической рабочей партии в Германии, организации IV Интернационала, да еще люди типа Рут Фишер—Маслова. Но ведь само собой разумеется, что если дело обстояло так, что ошибкой было создавать самостоятельные коммунистические партии и что это привело нас «к полной изоляции рабочих масс нашей страны от пролетариата западно-европейских стран и к такой же изоляции коммунистической части последнего от его основных масс в Западной Европе», то отсюда только один вывод может быть: Долой Коминтерн! Долой Профинтерн! Да здравствует II Интернационал и Амстердамское объединение профсоюзов! Никакого другого вывода здесь нельзя сделать, как бы ни пытался тов. Медведев исправить сейчас свою платформу, как бы ни старался тов. Шляпников уверять всех, что они за Профинтерн.

Теперь об «оравах мелкобуржуазной челяди», которые питаются русским золотом. Как изворачивается здесь тов. Шляпников, лучше будет видно, если мы приведем целиком выписку из «исправленного» Медведевым документа:

«Попытки механически насадить наши методы работы во всех западно-европейских странах приводят только к тому, что мы видим, например, в Норвегии. На этом примере особенно наглядно видно, как эти попытки приводят буквально к дезорганизации рабочего движения этой страны; к насаждению материально немощных коммунистических секций; их содержание за счет того состояния российских рабочих масс, за которое они заплатили своею кровью и жертвами, и которое для себя они использовать не могут при современных условиях; что на деле создаются оравы мелкобуржуазной челяди, поддерживаемые русским золотом, изображающие себя самих пролетариатом и представительствующие в Коминтерне, как более «революционные рабочие».

Нужны ли, как говорится, комментарии к этому месту из медведевского письма? Мы утверждаем, что никогда ничего более гнусного по адресу Коминтерна не писалось злейшими нашими

врагами, и никакая уважающая себя коммунистическая партия не может терпеть, чтобы члены ее так отзывались хотя бы об одной норвежской компартии, если бы даже принять толкование тов. А. Шляпникова. Какое право имеют тт. Шляпников и Медведев так третировать норвежскую коммунистическую партию, члены которой заслуживают такого же уважения, как члены всех остальных братских партий, входящих в Коминтерн?

Но дело не только в моральном возмущении. Такую оценку Коминтерна может дать только реакционер, который относится к Коминтерну с нескрываемой ненавистью, и только в этом смысле можно принять объяснение тов. Шляпникова, что это есть «частное письмо», что тов. Медведев не рассчитывал на то, что оно станет широко известным, когда писал его. Оно рассчитано еще на то, что в такой стране, как наша, найдутся, конечно, отсталые слои рабочих и в особенности крестьян, которые этот мотив насчет русского золота воспримут очень сочувственно, как воспринимают его меньшевистские белогвардейские организации.

Мы имеем ряд успехов коммунистической партии на Западе. Только слепой не видит, какие успехи сделала, например, за последнее время германская компартия. Только слепой не видит, что лучшие элементы рабочего движения в Италии втянуты теперь в итальянскую компартию. Только злейший враг Коминтерна может утверждать, что в Англии нет сейчас сочувствия британской компартии. А Шляпников и Медведев уверяют рабочих, что мы не только не сближаемся «с массами организованного международного пролетариата», но что Коминтерн, наоборот, разобщает эти массы.

Грубейшим извращением, клеветой является сообщение тов. Медведева бакинским рабочим, будто бы «руководители Коминтерна в лице наших партруководителей ищут поддержки своей политики вне этих (рабочих) масс и проповедуют, например, что американские фермеры-арендаторы более революционны, чем американские организованные рабочие массы».

Конечно, все это чистейший вздор, и решения конгрессов Коминтерна по вопросу об американских фермерах имеют совершенно иное значение, чем то, о котором пишут Медведев и Шляпников. Кто следил за меньшевистской печатью, тот должен признать, что заявление Медведева и Шляпникова, будто бы «политика Коминтерна под руководством наших партруководителей вследствие неудачи в пролетарских массах пропитана устремлением в сторону мелкобуржуазных частнособственнических классов», есть утверждение меньшевистское.

Отсюда и прямая защита Шляпниковым и Медведевым социал-демократических партий Западной Европы. Они выступают поэтому защитниками социал-демократических партий. Они «против той систематической травли и дескредитации классовых объединений западно-европейского пролетариата, еще не идущих за коммунистическими лозунгами».

«Наши оценки, т.-е. социал-демократических партий, — заявляют тт. Медведев и Шляпников,—глубоко расходятся с теми оценками, которые даются нашими руководителями».

Какие оценки давал Владимир Ильич организации II Интернационала, мы все прекрасно знаем, и мы никогда не расходились с этими оценками. А тов. Медведев возмущается, что «руководящие кадры этих партий они («они»—это большевики-коммунисты, члены ВКП, а «мы»—это «рабочая оппозиция», Шляпников и Медведев, да еще несколько «классово-спаянных» личностей) рассматривают как предателей, изменников, прислужников буржуазии и т. д. и т. п.». Но само собой разумеется, что Шляпников и Медведев глубоко расходятся с этими оценками. Наоборот, оказывается, что

«вся крепость их (социал-демократических вождей), связь с рабочими массами, все глубокое доверие последних к ним объясняется тем, что эти вожди с.-д. партий никогда не противопоставляют повседневных нужд рабочих масс вообще и частных требований отдельных категорий их интересам революции» сногсшибательное открытие!). «Наоборот (??), она эти интересы и видит главным образом в удовлетворении повседневных нужд рабочих масс».

Для примера можно было бы привести еще не законченную стачку английских горняков; но само собою разумеется, что Носке и Шейдеманы, Томасы и Гендерсоны «никогда не противопоставляли частных требований горняков интересам революции». Можно ли так извращать действительность? Можно ли так обманывать рабочих, так издеваться над фактами, как это делают Шляпников и Медведев? Они уверяют, что

«нет ничего противоестественного в том, что он (западно-европейский рабочий) доверяет все руководство своей борьбой именно тем, кто преподносит ему не красные вымыслы в виде перспектив, а умело защищает его от повседневных невзгод».

Так вот видите, что получается: тт. Томский и Догадов, Лепсе и Мельничанский и другие члены нашей партии, которые выступали за все время английской стачки с указаниями на то, что необходимо

иметь в виду перспективы движения—они «преподносили красные вымыслы», а Томасы и Гендерсоны «умело защищали английский пролетариат от повседневных невзгод». Вот ведь что получается от такого извращения действительности, которое проделывают тт. Шляпников и Медведев!

Тов. Шляпников обижен был тем, что редакция «Правды» взяла несколько слов из письма тов. Медведева, «разбавила их своими измышлениями». Мы вынуждены были взять не несколько слов, а выписать дословно почти все, что тт. Медведев и Шляпников рассказывают бакинским рабочим о тактике по отношению к социал-демократии. Полюбуйтесь, какие красавчики!

А теперь обратимся к Профинтерну. Что об этом говорит тов. Медведев?

«Мы считаем, в соответствии с фактическим положением дел, что такие объединения наши, как Профинтерн, фактически являются, вольно или невольно, орудием разобщения и российских рабочих масс и западноевропейских коммунистических масс от рабочих масс всего пролетариата. Он является прямым препятствием, ничем фактически не оправдываемым, на пути к образованию действительного единого фронта рабочего класса каждой страны и в международном масштабе. Вот то основное, что нас разделяет с партруководством настоящего момента в вопросах международной политики».

Как же после этого смеет тов. А. Шляпников писать:

«Крик о нашем намерении ликвидировать Профинтерн принадлежит к тому же арсеналу средств, которыми хотят прикрыть действительную ликвидацию. Нет, не мы ликвидируем Профинтерн».

Если Профинтерн есть «орудие разобщения», если он является «прямым препятствием», да еще «ничем фактически не оправдываемым», так ведь, выход может быть только в одном: отбросить это «орудие разобщения», ликвидировать это «прямое препятствие», устранить его; и если на пути к образованию «действительно единого фронта рабочего класса» стоит ничем фактически не оправдываемое «препятствие в лице Профинтерна», то всякий дурак поймет, что Профинтерн надо ликвидировать. Поэтому медвежьи попытки, которые сейчас делает тов. Шляпников,—свалить с больной головы на здоровую, сказать, что «не мы ликвидируем Профинтерн»,—это есть попытка подладиться, примазаться к новой оппозиции, пойти на службу к хозяину, который обещает в этом смысле поддержку.

Все песенки тов. Шляпникова насчет «беспринципного делячества», которым, будто бы, руководится большинство ЦК по отношению к Амстердаму, это не из репертуара шляпниковско-медве-

девской оппозиции: это—из другой оперы, сочиненной троцкистами и новой оппозицией. Тов. Шляпников и Медведев подпевают и очень неудачно, так как они сами заявили в письме в ЦК и ЦКК, что солидарны с ЦК в вопросе об Амстердаме. Настолько неудачно подпевают, что каждый слышит фальшь. Не надо иметь очень тонкий слух, чтобы слышать это, потому что именно с точки зрения сохранения связи с массами нельзя так относиться к англо-русскому комитету, как относятся сейчас и тт. Шляпников и Медведев и вся новая оппозиция.

Совершенно ясно теперь, что своей политикой по отношению к стачке горняков и по отношению к международному движению вообще мы создали довольно прочные связи с пролетариатом всего мира. Поэтому просто-напросто бахвальством звучат заявления тов. Шляпникова о том, «как мы работали» в профсоюзах. Об этом «как мы работали» можно прочитать в резолюции XI съезда партии «о некоторых членах бывшей рабочей оппозиции», о тех методах, какими работала шляпниковско-медведевская оппозиция в профсоюзах. Или в письме Митина, которое было предметом суждения комиссии XI съезда по делу «рабочей оппозиции». Недаром от шляпниковско-медведевской оппозиции сейчас остались одни только рожки да ножки, и все, что было жизненного в этой группе когда-то, давно от нее ушло.

О ленинском наборе

«Теперь относительно смерти тов. Ленина»,—так начинает четвертую часть своего письма тов. Медведев. Немножко философии насчет того, что «на свете все относительно». Главное внимание тов. Медведева привлекает факт вступления рабочих в партию. Этот факт он приравнивает—к чему бы вы думали?—«к массовым стачкам в августе и сентябре 1923 года за улучшение своего отчаянного положения». В этих стачках он видит такие же признаки оживления в рабочем классе, как и в факте массового вступления рабочих в партию: точь в точь так же истолковывали это меньшевики. Главное, что радует тов. Медведева (хоть это хорошо), что партия становится по классовому своему составу все более пролетарской. По этому вопросу тов. Медведев наговорил столько неправды в своем письме по поводу непролетарского состава партии. Так, он уверяет, что будто бы в 1924 году в нашей партии была одна седьмая часть пролетарского состава, тогда как в заявлении «22-х» в 1921 г. сам же тов. Медведев сообщил Коминтерну, что в нашей партии 40% рабочих, тогда как по данным XIV партийной конференции, которые были известны тов. Медведеву, в нашей партии к тому времени,

когда тов. Медведев писал свое письмо, было не менее 45% рабочих. Что же он советует по этому поводу своим бакинским друзьям?

«Нужно только, конечно, не дать сбить себя на ту пошлость, которую в связи с этим явлением выдвигают вперед, что вся эта масса рабочих ринулась в партию, чтобы учиться ленинизму, и что для нее нужно немедленно поставить как можно больше партлекций, курсов, школ и т. д., и т. п. В этой встрече нужно видеть прямую опасность, могущую потянуть немедленно из партии не только вступающих ныне, но, чего доброго, и тех, кто был в партии и раньше».

Что тут марксистского, что тут ленинского, в этом презрении к учебе, к ленинизму, к партлекциям, к курсам, школам и т. д.? Мы не удивились, что еще в 1924 году тов. Медведев уверяет бакинских рабочих, что «единственная фракция, которая имела будущность в рабочем классе, это была фракция рабочей оппозиции». Ведь еще тов. Коллонтай в 1920 году говорила о 30 тысячах курьеров, которые повсюду приглашают «рабочую оппозицию». Она говорила:

«Оппозиция эта, не имея ни одного крупного теоретика-лидера, встречая самый резкий отпор со стороны наипопулярнейших вождей партии, растет и крепнет, а главное стелется и стелется по трудовой России».

«Пролетарское происхождение» играло не последнюю роль во всех выступлениях «рабочей оппозиции». Это отмечал и тов. Ленин на X съезде. Как всегда, Ленин смеялся: «Тов. Шляпников говорит о своем истинно-пролетарском характере». Отсюда заявления товарищей из «рабочей оппозиции» и на X и на XI съездах, что наша политика определяется мелкобуржуазным составом нашей партии, по поводу чего особенно скачут и играют такие «левые революционеры», как Леви, как Корш, как Кац и все предатели Коминтерна. Отсюда заявление, что «подавляющий мелкобуржуазный состав самой партии, которая может быть активным сторонником буржуазной демократии, но не рабочей демократии».

Уже одно сопоставление факта вступления нескольких сот тысяч новых членов партии из пролетарской среды с фактом стачки осенью 1923 года показывает, какой «уклон» имеют тт. Шляпников и Медведев и для чего намерены они были бы использовать связи с этим новым ленинским призывом. Но ежели вы так думаете «оживлять», то это действительно опасность необычайно серьезная, и на эту опасность закрывать глаза никак нельзя. Как тут не

вспомнить предупредительных слов тов. Троцкого по вашему адресу, что такие противопоставления ведут к Кронштадту! Как тут не вспомнить тех предупреждений, которые делал неоднократно Владимир Ильич по вашему адресу и на X и XI съездах! Как не бить тревогу по поводу правой опасности в нашей партии, когда имеешь такие откровенные попытки ликвидировать союз рабочего класса и крестьянства,—пойти на гораздо большие жертвы международному капиталу, ликвидировать линию Коминтерна и Профинтерна и сами эти организации! Как не тревожиться по поводу того, что могла бы сделать «рабочая оппозиция», если бы она пользовалась хотя бы малейшим успехом в рабочем классе! К счастью, она им не пользуется. К счастью, даже шляпниковско-медведевское письмо к бакинским рабочим, как это установила специальная комиссия (в которой участвовали тт. Сольц и М. И. Ульянова), не встретило ни малейшего сочувствия среди бакинских рабочих, несмотря на попытку других товарищей Медведева—тт. Колосова и Разина—сколотить группу «рабочей оппозиции».

В чем особенная опасность таких выступлений, помимо беззастенчивой, безответственной демагогии, которая сквозит в каждой строке ответа тов. Шляпникова и письма тов. Медведева?

В том, что огромные трудности нашего строительства используются для борьбы с партией. Партия насчитывает более миллиона членов и кандидатов. Она руководит первым в мире опытом социалистического строительства. Она испытывает на каждом шагу величайшие трудности. И эти трудности заостряются против партии. Так могут действовать и так действуют враги. Хотят они этого или не хотят,—партия в праве от них требовать прекращения такой разлагающей работы.

Последнее (по счету, но не по важности) условие пребывания в Коминтерне заключается в том, что «члены партии, принципиально отвергающие обязательства и тезисы, выставленные Коминтерном, должны исключаться из партии».

Не ясно ли, что тт. Шляпников и Медведев принципиально отвергают обязательства и тезисы, выставленные Коминтерном по целому ряду важнейших вопросов? Партия должна бесповоротно осудить такого рода платформы, как шляпниковско-медведевское письмо к бакинским рабочим, так как ликвидаторско-меньшевистские взгляды, высказываемые в этом письме, ничего общего не имеют с ленинизмом, с ВКП, с Коминтерном.

Оценка врага

Как оценивают меньшевики, эсеры и белогвардейцы нынешнюю позицию Шляпникова и Медведева? Послушаем сначала т. А. Шляпникова:

«Меньшевистские суждения о нас хорошо известны руководителям большинства нашего ЦК. Если бы меньшевики оценили нас так, как это делает за них «Правда», то эти оценки давно были бы использованы против нас. Ссылки редакции «Правды» на меньшевиков ошибочны. Как и что думают о нас меньшевики, редакция может узнать в их «центральном органе»,—«Социалистическом Вестнике».

Обратимся к этому «нелицемерному судье», к которому апеллирует тов. Шляпников. Перед нами № 14 «С. В.» от 26 июля 1926 года с передовой статьей «Враг внутренний». «Социалистический Вестник» решительно берет в этой статье под защиту тов С. Медведева против редакции «Правды». «О Коминтерне Медведев нашел мужественные и решительные слова» (дальше идет насчет «орав мелкобуржуазной челяди», работающих из-за «русского золота»).

«Социалистический Вестник» хвалит группу Медведева за то, что она протестует против «систематической травли и дискредитации пролетарско-классовых объединений западно-европейского пролетариата», т.-е. II Интернационала. «С. В.» хвалит Медведева за его взгляды на Профинтерн. Правда, по мнению меньшевиков, «по части внутриполитических вопросов у медведевской группы царит немалая путаница». Но зато взгляды тов. Медведева на средства индустриализации встречают решительное одобрение меньшевиков. Здесь «сущность медведевской программы проявляется отчетливо и положительно». Напрасно тов. Шляпников старается доказать, что он в этом вопросе солидарен с Лениным. Меньшевики никогда не говорили о Ленине в таком тоне.

«Повидимому,—пишет «Соц. Вест.»,—и у Медведева много неясности и путаницы в вопросе о власти, о диктатуре большевизма. Не может он расстаться с этим ветхим наследием. Но при всем том его программа — программа «укрывателей, союзников и покровителей» представляет громадный шаг вперед по сравнению с программой прежних фракционных образований и по сравнению с зиновьевской оппозицией этого года. У всех их общей была тяга назад, от нэпа к военному коммунизму. Дельцам нэпо-коммунизма они умели противопоставить лишь чистый утопизм. Медведевская платформа ценна тем, что она указывает на возможности другого развития, на синтез принципиальной, решительной оппозиционности с экономическим реализмом. Не

вполне продуманная, не всегда решительная, она всё же знаменует громадный идейный прогресс в среде пролетарских элементов коммунизма».

С чем вас и поздравляем, «классово-спаянные» вожди рабочей оппозиции. Но только не морочьте головы членам коммунистической партии вашей принципиальной «чистотой», которая вызывает такие похвалы «Социалистического Вестника», и не вынуждайте нас давать такие справки, которые каждому слепому дают возможность ощупать вашу сущность.

Неплохие похвалы можно встретить и в эсеровских «Днях».

Две передовых статьи посвятили «Дни» тов. Медведеву (№№ 1055 и 1064) с очень сочувственными цитатами, которые между прочим целиком совпадают с «исправленным» текстом тов. Медведева. В особенности приводит в восхищение всех белогвардейцев то, что тов. Медведев изображает деятельность Коминтерна, как ряд авантюр, где роль революционных рабочих изображают из себя «оравы мелкобуржуазной челяди», пожирающей русское золото. «Дни» хвалят Медведева и Шляпникова за последовательность и особенно радуются тому, что «обе оппозиции—обе левые, а если хотите, то и обе правые,—фактически ведут к ликвидации большевистской диктатуры в России».

«Последние Новости» очень сочувственно относятся к тому, что «противник «деревенщины» Медведев противопоставляет красному протекционизму план самого широкого международного финансирования в советской промышленности» (№ 1954, 29/VII 1926 г.). И, конечно, ничего, кроме злорадства, кроме свистопляски, не вызывают возмутительнейшие строки в письме Медведева к бакинским рабочим, направленные против политики Коминтерна и Профинтерна.

Приблизительно эту же оценку находим мы в «Руле», и в «Возрождении», и в других белогвардейских органах. После этого какими жалкими являются попытки оппозиции указывать на то, что профессор Устрялов с похвалой отзывается о решениях XIV съезда!

* * *

Наконец, об июльской угрозе. Как далеко зашли тт. Шляпников и Медведев в своей враждебности к ВКП (б), лучше всего свидетельствует это место «ответа» тов. Шляпникова. Кто еще мог так противопоставить себя советскому государству и компартии, как это делает тов. Шляпников! Он пишет:

«Над нами вновь нависла «июльская угроза», но мы безбоязненно (кто сомневается в вашей «храбрости»!) пере-

жили июльскую угрозу в 1917 году, и нас не устрашат июльские угрозы автора».

Мы не забыли значения, социального и политического смысла июльской угрозы. Тогда в газете «Живое Слово» явно черносотенного характера напечатана была низкая клевета на Ленина. «Правда» в ночь на 5 июля была разгромлена юнкерами. Правительство Керенского, в котором меньшевики и эсеры творили волю буржуазии, обрушилось с преследованиями на партию большевиков. Отдельные товарищи, особенно руководители нашей партии, подверглись аресту. Буржуазия объявила войну рабочему классу, его передовому авангарду. Как всем известно, ни тов. Шляпников, ни тов. Медведев в то время никаким особым преследованиям и испытаниям не подвергались, так что нет у них ровно никаких оснований сейчас вспоминать о своей «безбоязненности». Сейчас же после октябрьского переворота, однако, тов. А. Шляпников, назначенный народным комиссаром труда, вместе с несколькими другими большевиками-наркомами подал заявление в ЦИК СР и СД и СНК, в котором писал:

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства посредством политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК звание народных комиссаров» (Л. Троцкий. Соч., т. III, 1917 года, стр. 2, приложение 13, см. также примечание 233 на стр. 437).

Какое же право имеет тов. А. Шляпников в таком тоне вспоминать об июльской угрозе? Не думает ли он, что он имеет какое-нибудь право отождествлять свою жалкую ликвидаторскую группку с партией рабочего класса, противопоставлять себя компартии, сравнивать компартию и советское государство с правительством Керенского, а «Правду»—с «Живым Словом». До такой наглости еще не доходила ни одна антипартийная группа, даже из тех, что подпольно организовывались внутри ВКП (б), как «Рабочая Правда» и «Рабочая Группа».

А между тем только такой смысл и могут иметь эти его слова о «нависшей над нами» (Шляпниковым и Медведевым) июльской угрозе. «Июльская угроза» означала объявление гражданской войны. Вот до чего договаривается сейчас рабочая оппозиция. Она становится на путь, от которого их предостерегала партия за все эти годы. Можно только пожалеть, что у людей такая короткая память. Но партия не может терпеть, допускать такие сравнения по отношению к ВКП (б), по отношению к центральному органу партии, заставит отвечать, «не взирая на лица», тех, кто позволяет себе подобное отношение к партии.

* * *

Мы вынуждены были в «Большевике» вновь подвергнуть разбору шляпниковско-медведевскую платформу по «исправленному» самим автором экземпляру. Мы привели из этого замечательного документа гораздо более обширные, чем приведенные в статье «Правды», выписки. Мы постарались осветить все существенные вопросы, затронутые в этой платформе. Выводы наши—те же, что и у автора статьи в Ц. О., даже еще более печальные, так как т. Шляпников выступил не только с негодными и жалкими попытками дискредитировать «Правду», но и с защитой явно ликвидаторской, меньшевистской платформы тов. Медведева. Эта платформа бьет в глаза своей правизной, отказом от ленинизма, от большевизма, пропитана паническим настроением от начала до конца; от начала до конца она является попыткой дать по всем вопросам политики ВКП (б) платформу для новой партии. Она является поучительным примером, как «архи-левые» лидеры «рабочей оппозиции» 1920—1921 годов на деле пришли к защите правых меньшевистских взглядов.

Ибо меньшевизм—безверие в социалистические пути развития нашего хозяйства.

Меньшевизм—паника перед трудностями этого строительства и призыв к рабочему классу искать спасения только на пути больших жертв международному капиталу.

Меньшевизм—постановка вопроса о союзе пролетариата и основной массы крестьянства в этой платформе, ведущая к ликвидации этого союза.

Меньшевизм—и самый худший—та характеристика, какая дана в платформе международной политики ВКП (б) и Коминтерна.

Меньшевизм—та защита партий II Интернационала и их вождей, какую мы находим в письме т. Медведева.

Меньшевизм—требование ликвидации Профинтерна и линии Коминтерна в этой платформе.

Партия в праве и должна потребовать от товарищей, называющих себя членами ВКП(б), чтобы они отказались от защиты такой меньшевистской, ликвидаторской платформы.

Я. Оссовский — автор статьи „Партия к XIV съезду", помещенной в № 14 „Большевика" за 1926 г. За высказанные в этой статье взгляды Оссовский был партколлегией ЦКК ВКП исключен из рядов партии. Это исключение ЦКК мотивировала следующим образом:

„Секретариат ЦКК констатирует, что в этом документе Оссовский по основным вопросам (характер советского государства, диктатура пролетариата, взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством, между партией и государством) развивает взгляды, являющиеся не чем иным, как защитой взглядов буржуазных и меньшевистских партий на эти вопросы.

1. Оссовский в полном согласии со всеми партиями II Интернационала проповедует невозможность сохранения диктатуры пролетариата в СССР как в стране с преобладающим крестьянским населением и невозможность проведения в ней классово выдержаной линии ВКП(б).

2. Оссовский для доказательства и для прикрытия своих буржуазных взглядов на сущность диктатуры пролетариата и его авангарда—ВКП(б), так же, как и все наши враги, клевещет на рабочий класс и на его партию, утверждая, что будто бы ВКП(б) принуждена „в своем лице защищать все наличные интересы страны и в том числе капиталистических предпринимателей", что „в нашей единственной в стране легализированной партии мелкая буржуазия имеет, и не может не иметь, свой рупор, ибо она в стране преобладает", и что в СССР „пролетариат становится на службу интересов чуждых ему хозяйственных форм".

3. В соответствии с чаяниями и планами врагов пролетарской революции на ликвидацию пролетарской диктатуры путем раскола и разложения партии рабочего класса—ВКП(б), Оссовский проповедует, что ВКП(б) должна теперь же пожертвовать единством, допустить свободу фракций внутри ВКП(б), провозглашая „несостоятельность... принципа партийного строительства, покоящегося на абсолютном единстве и единственной партии".

4. Оссовский проповедует, что в дальнейшем партия должна держать курс на возрождение и создание других политических партий (меньшевиков и эсеров).

5. Оссовский заявляет, что ВКП(б) должна быть отстранена от руководства Коминтерном, что ее влияние должно быть во всяком случае уменьшено, чего добиваются все наши враги.

Секретариат ЦКК ВКП(б), считая, что изложенные взгляды Оссовского являются выражением буржуазной идеологии и несовместимы с идеологией пролетариата, с программой нашей партии и с основами тактики ВКП(б), и принимая во внимание, что Оссовский не выполнил предложения ЦКК ВКП(б) выступить открыто с решительным и безоговорочным отказом от этих антипролетарских взглядов, постановляет:

Исключить Оссовского Я. А. из рядов ВКП(б)".

Это решение было вынесено 11 августа 1926 г. и опубликовано 14 августа в „Правде".

---

46. Итоги эволюции Медведева — Шляпникова

(Из статьи тов. Слепкова в № 18 „Большевика“ за 1926 г.)

«Левая» «рабочая» оппозиция, выступавшая при своем возникновении «левее» тов. Ленина, умножив и уплотнив свои ошибки, приобретает на наших глазах черты правого, полуменьшевистского течения в ВКП (б).

Эволюция «рабочей оппозиции», это—яркая иллюстрация того, как «цеховое» течение в нашей партии, считающее себя застрахованным от мелкобуржуазного влияния, выступающее против всяких блоков пролетариата с мелкой буржуазией, требующее «чистоты и бескомпромиссности политики, спешного, форсированного марша на коммунизм», приходит к почти меньшевистским оценкам нашего положения,—оценкам, из которых, при последовательности, будут сделаны и практические меньшевистские выводы.

...Если в 1920 году—во время дискуссии о профсоюзах—неправильные неленинские оценки классовых взаимоотношений в стране советов еще скрывались под рассуждениями по важному, но частному вопросу о роли профсоюзов в хозяйственном строительстве, то уже при переходе к нэпу эти оценки были даны «рабочей оппозицией» в более отчетливой форме, по более общему политическому вопросу,—вопросу о нэпе.

В этих выступлениях идеологи «рабочей оппозиции» обнаружили: 1) непонимание ленинской постановки вопроса о диктатуре пролетариата как орудия привлечения непролетарских трудящихся масс на сторону рабочего класса; 2) непонимание политики рабоче-крестьянского блока; 3) непонимание большевистских принципов внутрипартийной организации.

Поскольку коммунистическая партия в последующий период своей политики исходила из ленинских постановок всех этих вопросов, а не из постановок «рабоче-оппозиционных», постольку «рабочая оппозиция» через несколько лет нэпа должна была или признать свои ошибки, которые она делала в 1920/21 г., или «констатировать» перерождение партии и советского государства.

«Рабочая оппозиция» вступила на второй путь.

И тов. Медведев и тов. Шляпников, выступившие в 1924 г. и в 1926 г., по сути дела, считают, что перерождаются и коммунистическая партия и советское государство; при этом в своих критических оценках они начинают сбиваться на меньшевистский тон.

С другой стороны, те посылки, на основании которых они приходят к таким критическим оценкам, толкают их в сторону меньшевизма

и в положительной программе. Если революция в СССР не имеет внутренних сил для строительства социализма, если невозможно осуществление рабоче-крестьянской смычки, если невозможно на основе этой смычки проводить индустриализацию на «пятаки», если благодаря этим невозможностям и происходит перерождение,—то не лучше ли пойти на широкое привлечение концессионного капитала с большими жертвами, то не пора ли «потрезветь» и в области международной политики?

Таков путь «рабочей оппозиции». Обозревая этот путь, всякий коммунист должен согласиться с тов. Лениным, считавшим неосновательными претензии т.т. Медведева и Шляпникова на представительство интересов рабочих и выразившим это в фразе:

«Думаю, что они неправильно это название носили».

---

47. Шляпниковщина и оппозиционный блок 1926 г.

(Из доклада тов. Бухарина ленинградскому партактиву 28 июля 1926 г.)

Нет ни одного здравомыслящего человека, который мог бы отрицать, что крайняя правая в нашей партии представлена группой бывшей «рабочей оппозиции», потому что нельзя придумать в области международной революционной политики более правой точки зрения, как точка зрения, стоящая за ликвидацию Коминтерна, называющая западные коммунистические партии «оравой мелкобуржуазной челяди, живущей на русские деньги», требующей ликвидации Профинтерна, требующей сдачи нашей социалистической промышленности без оговорок иностранному капиталу, и т. д., и т. д. Это есть самая правая позиция внутри нашей партии, которая, по сути дела, идейно стоит уже вне нашей партии. И вот, товарищи, мы должны констатировать прежде всего что теперешняя оппозиция, которая представляет собой блок оппозиций, включает в качестве одного из союзников группу тов. Медведева и на наши настойчивые приглашения решительным образом отмежеваться, хотя бы на пленуме Центрального комитета, от позиции Медведева, ударить по ней со всей силой вместе со всеми нами, мы не получили достаточно вразумительного ответа. Более того: около года тому назад группа товарищей поручила тов. Зиновьеву написать и опубликовать против этого письма Медведева, излагающего его платформу, контрстатью от имени ряда товарищей. Тов. Зиновьев этого не выполнил. Когда на пленуме ЦК его спросили: «Почему ты не выполнил своего обязательства?», то он ответил буквально следующее: «Так как вы направляете огонь налево, то я считаю неудобным нападать на левого товарища Медведева». Значит, платформа тов. Медведева считается

с точки зрения тов. Зиновьева «левой». Выходит, что если тов. Медведев—«левый», то значит тов. Зиновьев стоит правее тов. Медведева! Я уж не знаю, что сделать после такого заключения. На самом деле тов. Зиновьев, конечно, стоит не правее тов. Медведева,—этого, к счастью, еще нет. Но если действительно объективно, совершенно «не взирая на лица», осветить идейную физиономию различных оппозиционных группировок, то можно найти идейный мостик, благодаря которому и получается оппозиционный блок.

Что пишет тов. Медведев по крестьянскому вопросу? Глупо, говорит он, сейчас думать, что можно спасти мелкое крестьянское хозяйство; оно неизбежно будет разоряться, оно обречено на разорение целиком. Мелкобуржуазная утопия—считать, что крестьянское хозяйство может подниматься.

Так говорили мы все, когда был капиталистический режим, но говорить так в условиях пролетарской диктатуры, это значит—занимать не ленинскую, а совершенно другую позицию. Тов. Медведев делает вывод: «нечего возиться с деревенщиной» (у него крестьянство выступает под псевдонимом «деревенщина»): зачем нам, «истинным пролетариям», возжаться с этой деревенщиной (и с нелепой «челядью» из Коминтерна!), лучше сдавать нашу промышленность концессионному капиталу, чтобы получить лишний пятачок. Вот какая, по существу дряблая, паршивая, тред-юнионистская физиономия выглядывает из этой платформы.

Но когда товарищи из новой оппозиции говорят, что дифференциация идет так, что о середняке много разговаривать не приходится, или когда тов. Преображенский не различает частный капитал от крестьянского хозяйства, то мы имеем здесь несомненное идейное родство с Медведевым; это не есть на 100 процентов одно и то же, но это родственно идейно.

Когда у нашей оппозиции существует сомнение в социалистическом характере государственной промышленности, а в платформе Медведева ей придается такое малое значение, что он готов раздать ее концессионному капиталу, то это есть второй идейный мостик между данными группировками.

Когда тов. Медведев не верит, что у нас—пролетарская диктатура, и считает, что задача пролетарской организации состоит в том, чтобы нажимать на государство и к этому нажиму сводит все, а у других товарищей из оппозиции попадаются фразочки насчет того, что у нас «далеко не пролетарский характер государства», то это—третий идейный мостик между группой оппозиционеров и группой тов. Медведева, которая идет идейно, так сказать, «в авангарде» всего оппозиционного блока.

Когда Медведев считает, что наша партия прогнила, что она сошла, сползла с рельс пролетарской политики, а тов. Каменев говорит, что эта политика расходится с интересами широких рабочих масс, то это—четвертый мостик, который соединяет одного с другим. С этого все уклонисты начинают и потом, развиваясь дальше, приходят уже к совершенно антибольшевистским выводам. Вот в чем заключается идейное родство всей оппозиции с платформой Медведева.

Нам скажут, что у Медведева самое крупное и самое отвратительное и самое дурно пахнущее—это предложение ликвидировать Коминтерн, между тем как ничего подобного ни у Зиновьева, ни у Троцкого нет. Да, пока еще нет. Мы были бы первые, кто сказал бы огромное «благодарю» судьбе, если бы этого никогда не случилось. Но при дальнейшем развитии оппозиции может быть и это, если они будут итти по тому пути, по которому идут сейчас... Что скажет наша оппозиция, если она будет говорить про нашу партию, что партия отошла от революционной линии и в то же время она остается руководительницей Коминтерна? В этом случае оппозиция начнет все громче говорить, что Коминтерн вслед за русской партией сползает с пролетарских рельс, и тогда неизбежно будет в дальнейшем развитие взглядов оппозиции в сторону неправильного, пренебрежительного, отрицательного отношения к Коминтерну.

Повторяю, мы были бы первые, которые сказали бы величайшее «благодарю» судьбе, если бы этого не случилось. Если этого не будет, мы первые будем рады. Но для этого надо сделать так, чтобы оппозиция свернула с губительной тропинки, на которую она сейчас стала, задумалась бы над тем, куда растет ее идеология.

Итак, куда растет оппозиция как идейное течение? К шляпниковщине, к медведевщине, к полному ликвидаторству на основе неверия в социалистическое строительство в нашей стране.

48. Вместо послесловия[1]).

а) Из извещения ЦК ВКП от 16 октября 1926 г.

Из переговоров выяснилось, что оппозиция, соглашаясь отмежеваться от ренегата Оссовского, против исключения которого из ВКП

---

[1]) Сборник заканчивался печатанием, когда вожди оппозиционного блока выступили с „Заявлением", означавшем их полную капитуляцию в организационном вопросе. „Заявлению" предшествовали переговоры, начатые 4 октября по предложению оппозиции. „Видя явную двойственность поведения оппозиции" в этих переговорах, ЦК выставил 11 октября „ряд минимальных условий, способных оградить партию от

она голосовала недавно, тем не менее отстаивает в несколько измененных формах необходимость сохранения своей фракции и необходимость продолжения фракционного блока с группой Медведева—Шляпникова...

б) Из постановления Политбюро ЦК ВКП от 11 октября 1926 г.

Объединенная оппозиция должна обязаться:

...5) Открыто отгородиться ясным и недвусмысленным образом от ренегатской позиции Оссовского и меньшевистской платформы Медведева—Шляпникова, ликвидирующих Коминтерн и Профинтерн и проповедующих объединение с социал-демократией.

в) Из „Заявления“ т.т. Г. Зиновьева, Л. Каменева, Г. Пятакова, Т. Сокольникова, Л. Троцкого, Г. Евдокимова от 16 октября 1926 г.

Взгляды Оссовского, выраженные в его статье, и Медведева, подвергнутые разбору в «Правде» (теория «двух партий», проповедь ликвидации Коминтерна и Профинтерна, попытки объединения с соц.-дем., расширения концессионной политики за пределы, установленные Лениным и т. п.), мы считали и считаем глубоко ошибочными, антиленинскими и в корне противоречащими нашим взглядам. Оценку, данную Лениным платформе «рабочей оппозиции», защищавшейся товарищами Шляпниковым—Медведевым, мы разделяли и разделяем полностью.

г) Из передовой статьи в „Правде“ от 23 октября 1926 г.

Оппозиция заявила, что она осуждает платформу Шляпникова—Медведева. Но категорическое осуждение медведевской программы должно означать необходимость отказа от тех элементов несомненной медведевщины, которые содержатся в идейно-политическом арсенале самой оппозиции. Осудить Медведева, значит осудить то неверие в дело социалистического строительства, которым медведевская платформа проникнута от начала до конца, неверие, которым грешат и представители оппозиции (см. резолюцию XIV съезда).

дальнейшей фракционной работы дезорганизаторов“. Оппозиция „приняла в основном предъявленные ей условия“, но заявила, что остается на почве своих прежних принципиальных взглядов. В ответ на это партия должна, разумеется усилить работу по разъяснению ошибок оппозиционного блока, в частности — по разоблачению элементов ультра-правой шляпниковщины и медведевщины в платформе этого блока.

Отмежеваться от медведевской платформы значит по существу дела отмежеваться от программы индустриализации за счет «неизбежного разорения» деревни, значит отмежеваться от оппозиционного «сверхиндустриализма», отмежеваться от «принципиальных взглядов» самой оппозиции на процессы расслоения, на вопросы о кулаке, середняке и пр. Если оппозиция признает, что вредна для партии правая платформа Медведева, основой которой является недооценка середняка, то она должна не топтаться на месте и не тащить партию назад, к покончённым спорам, но покончить сама с недооценкой середняка, еще раз пересмотреть свои «принципиальные взгляды».

Перед оппозицией два пути. Либо она сделает следующий шаг, пойдет вслед за партией и вместе с партией, откажется от ревизии ленинизма, забракует свои мелкобуржуазные «принципиальные взгляды». Либо она свои «принципиальные взгляды» будет отстаивать дальше, будет продолжать и углублять ревизию ленинизма. В последнем случае она встретит, как встречала до сих пор, железный отпор со стороны всей нашей партии и подвергнет себя риску окончательной изоляции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Задачи профессиональных союзов

(Тезисы рабочей оппозиции.)

Общие положения

1) Роль и задачи профессиональных союзов в переживаемый нами переходный период точно и ясно определены резолюциями Всероссийских съездов професиональных союзов. Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов в январе 1918 года так определил задачи профсоюзов: «Центр тяжести работы профсоюзов в настоящий момент должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профессиональные союзы как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства и воссозданию подорванных производительных сил страны».

Второй съезд в феврале 1919 года заявил, что в «процессе совместной практической работы с советской властью над укреплением и организацией народного хозяйства, профессиональные союзы перешли от контроля над производством к его организации, принимая активное участие как в управлении отдельными предприятиями, так и во всей экономической жизни страны».

Конец той же резолюции гласит: «Принимая непосредственное участие во всех областях советской работы, выделяя из себя и формируя государственные органы, профессиональные союзы должны путем этой работы через привлечение к ней как своих организаций, так и широких рабочих масс, воспитывать и подготовлять их к делу управления не только производством, но и всем государственным аппаратом».

Третий съезд, состоявшийся в апреле 1920 г., формально подтвердил основные решения обоих предыдущих съездов, а по существу, дав ряд конкретных указаний и рекомендаций союзам о том, как они должны участвовать в деле организации народного хозяйства, сузил объем задач, определенных резолюциями первого и второго съездов. Особенно отчетливо и выпукло определены практические задачи профессиональных союзов в программе РКП, принятой VIII съездом партии в марте 1919 года.

В программе РКП, в отделе «в области экономической», мы находим

в пункте 5-м следующее: «Организационный аппарат обобществленной промышленности должен опираться в первую голову на профессиональные союзы».

«Будучи уже, согласно законам Советской Республики и установившейся практике, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым».

2) Переход от военных задач к хозяйственному строительству и от милитаризованных методов работы к демократическим приемам обнаружил кризис в профессиональных рабочих союзах, выражающийся в несоответствии содержания их повседневной работы с теми задачами, которые определены в резолюциях съездов и закреплены в партийной программе. Практика партийных центров и государственных органов за последние два года систематически суживала размах работы профессиональных союзов и сводила почти к нулю влияние рабочих союзов в советском государстве. Роль профессиональных союзов в организации и управлении производством на деле низведена до роли справочной или рекомендательной конторы, поставляющей работников на административные посты; между государственными органами и союзами согласованности нет, и конфликты заваливают партийные организации. Яркую иллюстрацию положения союзов дает отчет о состоянии союзной профессиональной печати. До сего времени союзы не имеют ни типографии, ни бумаги. Журналы крупных союзов выходят с опозданием на несколько месяцев. Государственная типография едва принимает работы союзов даже в последнюю очередь.

3) Это падение роли и значения профессиональных союзов происходит в то время, когда опыт трех последних лет пролетарской революции показывает, что союзы целиком и последовательно проводили коммунистическую линию, вели за собой широкие круги беспартийных рабочих масс; когда всем и каждому ясно, что осуществление программы РКП в нашей стране, где подавляющее большинство населения мелкие товаропроизводители, требует крепкой массовой авторитетной рабочей организации, доступной для широких кругов пролетариата. Умаление значения и фактической роли профессиональных организаций в Советской России означает проявление буржуазной классовой вражды к пролетариату и должно быть немедленно изжито.

Ближайшие задачи и деятельность профсоюзов

4) Впервые открывшаяся перед республикой трудящихся действительная возможность «передышки» от кровавой вооруженной борьбы

против внутренней и иноземной контр-революции и мирового империализма дает возможность преимущественного сосредоточения всех сил и средств страны на борьбу с хозяйственной разрухой и на всемерное поднятие производительных сил нашей республики. Опыт четырехлетнего периода революции и трех с половиной лет советского строительства и борьбы учит, что осуществление поставленных задач удавалось постольку, поскольку в проведении их в жизнь принимали участие наиболее широкие слои рабочих масс. Этот опыт мы должны учесть и построить нашу деятельность так, чтобы она теперь была направлена по линии вовлечения рабочих масс в непосредственную работу по ведению хозяйства страны.

5) Победа над разрухой, восстановление и поднятие производительных сил нашей страны возможно и достижимо лишь при условии коренного изменения существующей на деле системы и приемов организации и управления народным хозяйством республики; система и методы строительства, опирающиеся на громоздкую бюрократическую машину, исключают всякую творческую инициативу и самодеятельность организованных в союзы производителей. Эта система проведения хозяйственной политики бюрократическим путем, через головы организованных производителей, по линии чиновников, назначенцев, сомнительных спецов, породила двойственность в деле управления хозяйством, влечет за собою постоянные конфликты между заводскими комитетами и управлениями предприятиями, между союзами и хозяйственными органами. Вся сумма порождаемых этой системой условий тормозит проявление у широких рабочих масс производственного энтузиазма и вовлечение их в деятельность и систематическое участие в преодолении хозяйственной разрухи. Такая система должна быть решительно отвергнута.

6) Наблюдающееся ныне стремление уклониться от проведения в жизнь программных решений партийного съезда о роли и задачах профессиональных союзов в советском государстве свидетельствует о прямом недоверии к силам рабочего класса. Сознательные передовые элементы рабочего класса, организованные коммунисты, должны напрячь всю энергию для преодоления этого недоверия и существующей в самой партии бюрократической косности. Необходимость уничтожения существующей ныне системы диктуется и тем обстоятельством, что громадные массы производителей воспитаны и идейно подготовлены профессиональными союзами к тому, что действительная защита классовых интересов производителей, в переживаемый нами момент, заключается в победе над хозяйственной разрухой, в восстановлении и под-

нятии производительных сил республики; от успешности выполнения этих задач зависит и самое существование рабочего класса нашей страны. Существующий же ныне бюрократический подход к хозяйственному строительству препятствует достижению максимальных производительных результатов, вносит разлад, недоверие и разложение в ряды рабочих.

7) Тяжелое экономическое положение нашей страны, металлический, топливный и прочий голод, недостаток всяческого оборудования и сырья требует немедленных героических мероприятий, могущих отразить надвигающуюся катастрофу. Основными мероприятиями, способствующими поднятию производительности, являются проведение хозяйственной политики рабочих организаций по линии профессиональных и производственных союзов, предоставление им решающего влияния в государственных хозяйственных органах, добывающих и распределяющих все виды материальных средств страны. Управление народным хозяйством есть одновременное управление рабочими массами. Введение системы организации и управления народным хозяйством через производственные союзы создает единое руководство, уничтожает противопоставление рабочих масс специалистам и этим создает широкий простор организаторской и административной деятельности для людей науки, теории и практики.

8) Профессиональные и производственные объединения рабочих суть организации коллективного хозяйственного опыта и строятся на началах рабочей демократии, выборности и отчетности всех органов снизу доверху. За время своего существования союзы приобрели достаточно опыта и людей с административными и хозяйственными способностями и талантами. Целые отрасли нашей военной, машиностроительной, металлургической и других организаций управляются рабочими администраторами. Многие сотни сложных промышленных предприятий руководятся коллегиями или отдельными управляющими-рабочими. Но будучи представителями союзов в хозяйственных органах, эти руководители предприятий не являются ни ответственными, ни обязанными отчетностью перед пославшими их организациями и даже не подлежат отозванию, а отвечают только перед хозяйственным органом. Объединение руководства промышленностью в союзах уничтожит и это вредное явление.

9) Переход от существующей теперь системы бюрократического управления хозяйством, оторванным от самодеятельности трудовых масс, необходимо совершать организованно и начать с укрепления низших ячеек профессиональных и производственных союзов, как фабричные, заводские рабочие комитеты и выше, ставя целью подготовку их к

непосредственному управлению хозяйством, чтобы обеспечить успех перехода рабочих союзов от современного пассивного содействия органам народного хозяйства к активному, сознательному инициативному и творческому участию их в управлении всем хозяйством страны.

В целях ускорения этого перехода необходимо проведение нижеследующих мероприятий:

а) Произвести между отдельными союзами размежевание по производственному признаку.

б) немедленно начать укрепление союзов работниками, техническими и другими материальными средствами, в целях приспособления их к новым задачам.

в) Произвести подбор работников союзов и рабочих комитетов под углом их пригодности к осуществлению стоящих перед союзом задач. Этот подбор должен итти снизу и под контролем союзов.

г) Все существующие теперь между ВСНХ и ВЦПС паритетные начала участия союза в организации и управлении хозяйством должны расширяться в сторону увеличения прав и преимуществ рабочих организаций.

д) Ни одно лицо не должно быть назначено на административно-хозяйственный пост помимо союза.

е) *Все выдвигаемые союзом кандидаты не могут быть отводимы и должны считаться обязательными для ВСНХ и его органов.*

ж) Все поставленные или выдвинутые союзами работники являются ответственными перед союзами и *могут быть отозваны ими во всякое время.*

з) *Союзы, признанные ВЦСПС достаточно сильными для организации непосредственного управления целыми отраслями промышленности, осуществляют это право*, независимо от степени готовности для этого других союзов.

10) Вся сумма союзного внимания и работы должна быть перенесена на фабрики и заводы, предприятия и учреждения и сосредоточиваться на развитии активности и сознательности производителя в самом процессе его деятельности. *В этом должна заключаться роль союзов как школы коммунизма.* Развивая в процессе производства и на его данных сознание освобожденного производителя, союз должен организовать работу так, чтоб превратить рабочего из придатка мертвой хозяйственной машины в сознательного творца коммунизма, созидающего его на началах целесообразного экономного разделения труда. Каждый винтик болтореза, каждая нитка ткача, каждый гвоздь кузнеца и кирпич строителя должны служить скреплением,

связью и фундаментом новых производственных отношений. На этом основании должно происходить коммунистическое воспитание.

Управление народным хозяйством

Общие положения

11) Развернутые в конечном виде формы организации управления хозяйством, а также окончательно построенная система взаимоотношений различных хозяйственных органов должны привести существующие в республике организации производителей в виде производственных и профессиональных союзов к сосредоточению в своих руках всего управления народным хозяйством, как единым хозяйственным делом.

12) Это сосредоточение управления единым хозяйством республики достигается путем установления такого организационного порядка, при котором все органы управления народным хозяйством как в центре, так и на местах избираются представителями от организованных производителей. Этим путем создается единство воли, необходимое в организации народного хозяйства, а также действительная возможность инициативного влияния со стороны широких рабочих масс на организацию и развитие нашего хозяйства.

13) Организация управления всем народным хозяйством принадлежит Всероссийскому съезду производителей, объединенных в профессиональные производственные союзы, который избирает центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики.

а) Всероссийские съезды производственных союзов отдельных отраслей хозяйств избирают органы, управляющие производственными, хозяйственными отделами и отраслями.

б) Областные, губернские, уездные, районные и тому подобные органы управления учреждаются соответствующими местными съездами профессиональных и производственных союзов. Этим путем достигается сочетание производственного централизма с местной инициативой и самодеятельностью. Отделы областных, губернских, уездных, районных и тому подобных органов управления хозяйством составляются соответствующим в каждом случае союзом.

14) Предприятия, родственные по производственному признаку, объединяются, в целях наилучшего использования технических средств и материалов, в группы (куст, главки). Однородные предприятия, находящиеся в одном городе, поселке, объединяются под общим управлением, создаваемым союзом в общем порядке. Управление объединенными пред-

приятиями, территориально разрозненными, создаются съездами рабочих комитетов данных предприятий, созываемых союзом.

Организация рабочих комитетов, управляющих предприятиями

15) Все рабочие и служащие, занятые во всех предприятиях и учреждениях республики, являясь членами профессиональных и производственных союзов, в целях скорейшей организации труда и производства на социалистических началах, должны организованно и активно участвовать в деле управления народным хозяйством.

16) Все рабочие и служащие, без различия должностей и профессий, занятые работой в отдельных хозяйственных единицах, как то: на фабриках, заводах, шахтах, рудниках, во всех предприятиях, учреждениях, службах транспорта и связи и во всех видах сельского хозяйства, являются непосредственными распорядителями находящегося в их ведении имущества, отвечающими за его сохранность и целесообразное использование перед всеми трудящимися республики.

17) Будучи участниками организации управления предприятиями, рабочие и служащие, занятые в заводах, фабриках, мастерских, учреждениях и службах транспорта и связи, земельного и других хозяйств, представляющих определенную хозяйственную единицу для данного места, избирают руководящий этим предприятием орган—рабочий комитет.

18) Рабочий комитет является первичной организационной ячейкой союза данного производства и составляется под руководством и контролем соответствующего союза.

19) В задачи рабочего комитета входит управление данным заводом или хозяйством, включающим в себя:

а) руководство производственной деятельностью всех рабочих и служащих данной хозяйственной единицы;

б) заботу о всех нуждах производителей.

Свою работу по ведению хозяйства, согласно положений и инструкций союза, члены комитета распределяют между собою так, что на-ряду с их коллективной ответственностью, в первую очередь лежащей на председателе, должна быть определена точно личная ответственность каждого.

20) Вся деятельность предприятия, его программа работ и внутренний распорядок в пределах получаемых заданий и существующих законоположений вырабатываются и утверждаются трудящимися, занятыми в данном предприятии под ответственностью и руководством рабочего комитета и союза.

21) Одним из непременных условий поднятия нашего народного хозяйства является необходимым систематическое проведение в жизнь натурализации заработной платы, как меры, обеспечивающей повышение производительности труда и улучшение быта производителей. Все приводимые ниже меры должны быть связаны тарифной системой и входить в общую сумму натуральной заработной платы.

I. Отмена оплаты пайков и предметов домашнего обихода и широкого потребления, выдаваемых рабочим по карточкам и ордерам продорганов.

II. Отмена оплаты обедов для рабочих и их семей.

III. Отмена оплаты бань, трамваев, театров и т. п.

IV. Отмена оплаты за квартиры, отопление и освещение.

V. В местностях, где жилищный вопрос стоит остро, произвести уплотнение советских и военных учреждений, в целях предоставления квартир рабочим.

VI. Организовать ремонт жилищ рабочих средствами предприятий, при условии гарантии выполнения предприятием его основных производственных заданий.

VII. Признать постройку рабочих поселков и рабочих домов-коммун делом первостепенной важности и включить в программу Комгоссора на ближайший строительный период максимальную программу постройки рабочих жилищ.

VIII. Организовать специальные рабочие поезда и трамваи, приурочив их движение к концу и началу работ в предприятиях.

IX. Принять меры к преимущественному снабжению рабочих предметами широкого потребления.

X. Упростить и ускорить порядок получения прозодежды, а также основного и премиального натурфонда.

XI. Приписать к заводам или специально организовать для обслуживания нужд рабочих заводов обувные и одежные починочные мастерские, при чем предприятия должны всячески оказывать поддержку и помощь этим мастерским как в организации оборудования, так и по возможности и в снабжении необходимым материалом.

XII. При наличии при предприятиях коммунальной обработки земли под огороды и т. п. оборудовать коммунальное хозяйство техническим инвентарем и средствами за счет предприятия.

XIII. В предприятиях, расположенных в непосредственном соседстве с деревней, организовать ремонт сельскохозяйственных машин.

XIV. При составлении смет заводов, как денежных, так и продуктовых, должна приниматься во внимание необходимость проведения заводом перечисленных выше мероприятий.

22) Все указанные выше мероприятия должны быть проведены в первую очередь в национализированных предприятиях. В предприятиях частновладельческих и кустарных они проводятся с разрешения в каждом отдельном случае профсоюза.

Мероприятия, носящие коллективный общезаводской характер, проводить по заводам, в зависимости от успешности их работы. Мероприятия, имеющие чисто личное значение для отдельного рабочего, проводить в виде поощрения, начиная с наиболее успевающих работников.

Председ. ЦК Всер. Союза Металл. А. Шляпников.
Зам. председателя М. Владимиров.
Секретарь С. Склизнев.
Члены: И. Карякин. С. Медведев.
В. Плешков,
Центр. Правл. Арт. Зав. Член ЦК и председ. А. Толоконцев.
Члены: П. Борисов. Я. Кубышкин.
Г. Бруно.
Замест. председ. Совета военной промышл. К. Орлов.
Директор Главко-Авио Михайлов.
Директор Госуд. машино-строит. зав. (Гомзы) А. Васильев.
Председ. Центр. правл. тяжелой индустрии И. Котляков.
Председатель главн. правл. объедин. зав. средн. машино-строительного завода И. Барулин.
Председ. правл. Сормов. зав. Чернов-Грешнев.
Член комит. Московск. отделения ВСРМ Н. Иванов.
Завед. отделом произв. пропаганды ВСРМ Н. Копылов.
Всер. Союз Горнораб. Председ. ЦК А. Киселев.
Члены: М. Миков. С. Арутюнянц.
С. Лосев. А. Горбачев.
В. Сиверт. А. Стороженко.
Член ЦК горнорабочих и член коллег. горного совета ВСНХ В. Воронин.
Председ. Усольск. подрайона правл. горнораб. В. Строкин.
Кизеловский Райком Горнораб. Председ. И. Ялунин.
Члены С. Рычков. П. Федурин.
А. Миронов. А. Забурдаев.
И. Лагунов.
Председатель ЦК союза текстильщиков И. Кутузов.
Председатель ЦК союза Всеработзема Н. Кубяко.
Член Хитров.
Председ. Курской Губком. по снабж раб. Изворин.
Член парт. контр. ком. при ЦК РКП Челышев.

18 января 1921 г.

Резолюция по партийному строительству, предложенная «рабочей оппозицией» X съезду ВКП(б)

1. X съезд РКП устанавливает необходимость, ввиду переживаемого партией РКП кризиса, отметить причины, вызывающие этот кризис, и приступить к немедленному устранению тех из них, которые поддаются непосредственному воздействию партии. Кризис вызван причинами внешними, лежащими вне воздействия партии, и причинами внутрипартийными. Последние могут и должны быть устранены путем внесения исправлений и дополнений к существующему до сих пор партийному строительству. К объективным причинам относятся хозяйственные и бытовые условия, которые создают особые трудности при воплощении в жизнь программы РКП: 1. Обстановка полного хозяйственного разложения страны, усугублявшаяся натиском мирового империализма и белогвардейщины. 2. Воплощение коммунизма в стране экономически отсталой, где капитализм не успел еще завершить полного круга своего развития. 3. Пестрота социального состава населения, количественное преобладание крестьянства и мелкой буржуазии над рабочим классом и проистекающая отсюда необходимость для партии примирять три разнородных политических тенденции: коммунистическую политику рабочих, мелкобуржуазные запросы крестьян и крупно-капиталистические стремления буржуазно-чиновничьей касты. Приспособление партии противоречивым социальным интересам, влекущее за собой неустойчивость и уступки то одной, то другой социальной группе населения, усиливается по мере отождествления партии с исполнительными советскими аппаратами. Между тем в резолюции в роли коммунистической партии в пролетарской революции, принятой на втором конгрессе III Интернационала, определенно сказано, что «кто предлагает коммунистической партии» приспособляться к «советам» и видит в таком приспособлении усиление «пролетарского характера» партии, тот оказывает медвежью услугу и партии и советам, тот не понимает ни значения партии, ни значения советов». «Коммунистическая пар-

тия должна быть настолько сильна и классово четка, чтобы не приспособляться к советам, а решающим образом воздействовать на их политику, заставив советы отказаться от приспособления к буржуазии.

2. Причины кризиса внутрипартийного характера следующие: 1) Напряженная атмосфера гражданской войны революционных годов, повлекшая за собой перенесение военных методов управления в повседневную практику партийного, советского, профессионального строительства и устранение партийных масс от активного участия в партии, что вызвало отрыв руководящих органов партии от широких рабочих масс и создало почву для развития бюрократизма. 2) Существование республики под постоянной угрозой мирового империализма, ослабляющей развитие организационных форм партстроительства в сторону демократизации и породившей несоответствие между устарелыми формами партийных аппаратов и требованиями, вырастающими из окрепшей политической сознательности масс и ее стремлений путем самодеятельности создать основу коммунистического общества. 3) Прилив в ряды нашей партии обывательских карьеристских элементов, выходцев из буржуазного и мелкобуржуазного слоя, не порвавших со своим старым мировоззрением; прилив, особенно усилившийся после ликвидации лево-эсеровского восстания и развала мелкобуржуазных партий, целыми партийными группами вошедших в партию. Вследствие потери в гражданской войне лучших передовых работников, партия не в состоянии была переварить влившиеся в нее социально разношерстные элементы. Наоборот, вошедшие в партию чуждые элементы, усвоившие навыки, воспитанные в партии обстановкой гражданской войны, оторванные от рабочих масс, приносящие в партию ведомственную психологию, тормозили воспитание масс в духе самодеятельности и задерживали замену системы «управления сверху» и опеки верхов над низами товарищеским руководством. Кризис еще усиливался явной недооценкой и недоверием партийных руководящих верхов к творческим способностям и политической зрелости рабочих.

3. Все эти причины привели: к сокращению в партии условий для проявления самодеятельности при крайней суженности инициативы членов партии, к расцвету бюрократизма, тормозящего воспитание самодеятельности масс и сводящего лозунг «самодеятельности» к пустой словесности; к отсутствию ответственности руководящих верхов перед партийными массами; широко распространенному командованию над рабочими низами, к застращиванию и излишним принуждениям, практикуемым как в профессиональных, так и в советских организациях, требующих неукоснительной исполнительности, партийной дисциплины, самоотверженности и преданности со стороны членов

партии; к отсутствию гласности и демократического способа решения важнейших вопросов партии и советской политики, вытекающих из явного недоверия руководящих членов партии к рядовым членам, к падению авторитета партии и утрате популярности партии среди пролетарских масс, о чем свидетельствует массовый уход рабочих из партии, случающиеся забастовки и т. д.; к непроведению в жизнь постановлений съездов и конференций.

4. Учитывая все эти болезненные ненормальные явления, тормозящие развитие успехов революции, X съезд считает необходимым наметить ряд практических мер для оздоровления партии и предлагает всем членам партии напрячь все усилия для скорейшего изживания кризиса партии и для обеспечения внутрипартийного единства. Сохранение существующего положения вещей угрожает закрепить кризис, придав ему длительный и потому очень опасный для революции характер.

5. Отмечая, что период революции еще не завершен, что РКП приходится осуществлять коммунизм в капиталистическом окружении и что в данный момент перехода к торговым сношениям с буржуазно-капиталистическими государствами мировой капитализм пытается обходными путями завладеть и подчинить себе Советскую Республику, X съезд указывает на следующие положения, которые должны лечь в основу практических мероприятий, служащих к оздоровлению партии и к укреплению ее классовой мощи и революционной стойкости.

X съезд предлагает: 1) произвести коренную очистку партии и провести ее в соответствии с определением, принятым на международном съезде Коминтерна, а именно: «коммунистическая партия есть часть рабочего класса, его наиболее передовая, наиболее сознательная, а потому наиболее революционная часть. Коммунистическая партия создается путем отбора лучших, наиболее сознательных, наиболее самоотверженных, наиболее дальновидных рабочих; «2) партийным органам создать условия, благоприятствующие и облегчающие развитие и укрепление самодеятельности рядовых членов партии во всех областях классового творчества и строительства коммунизма, подтвердить постановление Всероссийской конференции и установить, что выросшее сознание партийных масс делает возможным и необходимым проведение в жизнь и сохранение принципа рабочей демократии не только в момент успокоения, но и в случае обострения как внутреннего, так и внешнего положения. Принимая во внимание тяжелое положение рабочего класса, порождаемое мировым развалом производства и хозяйственными неурядицами переходного времени, съезд партии указывает, что создать новые формы производства, обеспечить простор для поднятия производительных сил страны может только живая инициатива и самодеятель-

ность пролетарских и полупролетарских масс, не стесняемая и не сковываемая на каждом шагу иерархией разрешений и постановлений; 3) сплотить товарищеским руководством широкие массы вокруг практических задач хозяйственного строительства и улучшения быта рабочих, осуществляемого через профсоюзы, сгруппировав таким образом вокруг партии классово-четкое ядро пролетариата, способное не только созидать новую систему производства и коммунистических форм хозяйства, но и заинтересованное в том, чтобы в целях классовой самообороны отражать удары контр-революции извне и изнутри трудовой республики; 4) Учесть настроение широких масс крестьянства, перед которыми стоит непосредственная угроза потери земли от рук белогвардейщины и усилить работу в ячейках деревни.

Исходя из указанных выше основных положений, долженствующих служить к оздоровлению нашей партии, X съезд предлагает немедленно провести следующие практические мероприятия.

Практические мероприятия

С этой целью X съезд партии постановляет:

1. Очистить партию от всех некоммунистических элементов, создав из нее действительный авангард рабочего класса, как того требует наша программа и постановление Коминтерна.

Считая, что все подлинно революционные элементы из не-пролетарской среды вошли в партию в первоначальный период до Октябрьской революции и что по мере укрепления советской власти в партию стали вливаться обывательские, карьеристские, неустойчивые элементы из не-пролетарской среды; во-вторых, что буржуазия стремится разложить нашу партию вхождением в нее; в-третьих, что эти чуждые нам элементы вносят в партию чуждый нам дух, затрудняя создание классового единства партии и привнося в нее привычки и понятия, присущие буржуазии и развращающие рабочих, съезд постановляет прекратить доступ в партию не-пролетарских и не-крестьянских элементов за исключением тех, кто работал в ней до ликвидации лево-эсеровского восстания, т. е. до середины 1918 года.

2. В целях удаления из партии всех примазавшихся и карьеристских элементов, не позднее чем через месяц со дня закрытия съезда должна быть произведена партийная перерегистрация всех не-рабоче-крестьянских элементов, вступивших в партию позднее срока, указанного в пункте первом. Вступившие в партию после этого срока автоматически выбывают из партии с правом в трехмесячный срок подачи заявлений о приеме обратно. Для перерегистрации каждой партийной организа-

цией должны быть созданы особые комиссии, тройки, составленные из вступивших до Октябрьской революции партийных работников—двух представителей высшей партийной организации и одного из местной.

Товарищи, рекомендовавшие того или иного члена партии из не-рабочих и не-крестьян, несут ответственность за те или иные упущения и вред, причиненный коммунистической партии или советской власти.

3. Списки кандидатов в партию из не-рабочей среды предварительно предаются гласности (через печать или вывешивание списков в предприятиях и учреждениях) за месяц до принятия в партию.

Срок несения ответственности за действия рекомендуемого члена партии поручается выработать ЦК.

Каждый член партии из непролетарской среды допускается к занятию ответственной партийной должности не ранее двух лет; к занятию же должностей менее ответственных допускается не ранее года.

Для вовлечения рабочих масс в партию и для облегчения вступления в нее отменить обязательную рекомендацию, заменив последнюю обсуждением кандидатуры рабочего в партию на собрании ячейки.

4. Каждый член партии обязан ежегодно не менее трех месяцев заниматься физическим трудом на фабриках, заводах, рудниках, шахтах, железных дорогах, сельскохозяйственных и т. п. работах.

Каждый член партии обязан изучить ту или иную простейшую фабрично-заводскую или другую указанную в предыдущем пункте работу по своей склонности или по указанию хозяйственных органов и по санкции партийных организаций.

Члены партии, выполняющие партийный долг на физическом труде, обязаны жить на общих условиях со всеми рабочими данной области труда.

Ни один член партии не может быть избран ни на какую партийную и советскую должность раньше выполнения партийного долга—физического труда.

Члены партии не могут нести ответственных руководящих должностей свыше одного года без выполнения трехмесячной физической работы.

Освобождаются от физического труда только такие члены, которые имеют физические недостатки, все же остальные исполняют физическую работу в зависимости от степени сил и здоровья.

5. При приеме в партию нового члена принимать во внимание мнение и характеристики не только членов партии и кандидатов, но и беспартийных рабочих, сочувствующих коммунистической партии и советской власти.

6. В целях обеспечения самодеятельности партийных масс требуется осуществление на деле развернутых форм рабочей демократии внутри партии. Для этого необходимо проведение следующих мероприятий:

а) Безусловная выборность всех руководящих органов без назначенства и уполномоченных. Назначение допускается лишь как исключение.

О всех назначениях соответствующий партийный орган доводит до сведения ближайшей конференции или съезда, где назначение утверждается или отменяется. Уполномоченные могут быть только товарищи, избранные съездом или конференцией (члены губкомов, парткомов, уездкомов).

Ведение системы в перемещение и распределение партийных сил и проведение их через местные организации.

б) Подчинение всей партийной и политической работы территориально местной организации, подчинение всех членов партий, работающих на данной территории, партийному контролю и руководству местной организации.

в) Регулярная отчетность всех членов партии, занимающих выборные должности, перед своими избирателями и на широких партийных собраниях.

г) Свобода критики внутри партии как действий отдельных членов партии, так и постановлений большинства, при обязательном условии проведения в жизнь постановлений высших партийных инстанций.

д) Обеспечение возможности свободы дискуссий (признать за внутрипартийными течениями право устраивать дискуссии и дать материальную возможность представителям течений защищать свои взгляды.

е) Принятие более решительных мер к проведению в жизнь решений конференции об уравнении членов партии как в материальном положении, так и в несении партийных обязанностей.

7. Для оздоровления верхов нашей партии, для усиления связи с массами и для вовлечения широких слоев пролетариата в строительство партии и руководства политикой в выдержанном классовом духе, съезд предлагает орабочение и освежение всех руководящих партийных органов, регулярную смену большинства их состава, введение во все эти руководящие органы в преобладающем количестве пролетарских элементов, не порывающих с производственным трудом и связанных с широкими партийными и беспартийными массами.

8. В целях создания такого рода партийных органов, которые действительно являлись бы органами идейного контроля над советскими органами и руководили бы последними в выдержанном классовом духе, а также и в целях усиления партийной работы, необходимо, чтобы

по меньшей мере одна треть из наличного состава членов партийных центров персонально не совмещала партийной и советской работы.

9. Роспуск низшей организации выше стоящим партийным органом допустим лишь при наличии явных нарушений постановлений партийного съезда распоряжений или циркуляров, изданных в развитие и на основе постановлений съездов. Во всех остальных случаях выше стоящий орган созывает соответствующую конференцию или делегатское собрание, где и разрешается назревший вопрос или конфликт. Впредь до разрешения в указанном здесь порядке проведение в жизнь постановления высшего партийного органа не приостанавливается низшим органом.

10. В целях коммунистического воспитания рядовых членов партии, а также усиления партийного влияния на беспартийные рабочие массы необходимо перенесение центра тяжести партийной работы в ячейки.

11. Необходимо усилить роль ячейки в работе и жизни предприятий или учреждений. Она принимает участие в выработке и проведении производственного плана.

Она выдвигает кандидатов на все ответственные и выборные должности, проводя их через соответствующие инстанции.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

„Индустриальные рабочие мира“ о „рабочей оппозиции“ [1])

(Из предисловия к американскому изданию „Рабочей оппозиции“ А. Коллонтай)

Главная цель перевода и издания настоящей книги заключается в том, чтобы показать американским рабочим революционную политическую партию в ее практической деятельности. Одновременно выясняется и ее неизбежный уклон в сторону бюрократизма, сопровождающийся отчуждением ее от масс. Полный или хотя бы лишь частичный обзор зол, в изобилии возникающих от политической централизации производства и распределения, конечно, не может войти в эту маленькую книжку; кроме того, слишком очевидно, что все эти жалобы не должны выходить за пределы партийных рядов.

Первоначально настоящая книжка предназначалась только для делегатов X съезда Российской коммунистической партии. И предвидя возражения против опубликования в Америке того, что не предназначалось для широких кругов, мы со своей стороны находим себе оправдание в следующем: критика партии, имеющей в своих руках судьбы и благосостояние многомиллионного населения России, в той же мере должна интересовать революционных рабочих в Америке, как и повсюду. Да, в той же мере, как и русских рабочих.

Российская революция, как самопроизвольное массовое движение, не является достоянием какой-либо определенной группы или партии. Все человечество тесно связано с этим событием, и потому никто не может говорить, что за пределами известных кругов не может быть изучения столь жизненно важных вопросов.

Неудача большевистской партии в деле разрешения социальной проблемы и неудачная попытка автора настоящей книги доказать, что эта проблема могла бы быть разрешена партией, если бы она усвоила тактику, рекомендуемую оппозицией,—оба эти факта, взятые вместе,

---

[1]) Переведено с английского языка для настоящего издания. Брошюра тов. Коллонтай была любезно переиздана в Америке анархосиндикалистской организацией „Индустриальные рабочие мира“. Сост.

достаточны, по нашему мнению, для того чтобы надолго отстранить мнение, будто несколько лидеров со своими конторками в правительственных учреждениях в состоянии эмансипировать рабочих.

Коллонтай удалось убедить нас, что Ленин, Троцкий и Зиновьев вместе с другими большевиками—лидерами и рядовыми—все время делали ошибки, пытаясь решить социальную проблему сверху. Она выражала уверенность, что решение проблемы должно итти снизу, но ей не удалось привести ни одного логического оправдания в пользу того, чтобы какая-либо политическая партия могла направлять такое движение.

Перевод настоящей книги с русского на английский представлял множество затруднений; главное из них заключалось в необходимости изменить некоторые части ее, чтобы сделать их понятными для читающего на английском языке. Оригинал по-русски написан был наскоро, надо было торопиться, чтобы отпечатать его к X съезду Российской коммунистической партии, и потому автору невозможно было отнестись с большим вниманием к подробностям изложения. Поэтому в английском переводе имеется ряд фраз и параграфов, которые не являются дословным переводом, а передают лишь смысл подлинника. Другое замечание, которое надо сделать в связи с этой книжкой,—это указать на то, что автор часто говорит лишь намеками. Объясняется это тем, что ее аудитория знакома с фактами, с которыми она имеет дело, потому она освободила себя от необходимости быть более детальной в своих рассуждениях. Но, несмотря на это, несомненно, что «детская болезнь левизны» есть болезнь, которая совершенно стушевывается перед органической слабостью политических центров.

Эта книга в данный момент только что появилась в России в печати. Движение «рабочей оппозиции», как официально было объявлено на X съезде Российской коммунистической партии, «несовместимо с настоящей политикой коммунистической партии». Это означает лишь штамп нелегальности, наложенный на движение...

Чего не следует забывать.

(Статья тов. Ем. Ярославского в „Правде“ от 20 января 1924 г.)

Тов. Шляпников считал, что дискуссия будет крайне неполна, если партия не узнает о «наших разногласиях», т.-е. о разногласиях тов. Шляпникова с партией. Поэтому он опубликовал свою статью (тоже своего рода «платформу»), в которой с самым благочестивым видом (как он это делает и на собраниях) поносит нашу партию, воображая, что он ей оказывает услугу. Тов. Сафаров дал уже отповедь одной части этого выступления, отметив «роковое сходство» некоторых рассуждений архилевого тов. Шляпникова с рассуждениями совсем не левого Пауля Леви, ушедшего от коммунистов к меньшевикам. Что касается экономики тов. Шляпникова, и его статистических упражнений, то лучшую оценку им товарищи найдут в речах тов. Ленина на X съезде РКП. Рассуждения тов. Шляпникова насчет происходившего будто бы «распыления» пролетариата заставили меня ответить однажды в «Правде» тов. Шляпникову и доказать ему, цифрами, и фактами, что в нашей стране идет не распыление, а собирание пролетариата, его основных кадров. Но мышление тов. Шляпникова прочно забронировано и достаточно консервировано, если он в 1924 году повторяет те самые ошибки, которые с такой беспощадностью вскрыты были тов. Лениным в 1921 г.

Здесь я хотел бы ответить коротко тов. Шляпникову по поводу того, что он не признает родства с мясниковщиной, с «Рабочей группой» РКП. В вышедшей только что как нельзя кстати брошюре тов. Вл. Сорина «Рабочая группа» («Мясниковщина») *) товарищи найдут более обстоятельный материал относительно родословной «мясниковщины». Я лишь напомню некоторые факты.

Предо мною лежит брошюра А. Коллонтай «Рабочая оппозиция». Издана она за границей (издание группы революционной рабо-

*) Вл. Сорин. „Рабочая группа“ („Мясниковщина“). С предисловием Н. Бухарина, издание МК РКП, 135 стр. Ц. 50 к.

чей оппозиции (коммунистической рабочей партии) России, секции IV Интернационала (не смешивать с РКП и Коминтерном). Брошюра издана с критическими примечаниями некоего Р. Корпелянского, очень немногочисленными. Родство Мясникова настроениям и взглядам именнно этой группы IV Интернационала выражено им в ряде документов, которые мы надеемся опублиновать на-днях. И вот, если верно, что «мясниковщина» и «рабочая оппозиция»—совершенно разные вещи, то как же эту разницу определяет сама «революционная рабочая оппозиция», которая просит «не смешивать ее с РКП и Коминтерном»? Послушаем:

«Мы печатаем данную брошюру не для рекламы г-жи Коллонтай. Мы знаем, что Коллонтай далеко не едино мыслит с нами, как и мы с ней... Рабочая оппозиция в ребяческом повиновении Ильичам не выполнила своего долга перед рабочим классом России, не распространила в необходимом количестве эту брошюру... Нужно возможно публичней сделать эту книжечку с примечаниями. Нужно разъяснить рабочим и всем другим пролетариям каждое слово данного труда. Нужно перепечатать, переслать или передать прочесть для других, а равно ознакомить с книгой все соседние города, губернии, уезды, фабрики, промыслы, шахты и т. д.».

Значит, кое в чем расходится с «рабочей оппозицией» IV Интернационал, враждебный до злобы по отношению к РКП. Но манифест «рабочей оппозоции»—брошюру Коллонтай—распространяет, как свой. Самую бывшую группу «рабочей оппозиции» эти родственники характеризуют так:

«О большинстве этих официальных оппозиционеров можно сказать что это—«оппозиция верхов против верхов». Эта «оппозиция верхов против верхов», по мнению IV Интернационала, использовала настроения недовольства низов... «непролетарским диктаторством, буржуазными и мелкобуржуазными замашками и тенденциями руководящего слоя РКП».

Но эти разногласия—пустяки по сравнению с пунктами «рокового сходства». На стр. 10 мы имеем следующее заявление г. Корпелянского:

«Мы согласны с рабочей оппозицией в том, что рабочий класс, пролетариат непосредственно сам, через своих выборных и делегированных рабочих представителей должен управлять народным хозяйством».

А что же было предметом жесточайших нападок тов. Ленина на X съезде, по поводу «рабочей оппозиции», как не эти ее взгляды? Надо ли приводить выдержки из речей тов. Ленина, где он иронически

говорит о «классово-спаянных» товарищах из «рабочей оппозиции», обличая их анархо-синдикалистский уклон? В резолюции, предложенной тов. Лениным и принятой X съездом, говорится:

«Одним из наиболее законченных и наиболее оформленных выражений этого уклона являются тезисы и другие литературные произведения группы так называемой «рабочей оппозиции». Достаточно показательным является, например, следующий тезис: «Организация управления народным хозяйством принадлежит всеросийскому съезду производителей, объединяемых в профессиональные, производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики».

Идеи, лежащие в основе этого и других подобных заявлений, в корне неправильны теоретически, будучи полным разрывом с марксизмом и коммунизмом, а равно с итогами практического опыта всех полупролетарских и настоящей пролетарской революции».

А теперь тов. Шляпников спрашивает с ясным, невинным челом: почему это нас пытаются связать то с одной чуждой партии группировкой, то с другой? Да никто в такой степени этого не сделал, как вы сами тов. Шляпников.

Если вы ознакомитесь с манифестом «Рабочей гр.» Мясникова и другими документами этой группы, для вас идейное родство этих групп, то, что мясниковщина вылилась из «рабочей оппозиции», станет совершенно ясным. Насколько члены «рабочей группы» прошли перед ЦКК,—это на 90 проц. бывшие члены «рабочей оппозиции». Стоит только посмотреть список, опубликованный в постановлении ЦКК, чтобы в этом убедиться.

И, тем не менее, факт, что Мясников враждебно настроен по отношению к т.т. Шляпникову, Медведеву и некоторым другим членам бывшей «рабочей оппозиции». Точно также факт, который я всегда подчеркивал: т.т. Шляпников и Медведев выступали против Мясникова и его нелегальной группы.

Так в чем же дело? В чем же тогда ошибка тов. Шляпникова? В том, что тов. Шляпников проводил на нелегальных собраниях «Раб. группы» не директивы партии, а свои собственные взгляды, взгляды бывшей «рабочей оппозиции», осужденные съездами партии. Эти взгляды только частично совпадали со взглядами «Раб. гр.». Мясников шел дальше и докатился до подпольной противопартийной организации, участвовавшей в забастовках, организовавшей эти забастовки, но исходным пунктом мясниковщины является тот же анархо-синдикализм тов. Шляпникова.

Беда в том, что тов. Шляпников продолжает настаивать на своих прежних ошибках, которые заставили однажды тов. Ленина поставить вопрос об его исключении из ЦК РКП. Напрасно, тов. Шляпников, вернулись вы к воспоминаниям недавнего прошлого. Они не послужат вам на пользу.

В ближайшие дни я вернусь более обстоятельно к этим вопросам в подготовляемой для «Правды» статье: «Что такое «Рабочая группа».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Б. Сущность разногласий между партией и „рабочей оппозицией".

Профсоюзы, партия, государство.

Союз пролетариата и крестьянства. Нэп.

Вопросы партийного строительства.

В. „Рабочая оппозиция" как анархосиндикалистский уклон.

1924—1926 г.г.

Приложения.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

В ПОМОЩЬ ПАРТРАБОТНИКУ

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК РЕЗОЛЮЦИЙ СЪЕЗДОВ И КОНФЕРЕНЦИЙ ВКП (б) (1898—1925)

Стр. 608. Ц. 3 р. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ:

1 р. 20 к./у

